

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**
Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«РОССИЙСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ДРУЖБЫ НАРОДОВ»

**ВЛИЯНИЕ
МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ
НА РАСПРОСТРАНЕНИЕ
РУССКОГО ЯЗЫКА В МИРЕ**

**Сборник тезисов и статей
участников Международного конгресса**

Париж, 7–10 июня 2017 г.

**Москва
Российский университет дружбы народов
2017**

УДК 811.161.1:316.77:314.74(063)
ББК 81.2Рус+88.53+60.54
В58

*Издание подготовлено при финансовой поддержке
Министерства образования и науки Российской Федерации*

В58 Влияние миграционных процессов на распространение русского языка в мире : сборник тезисов и статей участников международного конгресса. Париж, 7–10 июня 2017 г. – Москва : РУДН, 2017. – 280 с. : ил.

ISBN 978-5-209-08272-9

В настоящем сборнике представлены статьи, подготовленные российскими и иностранными участниками международной конференции «Миграционные процессы в России и Европейском Союзе: перспективы сохранения и развития русского и национальных языков стран Европы», организованной 7–8 июня 2017 г. в Париже (Франция) на базе Российского духовно-культурного православного центра Российским университетом дружбы народов при содействии Министерства образования и науки Российской Федерации, Посольства России во Франции, ряда некоммерческих организаций и участия университетов – партнеров РУДН во Франции.

В работе конференции приняли участие эксперты и профильные специалисты из Франции, Германии, Италии, Греции, Польши и других стран Европейского союза, а также России и Турции.

Материалы конференции представляют широкий взгляд на ключевые проблемы миграции и современной миграционной политики.

Сборник будет интересен и полезен экспертному сообществу, студентам и аспирантам, а также всем, кого не оставляют равнодушными современные проблемы российской и европейской миграции.

ISBN 978-5-209-08272-9

УДК 811.161.1:316.77:314.74(063)
ББК 81.2Рус+88.53+60.54

© Коллектив авторов, 2017

© Российский университет дружбы народов, 2017

ПРЕДИСЛОВИЕ

7–8 июня 2017 г. в Париже на базе Российского духовно-культурного православного центра прошла Международная конференция «Миграционные процессы в России и Европейском союзе: перспективы сохранения и развития русского и национальных языков стран Европы», организованная Российским университетом дружбы народов при содействии Министерства образования и науки Российской Федерации, Посольства России во Франции, ряда некоммерческих организаций и при участии университетов-партнеров РУДН во Франции. В работе конференции приняли участие эксперты и профильные специалисты из Франции, Германии, Италии, Греции, Польши и других стран Европейского союза, а также России, Болгарии и Турции. Общее число участников превысило 120 человек.

В рамках пленарного заседания конференции были обсуждены проблемные аспекты современных миграционных процессов, в том числе вопросы приема беженцев и переселенцев как во Франции и других странах ЕС, так и в России, а также вопросы регулирования миграционных потоков, получения гражданства, учета и адаптации трудовых мигрантов и членов их семей и др.

Эти темы прозвучали в интересных докладах известнейших специалистов по миграции из Франции и Германии на пленарном заседании, в частности, К.В. дэ Венден из Парижа (тема «Европа перед угрозой кризиса приема беженцев») и Г.-Д. фон Леффельхольца, экс-руководителя исследовательского управления Федерального ведомства по делам мигрантов и беженцев ФРГ, посвятившего свое выступление опыту и подходам Германии и Европейского Союза в управлении рынком труда, миграцией и языковой интеграцией мигрантов.

Российские эксперты В. Поставнин, президент фонда «Миграция. XXI век», в своем выступлении говорил о правовом положении трудовых мигрантов в России; О. Чудиновских из МГУ им. М.В. Ломоносова – о старых проблемах и новых идеях по регулированию международной миграции, получению гражданства в России; С. Рязанцев из РУДН – о внешней миграционной политике России и роли русского языка в эффективном регулировании миграции; В. Леденева из РАНХиГС озвучила интересные данные социологических обследований о мнении россиян о миграционной ситуации в России и за ее пределами.

Каждый доклад сопровождался многочисленными вопросами, выступлениями и комментариями участников. Модератором пленарной сессии был профессор А.Я. Быстрыков, представляющий экономический факультет РУДН.

В тот же день на круглом столе «Политико-правовые, философские и лингвоцивилизационные вопросы внешней миграции и гражданства на европейском континенте в контексте современных вызовов и угроз», который вела А.В. Должикова, прозвучали интересные доклады К. Галактероз из Франции «Вызовы суверенитету в контексте языкового, культурного и конфессионального разнообразия», немецких экспертов по миграции Г. Келермана и Г.-Д. фон Леффельхольца о роли экономики, социальной и образовательной политики в управлении миграционными процессами, профессора Ж.-П. Гишара из Университета Ниццы о геополитических взглядах и миграционной политике Китая, профессора РУДН Л.А. Букаловой о правах детей-мигрантов в России.

На дискуссионных секциях «Глобальные вызовы миграционных процессов в мире, правовое регулирование гражданства и миграции в России и Европейском Союзе» под модерированием профессора РУДН Е. Пономаренко, и «Проблемы социокультурной адаптации и интеграции мигрантов: потери или сохранение русского и национальных

языков?», которую вел декан экономического факультета РУДН Ю. Мосейкин, обсуждались наиболее горячие вопросы прикладного характера в контексте языкового, культурного и профессионального разнообразия, сопровождающие миграционные процессы: правовая защита, противодействие терроризму, создание инфраструктуры для адаптации семей-мигрантов в странах пребывания, проблемы трансформации языковой и культурологической идентичности различных поколений мигрантов, противоречивые вопросы регулирования интеллектуальной миграции и др. В дискуссиях приняли участие видные ученые и эксперты разных стран: профессор Университета Нантер Г. Бургель, заведующая кафедрой из РУДН В. Холина, К. Лонги из Университета Лазурного берега, заведующая кафедрой РУДН Е. Пономаренко, референт Минообразования и науки России Ш. Тагирова, заведующий кафедрой РУДН А. Быстряков, С. Учгюль из университета Эрджиес Кайсери (Турция), З. Шахин из Университета Анкары, профессор РУДН М. Мосейкина, А. Сумачев из Тюменского госуниверситета и др.

Бурную дискуссию вызвали выступления французских профессоров П. Бордо из Университета Кретей Валь де Марнь и Н. Неновски из Университета Амьена, чьи взгляды диаметрально разошлись в вопросах жестких мер регулирования миграции в странах ЕС, а также выступление А.А. Трубецкого, представляющего взгляды русской эмиграции.

Из российских участников особенно выделялась группа, представляющая РУДН: А. Должикова, Е. Пономаренко, В. Холина, Л. Букалорова, А. Быстряков, Ю. Мосейкин, М. Мосейкина, которые поочередно выступали с докладами, вели дискуссионные секции и давали комментарии.

Участники конференции отметили, что она призвана способствовать развитию гуманитарного сотрудничества России и государств – членов Европейского Союза, содействовать созданию диалога между странами.

По итогам конференции разработаны рекомендации, которые направлены в Посольство России во Франции и соответствующие министерства и ведомства Российской Федерации.

В настоящем сборнике представлены доклады и выступления российских и иностранных участников конференции по ключевым проблемам миграции и современной миграционной политики.

Надеемся, что сборник будет интересен и полезен экспертному сообществу, студентам и аспирантам, а также всем, кого не оставляют равнодушными современные проблемы российской и европейской миграции.

LES ENJEUX DE SOUVERAINETÉ DANS UN CONTEXTE DE DIVERSITÉ LINGUISTIQUE, CULTURELLE ET CONFESSIONNELLE

Caroline Galactéros

*docteur en science politique,
directeur de la société de conseil PLANETING*

Madame la Vice-présidente, monsieur le Ministre conseiller, mesdames et messieurs, chers amis! C'est pour moi un honneur et une joie de venir aujourd'hui partager avec vous quelques idées sur la problématique liant les enjeux de diversité linguistique, culturelle et religieuse à ceux des migrations à l'échelle de notre continent.

Introduction. Les modèles russe et français d'Etat-nation sont à la fois proches et très différents. Ils semblent opposer l'idée d'un «Peuple multinational» à celle d'une «République une, indivisible et laïque».

Rappelons en préambule que, pour Le Larousse, la souveraineté renvoie au «Pouvoir suprême reconnu à l'État, qui implique l'exclusivité de sa compétence sur le territoire national (souveraineté interne) et son indépendance absolue dans l'ordre international où il n'est limité que par ses propres engagements (souveraineté externe).

Or, en France, la souveraineté interne comme externe sont aujourd'hui défiées dans un même et inquiétant mouvement: Si tout État fait la politique extérieure correspondant à ses intérêts nationaux propres, il semble que la nôtre soit parfois biaisée par la prise en compte excessive des intérêts de certaines communautés existant sur le territoire national mais se considérant de moins en moins comme «françaises» et bien plutôt comme des

parties d'un ensemble dépassant la France et devant lui imposer ses vues.

Selon une dérive grandissante, La république devrait ainsi accueillir la diversité comme une fatalité mais aussi comme une bénédiction qui la transformerait pour le mieux et à laquelle il conviendrait de s'adapter.

Ce débat fait évidemment polémique mais quoi qu'il en soit, depuis les années 2000 et l'apparition dans le champ médiatico-politique de la question de «*l'identité nationale*», la perception de «la diversité» et son impact sur la cohésion nationale dans l'espace public français sont *problématiques*.

Face à la variété des langues, cultures et religions, face aussi à l'évidente progression des «territoires perdus de la République» au sens symbolique et concret du terme, face à l'emprise croissante du fondamentalisme islamique qui pousse implicitement la population et ses dirigeants à la soumission progressive et le renversement des valeurs nationales (laïcité, liberté, égalité, etc...) par l'exercice de la terreur en pluie fine, face à son imprégnation croissante de certaines franges de la jeunesse immigrée française, face enfin aux revendications communautaires de plus en plus décomplexées qui cherchent à faire bouger les normes et à la réaction d'une classe politique partagée entre la frayeur, la naïveté et la complaisance, «le Français de base» comme on dit, s'interroge sur ce qu'il est et ce qui fait qu'il forme encore patrie avec ses concitoyens.

Dans ce contexte, la manière dont la Russie souveraine traite la question religieuse, linguistique et culturelle dans son immense et si divers espace, peut sans doute éclairer les défis de la France post – moderne en matière de protection et de réaffirmation de sa souveraineté.

Rappelons le Préambule de la Constitution de la Fédération de Russie: «Nous, peuple multinational de la Fédération de Russie, uni par un destin commun sur notre terre, affirmant les droits et libertés de l'homme, la paix civile et la concorde, conservant l'unité de l'Etat historiquement constituée, nous fondant

sur les principes universellement reconnus d'égalité en droit et d'autodétermination des peuples, vénérant la mémoire des ancêtres qui nous ont transmis l'amour et le respect de la Patrie, la foi dans le bien et la justice, faisant renaître l'Etat souverain de la Russie et rendant intangible son fondement démocratique, visant à assurer le bien-être et la prospérité de la Russie, mus par la responsabilité pour notre Patrie devant les générations présentes et futures, nous reconnaissant comme une part de la communauté mondiale, adoptons La Constitution de la Fédération de Russie».

Terre, unité, histoire, Etat, ancêtres, patrie (terre des pères), responsabilité: Les termes de ce préambule affirment une évidence et une certitude identitaires et politiques inscrites dans une continuité historique qui transcendent à la fois les individus, les groupes et les formes prises par l'Etat ou la nation russe à travers les âges.

Cette valeur accordée à l'historicité, à la chair immémoriale de la patrie au-delà des vicissitudes de l'histoire, est une source de force et de cohésion nationales dans laquelle nous pourrions sans doute trouver quelque inspiration salutaire. A travers les âges, certains de nos dirigeants (je pense notamment à Napoléon ou à Charles de Gaulle) l'ont d'ailleurs ressenti ainsi et su l'exploiter politiquement.

Qu'est-ce qu'une nation?

En préambule de notre démonstration, rappelons que le terme de «nation» en France, est par essence politique. Citoyenneté et nationalité s'y mêlent et confondent, tandis qu'en Russie, (je parle sous votre contrôle, la citoyenneté russe (*rossijskij*) se distingue de la nationalité russe (*russkij*).

Ainsi, la «Mère Russie» s'est faite de nombreux peuples appelés «nationalités» ayant chacun leur identité «ethnique» culturelle linguistique et religieuse, agrégés au fil du temps pour former l'ensemble des citoyens de l'actuelle Fédération de Russie ayant pour langue officielle le Russe mais pouvant pratiquer aussi leur langue originelle. Aussi, mais ensuite et non contre... nuance d'importance...

Il y a donc en Russie une claire prédominance de la citoyenneté commune sur «la nationalité» au sens ethnique ou communautaire du terme.

La notion de Nation française de son côté, confond les deux concepts de citoyenneté et de nationalité et affirme «une identité nationale» homogène, propre et exclusive. Toutefois la nation est ici le produit historiquement daté d'une construction politique, celle de l'Etat-nation post révolutionnaire. En conséquence, si elle lie intimement souveraineté et nation, elle nie radicalement la diversité culturelle, religieuse ou linguistique lui ayant préexisté. (cf Richelieu déjà obligeant la petite noblesse de province à oublier ses patois pour apprendre un français châtié et uniforme puis la Troisième république...)

I. Le sentiment de dilution de l'identité française est pourtant un fait actuel indéniable et massif.

Deux phénomènes peuvent l'expliquer:

- Une importante immigration extra-européenne depuis les années 1960;
- La mondialisation qui déracine les individus, particulièrement en Europe après 1991.

Ce sentiment de dilution est accentué par le fait que la tradition française d'assimilation est affaiblie et contestée. Les populations issues de l'immigration se considèrent à la fois comme déracinées et comme marginalisées par un système d'intégration en panne et qui lui-même, ne sait plus s'imposer. C'est sur ce terreau que prospère le communautarisme et la violence terroriste.

Cette dynamique s'inscrit également dans un contexte plus général de délégitimation de l'Etat depuis 1991, notamment en Europe. La verticalité, l'autorité, l'idée même de l'Etat comme structure tutélaire crédible, efficace et légitimement contraignante, sont des notions remises en cause par les structures supranationales (institutions de Bruxelles) et à l'autre bout du spectre, par la montée de régionalismes divers (Bretagne, Corse, Pays basque; en Europe, Catalogne en Espagne, ou autre cas

Ecosse en Grande Bretagne) qui traduisent déjà un besoin de réenracinement et de réassurance identitaire. Comme la montée plus générale du populisme de droite comme de gauche.

II. Fondamentalisme musulman et totalitarisme islamique.

La principale source interne d'identité alternative à laquelle la France comme nation souveraine, est confrontée, est culturellement et linguistiquement issue des populations maghrébine et subsaharienne, et confessionnellement représentée par l'Islam (7% population française à peu près 5 millions officiellement). Son référent implicite contestataire et conquérant, est le fondamentalisme musulman qui s'exprime diversement mais aussi sous des formes extrêmes telle la terreur, pour intimider et forcer la soumission politique et sociale progressive des populations plus anciennes.

En Russie aussi je crois que vous avez à peu près 12 millions de votre population de confession musulmane – près de 20 millions d'habitants-.C'est dire quels enjeux de souveraineté soulèvent, à l'échelle globale, pour nos deux pays, le fondamentalisme islamique qui recrute dans nos deux pays.

III. Comment se structure la population française en 2017?

La Nationalité française s'acquiert par le droit du sol ou le droit du sang. Mais les groupes ethniques n'ont pas d'existence juridique en France, et les statistiques ethniques y sont interdites pour ne pas alimenter la haine ethnique. Ainsi, le recensement de population en France ne distingue pas entre:

- les individus originaires de pays étrangers et naturalisés;
- les enfants d'individus originaires de pays étrangers et de nationalité française (droit du sol);
- les métropolitains vivant en métropole;
- les ultramarins vivant outre-mer le plus souvent d'autres langues, cultures, religions, restes de notre Empire colonial.

Pas de cartographie précise donc mais cette faiblesse finit cependant par nourrir les fantasmes. Car, en esquivant la question de la définition de ce qui fait le socle de l'identité et de la nationalité françaises, on ne la fait pas disparaître pour autant.

On évite juste de tirer des conséquences et surtout de revoir notre politique d'intégration.

IV. Différences entre la France et la Russie. La manière dont la Russie paraît traiter la question de la diversité doit nous éclairer.

Tout d'abord, il existe une différence majeure qui touche à la formation même de nos deux Etats.

Tandis que la France projetait son idée de la nation à travers l'aventure coloniale au XIXème siècle, en Russie, la formation de l'Etat impérial russe à partir du XVIème siècle, s'est faite en absorbant des territoires, des peuples et des cultures ethniquement différents au sein même des frontières de l'Etat. Il y a donc consubstantialité entre la formation de l'Etat russe et le rapport assumé à la diversité nationale.

La formation de la nation française précède donc la création du «deuxième espace colonial» au XIXème siècle, dont nous avons hérité la diversité actuelle. La nation s'est proclamée souveraine en 1789, et «la France» est devenue alors synonyme de «la République» dans une volonté de «faire table rase du passé» et des différences. La France a colonisé des territoires sans continuité territoriale, en projetant son modèle et ses «valeurs politiques» et les a soumis à une assimilation culturelle et linguistique contraignante et exclusive qui désormais n'est plus jugée acceptable par les immigrés de 2de et 3ème génération.

La différence est encore plus frappante si l'on compare la décolonisation française avec l'éclatement de l'URSS.

La France a été dépossédée de son empire moins qu'elle n'a été touchée dans son intégrité nationale, à l'exception notable de l'Algérie, considérée comme un département français.

Perdant 5 millions de km² et 145 millions d'habitants, et revenant à ses frontières du XVIIIème siècle, la Russie post-soviétique elle, vécut un véritable traumatisme national en comparaison duquel la perte de l'Alsace-Lorraine en 1871, semble presque dérisoire.

Autre divergence qui en découle, la diversité de la Russie se trouve plus ou moins «isolée» sur certaines parties d'un immense territoire de 17 millions de km². Un Russe moscovite peut vivre sans jamais croiser plusieurs des 180 nationalités qui composent son pays.

En France à l'inverse, l'immigration s'est établie dans les métropoles et grands centres urbains, d'où la question de sa visibilité dans l'espace public et des questionnements quant à l'identité nationale.

De plus, tandis que la Fédération de Russie donne plus ou moins d'autonomie à certaines des «nationalités» présentes dans les 22 républiques et les 89 «sujets» qui la composent, la France est une République «une, indivisible et laïque», héritière de la rigidité des principes de 1789, qui assimilait à elle les populations immigrées.

L'immigration extra-européenne post-coloniale est donc plus que jamais à la fois un tabou politique et le cœur du problème. A-t-on encore les moyens et surtout la volonté d'assimiler les populations, ou doit-on se diriger vers plus de «fédéralisme à la russe»?

La question est peut-être celle de la relation au temps et à la vision de l'Histoire comme une suite de ruptures ou une incarnation de la continuité et du temps long.

V. Convergences actuelles et futures. Le point commun entre la France et la Russie demeure en effet leur universalisme. En cela, le Peuple français et le Peuple russe ne peuvent être, dans leur expression, que des peuples patriotiques et non nationalistes. Ce serait contraire à leur histoire, leur culture et leur tradition.

Comme nous l'avons vu, le renoncement à l'affirmation sereine d'une identité française est pour beaucoup dans la confusion actuelle. Là aussi la Constitution russe peut simplement nous aider à résoudre ce problème. En effet dans le préambule, il est écrit que le peuple russe est un peuple «*multinational de la Fédération de Russie, uni par un destin commun sur notre*

terre... conservant l'unité de l'Etat historiquement constituée».

La France, historiquement constituée au fil des siècles, ne se réduit pas elle non plus à la République, et il ne doit y avoir ni honte, ni peur, ni discrimination à revendiquer l'essence de la France, et non la République, selon le mot de Peyrefitte prêté à de Gaulle, comme: «un peuple européen de race blanche, de culture grecque et latine et de religion chrétienne» (le terme de «race» doit être ici évidemment recontextualisé).

L'immense tort de l'Occident et de la mondialisation est sans doute de délégitimer la notion même de nation, celle d'appartenance à une patrie comme source de droits mais aussi de devoirs, et de réduire les peuples au rang de simples populations d'individus et les pays au rang de territoires.

Or, c'est bien le peuple russe qui a historiquement constitué la Russie en tant qu'Etat-nation, tout comme c'est le peuple français qui a historiquement constitué la France en tant qu'Etat-nation au-delà des formes de régimes politiques et des agrégations ultérieures de populations étrangères.

Une telle clarification permettrait de lever le voile sur beaucoup d'angoisses compréhensibles, qui nourrissent les fantasmes les plus divers et dont se servent ceux qui attisent les tensions aussi bien à l'intérieur qu'à l'extérieur du pays.

Conclusion. La question de l'identité et de sa relation à la diversité, devenue le mantra d'une post modernité déboussolée, est symptomatique d'une angoisse, d'une faiblesse. Or, une nation vivante ne se pose pas la question de savoir qui elle est. Elle est. Elle est une affirmation sereine, et son rapport à la diversité, à l'altérité n'a rien d'une opposition. Être souverain en France dans un contexte de diversité, c'est aussi reconnaître que tout ce qui a constitué la France à travers les siècles (l'identité religieuse dominante, les diverses formes de régime, les apports culturels extérieurs, les périodes de gloire et celles de déclin, etc.) demeure le socle légitime de ce qu'est la France d'aujourd'hui et de ce qu'elle doit demeurer demain.

Chantier long, difficile qu'il va falloir mener avec une extrême rigueur.

Réaffirmer ce qu'est la nation, c'est aussi s'opposer au multiculturalisme d'essence anglo-saxonne et à l'ultra individualisme auxquels nous avons beaucoup emprunté ces dernières années. Pour autant, la France est aujourd'hui une République centralisée établie selon des principes jugés supérieurs qui transcendent la diversité et doivent s'imposer à elle. En ce sens, La France a probablement plus à partager avec la Russie qu'avec les pays anglo-saxons. La convergence de certaines problématiques (notamment celle de la pénétration croissante du prosélytisme religieux) devrait rapprocher nos deux pays pour échanger sur les bonnes pratiques les plus à même de leur permettre de résoudre ces équations redoutables.

Je vous remercie de votre attention.

МИГРАЦИОННАЯ ПРОБЛЕМА – ОШИБКА ЗАПАДА

А.А. Трубецкой

Президент ассоциации «Франко-российский диалог»

Начну с того, что я сам потомок «мигрантов». Это была миграция из России после революции 1917 г.

Напомню, что только из одного русского Крыма в 1920 г. хлынул поток около 150 000 жителей России, которых с помощью западных держав эвакуировал генерал Врангель, будучи тогда главой правительства России, созданного им в Крыму.

Эта массовая для того времени миграция тогда потеряла все, кроме чести и любви к Родине. Любовь к Родине – это то, что в основном отличает этих людей от нынешнего явления миграции.

Кроме того, они покинули Родину с надеждой как можно быстрее вернуться. А это тоже существенная разница, несмотря на то, что их желание не осуществилось.

Они не требовали, как теперь, безвозвратную помощь от принимавших их стран, но испытывали к ним большую благодарность за то, что их приняли.

В основном они сами себя содержали, создавая школы, в которых, кроме русского языка, преподавалась программа образования принимающей страны. Этим преследовалась цель правильной интеграции при сохранении собственной культуры. Я сам учился в такой школе и могу сказать, что я получил двойную культуру, которой я горжусь.

Они создавали церкви, которые их объединяли. Но всегда в этих церквях молились «за многострадальную Россию и

страну сию», т.е. за принимавшую нас страну. Эта молитва называется ектеньей.

Создавая предприятия (в Америке известный на весь мир И.И. Сикорский), музыкальные общества (во Франции консерваторию, которую создал С.В. Рахманинов, а теперь в ней директором работает граф П. Шереметев), организации молодежи, культурные центры, организации помощи беженцам, они брались за любую работу, не считая это унижением (например, мой отец работал таксистом, так как его российские дипломы не признавались во Франции, а приехал он во Францию без всего и должен был содержать семью). Они не рассчитывали жить на иждивении принимающих стран, которым самим было не легко оправиться после Первой мировой войны. При этом они становились верными защитникам принимающих стран, соблюдая их законы, приобретая (или не приобретая) новое гражданство.

Я подробно описал пример российской миграции.

Но в XX в. появились мигранты из многих стран по разным причинам: в одной Франции это армяне, итальянцы, испанцы, португальцы, поляки, вьетнамцы, верные Франции магрибинцы и многие другие. Все они приезжали с твердым, иногда не осязаемым для самих себя понятием, что они благодарны принимающей стране и, несмотря на трудности, готовы принести ей пользу.

Постепенно ситуация менялась. Количество и, главное, менталитет мигрантов начал вызывать некоторое опасение со стороны правительств и неблагожелательность со стороны коренного населения. Например, в одной только Франции поднялись голоса многих самых разных политических и общественных направлений: генерал Шарль де Голь активно вел контрольную политику по миграционным вопросам. Как-то он сказал, что не допустит, чтобы в деревне, в которой он живет (и умер), церковь превратилась в мечеть.

Его оппозиция говорила то же самое: коммунист Жорж Маршэ резко выступал против недостаточного контроля над по-

током иммиграции, а социалист Мишель Рокар (который одно время был премьер-министром при Митеране) как-то сказал, что «Франция не способна принимать всю мировую бедноту».

В настоящее время появилась миграция, которая отличается своим массовым потоком и, кроме Африки, не принадлежит традиционным источникам миграции, о которых говорилось ранее. Эти мигранты направляются в Европу из Пакистана, Бангладеш, Афганистана, Ирака, Ливии, Косово, Румынии (в основном цыгане). Большинство из них въезжают в эти страны незаконно.

Стало почти невозможным предотвратить эти новые потоки, так как в странах Евросоюза нет ни консенсуса, ни общей политики по этому вопросу.

Действуют активные сети ввоза в Европу этих мигрантов. Эти сети работают за деньги, без малейшего чувства ответственности по отношению к драматическим проблемам, которые они создают. Получается, что чем больше погибает людей в Средиземном море, тем больше европейские страны вынуждены организовать спасение и гуманитарное обеспечение этой массе мигрантов.

Более того, например, во Франции, идет усиленная политика по выдаче гражданства и щедрой помощи новым мигрантам с надеждой, что эти «новые французы» будут отдавать свой голос нынешнему правительству на будущих выборах. Эта политика сказалась на только что прошедших президентских выборах во Франции.

Эта помощь выдается в ущерб коренным жителям, у которых пенсия или дотация безработным оказывается часто ниже, чем те средства, которые выдаются мигрантам, особенно в случаях их многоженства. Парадоксально, что многоженство запрещено в наших странах, но мигранты ставят нас перед фактом, и социальная помощь распространяется на такие семьи.

Известное провокационное пророчество романа Е. Чудиновой «Мечеть Парижской Богоматери» может действи-

тельно стать реальным фактом. Этот роман прогнозирует 2048 г.

Это грубейшая ошибка Запада, потому что Запад не ощущает опасность не просто самого миграционного вопроса, а главное, не видит наступления резкой цивилизационной мутации нашего мира. А знаков такой мутации нашей цивилизации очень много: такие исторически христианские регионы, как Косово и Босния, превратились в исламские государства, и это при помощи западных держав (особенно США, которые принудительно вводят там свой новый мировой порядок с целью своего господствования), появляются города, в которых коренных жителей оказалось меньше, чем мигрантов. В таких городах или кварталах больших мегаполисов образовались зоны, где права и законы государства не соблюдаются, растёт уголовщина, свободная торговля наркотиками и расизм против коренных жителей. В основном полиция не может ничего сделать в этой ситуации и сама находится в опасности в этих зонах.

Во Франции, как и в почти всех странах Европы, нет четкой политики урегулирования миграции для принуждения мигрантов соблюдать законы и интегрироваться.

Безусловно, этим пользуются мигранты, чтобы выставить свои собственные требования, как, например, требование вводить в школьных столовых, магазинах и госпиталях обязательное для всех меню «Халяль».

Нет четкой политики насчет ношения исламской одежды в общественных помещениях и на улице. Закон хоть и существует, но из-за политической слабости не исполняется.

Более того, когда в прошлом году летом во Франции была попытка некоторых мэров запретить ношение так называемых «буркини» на пляжах, особенно недалеко от места, где был осуществлен крупнейший теракт 14 июля в г. Ницце, правительство Франции не поддержало эту совершенно законную и мудрую инициативу и аннулировало решение мэров.

Хочется также обратить внимание на то, что новые мигранты подвергаются сильнейшей обработке со стороны вражеских сил, таких как террористические группировки ИГИЛ или «Аль Кайда», которые открыто проповедуют ненависть по отношению к европейским странам и открыто обещают их завоевать. Часто среди мигрантов находятся фальшивые мигранты, т.е. силовики или пропагандирующие агенты, которые создают невидимую сеть, готовую в любой момент совершать теракты, как это регулярно наблюдается.

Подчеркну, что мое выступление – не против ислама, а против его самой архаичной формы, которой пользуются открыто объявившие против нас войну радикальные движения, которые получают крупное финансирование от некоторых исламских государств.

Даже президент Алжирской Республики как-то открыто пообещал, что «животы наших беременных женщин покроят Европу». И это не мешает ему бесплатно лечиться во Франции, которая еще извиняется перед ним за то, что когда-то была колонизаторской страной.

Мы оказались глухими и слепыми за исключением нескольких выступлений со стороны понимающих людей, таких как Президент Венгрии Виктор Орбан, который как-то сказал, что «мы не должны допустить импорт к нам (в Европу) войн Ближнего Востока». Он же принял тяжелое решение перекрыть границу с Сербией колючей проволокой. Это также позиция Польши и Прибалтийских республик, которые не исполняют указы Брюсселя по квотам приема мигрантов. Это такие движения и партии, как Пегида или национальный фронт во Франции.

Все это является одной из главных причин брекзита и, вероятно, в скором времени и многих других «эксцитов», влияет на обострение сепаратистских движений (Корсика, Каталония, Шотландия, которая чуть не отошла от Великобритании, север Италии (так называемая Лига Севера), Баски и т.д.

Есть реальная опасность, что произойдет расслоение Евросоюза со всеми экономическими и политическими последствиями.

И, как это ни странно, за все это несут ответственность в разной степени все европейские политические руководители. Они по разным причинам не только не принимают меры, когда это еще возможно, но и приклоняются перед США, которые поощряют развитие потоков миграции, но не у себя, а только для того, чтобы Европа никогда не стала сильной экономической державой. При таком подходе, который подробно описан в теории Бржезинского, Европа, как и все страны мира, должна преклонится перед господствующей Америкой, которая рассматривает весь мир своим вассалом.

Россия пока сумела урегулировать проблемы миграции в отношениях со странами бывшего советского пространства. Тем не менее риск существует, и это оправдало военные действия в Сирии, откуда есть серьезный риск образования опасной формы миграции с помощью радикальных сил, которые из России пробрались в ряды террористической группировки ИГИЛ и которые пользуются крупным финансированием для дестабилизации некоторых регионов Российской Федерации.

Вот почему конференции по проблемам миграции, которые Русский Мир организовал сначала в Саратове, потом в Москве, а теперь и в Париже, имеют важное значение. Россия не должна повторить ошибки Запада! Она должна их подробно изучить и показать Западу, что пора открывать на эту проблему глаза, пока не стало слишком поздно...

L'EUROPE ET LA CRISE DE L'ACCUEIL DES REFUGIES

Catherine Wihtol de Wenden

CNRS, CERI, Sciences-Po

Introduction. Depuis ces vingt-cinq dernières années, l'Union européenne a été confrontée à des mouvements migratoires appartenant à des profils divers: regroupement familial, demandeurs d'asile, étudiants, élites qualifiées, migrants à la recherche de travail, mineurs isolés, réfugiés. Contrairement au passé, les migrations de travail sont devenues très faibles en nombre par rapport aux autres flux, de regroupement familial, d'asile, d'études. L'Union européenne reste la première destination migratoire au monde en terme de flux, devant les Etats-Unis (seconds), les pays du Golfe (troisièmes), la Russie (quatrième), autres grands pôles migratoires (Wihtol de Wenden, 2016).

Aujourd'hui, l'Union européenne connaît un afflux de réfugiés sans précédent (plus d'un million de demandeurs d'asile en 2015). Elle est entourée de pays en guerre ou en conflit intérieur, qui ont produit des flux de réfugiés au sens large (plus souvent demandeurs d'asile que migrants venus à la recherche de travail, mais presque tous migrants forcés) d'une ampleur exceptionnelle. Ces flux viennent actuellement de Syrie (5 millions ont migré à l'étranger, dont 4 millions sont en Turquie, plus d'un million au Liban et 600 000 en Jordanie), d'Irak, de Libye (ancien filtre des migrations sub-sahariennes vers l'Union européenne, par le biais d'accords bilatéraux conclus notamment avec l'Italie), de la corne de l'Afrique (Erythrée, Somalie), d'Afghanistan, du Soudan et du Kosovo.

Après une période de frilosité et d'atermoiements, le discours, le 7 septembre 2015, d'Angela Merkel, déclarant l'Allemagne prête à accueillir 800 000 demandeurs d'asile durant l'année 2015 et la proposition de Jean-Claude Juncker de partager 160 000 demandeurs d'asile entre les pays européens ont lancé les bases d'un nouveau tournant migratoire. Les valeurs de l'Union européenne: solidarité entre pays européens, respect des droits de l'homme et du droit d'asile ont alors été mises à l'épreuve de la réalité. La photo, diffusée dans le monde entier, du petit Syrien de trois ans mort sur la plage turque de Bodrum suite au naufrage du bateau conduisant sa famille de Syrie vers la Grèce à l'automne 2015 ont participé à cette remise en question de l'approche sécuritaire qui a dominé la politique d'immigration et d'asile en Europe. On compte en effet 22 000 morts aux portes de l'Union européenne de 2000 à 2015 et 3000 morts en méditerranée, pour l'année 2015, presque autant pour l'année 2016.

Ces chiffres masquent la diversité des migrants et des raisons de migrer. Dans la réalité, beaucoup de migrants ont été, ces dernières années, des flux mixtes: partis à la recherche de travail, fuyant des pays en crise et ne leur offrant aucun avenir à leurs yeux. L'absence d'espoir, quelle qu'en soit la cause, est souvent à la source de la décision de quitter des pays mal gouvernés, instables, insécurisés et corrompus (régimes sans alternance, en proie au clientélisme, aux ressources très inégalement distribuées, avec un marché du travail très étroit pour une population majoritairement jeune). Elle nourrit la cause des «*harragas*», ces «grilleurs de frontières» entre le Maghreb et l'Europe, qui recourent à des passeurs pour s'offrir une autre vie, ou ces migrants transsahariens, prêts à tout pour vivre ailleurs. Mais la cause essentielle des départs récents est la guerre, l'instabilité et la violence politiques: en Erythrée, en Somalie, en Syrie, en Irak, en Libye.

I. L'Europe, première destination migratoire au monde.
Si, au sud, on est souvent face à des «flux mixtes» d'hommes

jeunes venus seuls fuyant la situation économique et politique sévissant chez eux, au Proche Orient la plupart des nouveaux venus sont des familles de demandeurs d'asile. Ceux qui empruntent les voies de la migration irrégulière transsaharienne puis méditerranéenne, ou turque, grecque et ex-yougoslave par la route des Balkans, sont le fruit d'une sélection parmi les jeunes. Il faut être en bonne santé, déterminé, capable d'affronter les difficultés de tous ordres du voyage, avoir accumulé un pécule qui peut atteindre jusqu'à 30 000 euros, et avoir pour projet de vivre à l'étranger une durée suffisamment longue pour régulariser sa situation. On est loin du migrant de main d'œuvre venu en Europe par les services du patronat comme dans les années 1960, aisément régularisé et animé par le projet de retour au pays. Certains ont travaillé dans les pays qu'ils traversent comme les Sub-Sahariens en Libye, et ont perdu leur emploi à cause du chaos qui y règne, d'autres ont été victimes de la guerre qui sévit chez eux (Syrie, Libye), d'autres n'ont pas trouvé après la guerre d'opportunités d'emploi (Afghanistan) et sont chômeurs dans des pays où le taux de chômage atteint 40% de la population chez les jeunes. Tous voient dans l'Europe une terre de paix, de sécurité, de respect des droits et d'avenir pour eux et leurs enfants.

L'Europe, ancienne terre de départ, ne s'est jamais pensée comme continent d'immigration et celle-ci apparaît illégitime à beaucoup de ceux qui refusent cette réalité. L'Europe a en effet longtemps été une terre de départ vers les grandes découvertes, la colonisation, le commerce international, les missions étrangères, le peuplement de pays vides. Il y a un siècle on comptait 5% de migrants internationaux sur la planète contre 3,5% aujourd'hui: la plupart étaient des Européens car l'Europe était aussi très peuplée par rapport à d'autres continents. Puis, les migrants sont venus durant la période de croissance, à un moment où beaucoup de pays européens manquaient de main d'œuvre pour leur économie minière, industrielle ou agricole, et de reconstruction après les deux guerres mondiales et qui requérait

surtout des «bras» (Tapinos, 1975). Tous les pays de l'Union européenne sont signataires de la Convention de Genève sur l'asile de 1951 et partagent entre eux les valeurs fondamentales de droits de l'homme qui font partie du projet politique européen. Ces pays sont pourtant traversés par la poussée des populismes qui ont placé la lutte contre l'immigration en tête de leur programme.

Depuis les années 1990, l'Union européenne n'a cessé de multiplier les initiatives destinées à dissuader les nouveaux arrivants: passage des questions d'immigration et d'asile du troisième au premier pilier communautaire (traité d'Amsterdam, en 1997) en faisant de l'immigration un thème sécuritaire, responsabilisation des transporteurs et privatisation de certains agents de contrôle des frontières, mise en place du système intégré de vigilance externe (SIVE) le long des côtes espagnoles (2002), restriction du droit d'asile (notion de pays sûr, de pays tiers sûr, de demande manifestement infondée, amendement Aznar de 1997 rendant très difficile la demande d'asile d'un pays européen à un autre), tentatives d'européanisation du droit d'asile avec les accords de Dublin I (1990), principe du «*one stop, one shop*» (Dublin II, 2003) selon lequel un demandeur d'asile doit obligatoirement voir traitée sa demande dans le premier pays d'accueil européen où il a mis le pied, informatisation des empreintes digitales (Eurodac, 2000) pour identifier les demandeurs d'asile frauduleux entre plusieurs pays de l'Union, militarisation des frontières extérieures et mise en commun des forces policières pour les protéger (Frontex, 2004). Un arsenal d'accords bi et multilatéraux entre pays européens et pays extra-européens (près de 300) situés de l'autre côté des frontières extérieures de l'Europe à des fins de reconductions aux pays de départ ou de transit des déboutés du droit d'asile et des sans papiers est venu compléter le dispositif (Voir les travaux de Claire Rodier, 2013).

La gestion des frontières extérieures de l'Europe, pendant de la libre circulation intérieure établie par les accords de Schen-

gen de 1985, est devenue l'objectif essentiel. On pensait en effet il y a trente ans, lors de l'adoption de ces accords, que l'ère des migrations de masse était terminée, que les non Européens retourneraient chez eux grâce aux politiques de retour, que la mobilité interne des Européens augmenterait significativement, qu'il y aurait substitution des nationaux et des Européens sur le marché du travail hier occupé par des immigrés non Européens et que les politiques de développement des pays de départ seraient une alternative aux migrations. Or, la plupart de ces scénarii se sont trouvés erronés: les Européens ont été peu mobiles pour travailler en Europe jusqu'en 2004, date de l'ouverture de l'Union à dix nouveaux pays européens, il n'y a pas eu de substitution sur le marché du travail compte tenu de la très forte segmentation de celui-ci, les retours, peu nombreux, ont été un échec. Quant aux politiques de développement, elles n'ont pas offert une alternative aux migrations et les quelques initiatives tournées vers la rive sud de la méditerranée (accords de Barcelone de 1995 à 2005, Union pour la Méditerranée en 2007) n'ont pas été en mesure d'offrir un pendant à l'ouverture à l'est de l'Europe. Enfin, des crises telles que celle des grands lacs en Afrique, le conflit de l'ex-Yougoslavie et la crise algérienne et syrienne ont produit des demandeurs d'asile très éloignés de ceux prévus par la Convention de Genève: des demandeurs aux profils collectifs en raison de motifs sociaux, ethniques, religieux, des victimes de la société civile et non des Etats dont ils provenaient, d'où la plus grande difficulté de prise en compte de leur candidature à l'asile.

Il en est résulté un repli vers la gestion nationale des frontières du fait de l'attachement des pays européens à leur souveraineté dans ce domaine: appel à la fermeture des frontières nationales (comme cela a été le cas entre la France et l'Italie à Vintimille en 2011 et 2015, puis entre la Bulgarie et la Grèce, l'Allemagne et l'Autriche en 2015, la Hongrie et ses voisins en 2015) et hostilité à l'imposition de «partage du fardeau» entre Européens de l'Union par de nombreux pays européens de l'est.

L'Europe joue les valeurs sur lesquelles elle a été fondée à travers l'accueil fait aux demandeurs d'asile.

Des réponses peu lisibles à la crise de l'accueil des réfugiés. Face aux flux auxquels elle a été confrontée depuis ces dernières années, l'Union européenne a répondu par une position restrictive qui a accru l'influence des passeurs et provoqué des milliers de morts, transformant la méditerranée en un vaste cimetière. On en compterait 40 000 depuis les années 1990.

La première difficulté d'une réponse solidaire a été le fait que les pays européens ont été inégalement confrontés à l'afflux d'immigrés et de demandeurs d'asile. De loin, l'Allemagne est le premier pays d'immigration en Europe avec 7 millions d'étrangers et le pays qui a accueilli les trois quarts de la demande d'asile en Europe depuis 25 ans. Elle forme avec la France, le Royaume Uni et la Suède le peloton de tête pour l'accueil des demandeurs d'asile en termes de chiffres depuis cinq ans

La seconde est la difficulté d'harmoniser l'asile sans une politique étrangère commune des différents Etats. L'harmonisation de la délivrance du statut de réfugié est souvent rendue complexe en Europe par les différences d'interprétation des conflits d'un pays européen à un autre car chaque pays a sa diplomatie, son histoire, ses voisins, ses accords politiques et commerciaux et ne donnera pas la même réponse à un même demandeur selon le risque que celui-ci présente de faire jurisprudence pour des profils analogues vers tel ou tel pays européen. De plus le positionnement géographique entre en ligne de compte: tandis que l'Italie a accueilli le plus de migrants maghrébins et sub-sahariens, notamment sur ses îles comme Lampedusa, et que d'autres îles comme Malte ou les îles grecques de Lesbos, Kos et Samos ont dû également gérer l'accueil des touristes et celui des demandeurs d'asile sur des espaces restreints, la Grèce a vu arriver par voie terrestre également l'essentiel des Syriens et des autres Proche et Moyen Orientaux frappés par la guerre: Afghans, Irakiens. La voie terrestre, via la traversée de la frontière gréco-turque, en Thrace a conduit à la fermeture de la

frontière entre la Hongrie et la Serbie, la Bulgarie et la Turquie (Schmoll, Thiollet, Wihtolde Wenden, 2015).

Enfin, la troisième raison des réticences des Etats à l'euro-péanisation de l'asile réside dans leurs politiques intérieures, habitées par la montée des populismes attachés au symbole des frontières et à la confusion d'une partie de l'opinion publique entre l'immigration de culture musulmane, incluant les réfugiés, et le terrorisme..

Une porte de sortie a été tentée par l'Union européenne dans sa tentative de renforcer les frontières externes de l'Europe: en construisant des «*hot spots*» (lieux d'accueil et de rétention des nouveaux arrivants) dans les deux principaux pays d'arrivée, l'Italie et la Grèce, faute de pouvoir conclure avec les pays de la rive sud de la méditerranée, et l'accord avec la Turquie de mars 2016. Une promesse de six milliards d'euros a été accordée en échange de son engagement à contenir dans le pays les nouveaux arrivants, les négociations d'entrée dans l'Union européenne ont été réouvertes et la requête de la suppression des visas pour les Turcs entrant en Europe a été introduite). Un autre instrument de contrôle des frontières a été décidé avec le sommet euro-africain de La Vallette, en novembre 2015 où il s'est agi de poursuivre la politique de partenariat avec les pays du sud en échange d'une aide au développement, de la facilitation des visas pour les saisonniers et qualifiés et d'une aide au retour financée par un fonds créé à cet effet.

Mais le dispositif de protection temporaire, prévu par une directive européenne de 2001 pour les Kosovars n'a pas été appliqué à la crise actuelle, et le marché du travail des étrangers non communautaires n'a pas été rouvert aux pénuries de main d'oeuvre, car il semble que l'on préfère perpétuer des sans papiers plutôt que de créer un «effet d'appel». Si l'immigration économique était plus ouverte qu'à présent, certains flux dits «mixtes» choisiraient cette voie plutôt que la demande d'asile. Ce fut le cas, dans le passé, des Portugais qui ne sont pas entrés en France comme demandeurs d'asile mais comme sans papiers

et régularisés par la suite à la demande de leurs employeurs (Gastaut, Wihtol de Wenden, 2015). Une politique de visas plus diversifiée, constituerait aussi une réponse aux nouveaux arrivants et aux besoins d'immigration qualifiée et non qualifiée. Une autre solution serait la suppression de la préférence européenne à l'emploi qui date de 1994 et a conduit à des pénuries sectorielles de main d'œuvre. Enfin, l'ouverture plus grande au statut de réfugiés permettrait de légaliser beaucoup de demandeurs d'asile antérieurs à la crise syrienne qui s'interrogent sur leur avenir, une fois déboutés et de leur ouvrir l'accès au marché du travail.

II. L'espace euro- méditerranéen, l'une des plus grandes lignes de fracture au monde. Le sud de la Méditerranée constitue, malgré la fermeture des frontières, une région d'émigration considérable: Maroc (3,5 millions d'émigrés), Turquie (5,3 millions), Egypte (2,7 millions), Algérie (un million). Au Maroc, l'émigration a doublé en onze ans.

Les quasi – diasporas issues de l'immigration sont aujourd'hui l'objet de beaucoup de sollicitudes car elles peuvent permettre aux pays de départ d'exercer une influence dans les pays d'accueil: acceptation de la double nationalité car beaucoup de pays européens ont ouvert, au cours des années 1990, leur droit de la nationalité à des éléments de droit du sol alors que tous les pays musulmans sont des pays de droit du sang avec allégeance perpétuelle au pays de naissance comme au Maroc, acceptation, par les pays de départ, des droits politiques exercés par les non communautaires à l'échelon local dans les pays d'accueil et parfois mise en œuvre du vote à distance pour les ressortissants de l'étranger installés dans les pays d'accueil, reconnaissance des associations militant pour la condition de leurs ressortissants dans la cité et implication de ces associations dans des programmes de développement local dans les régions de départ, organisation du religieux à distance. Des réseaux transnationaux matrimoniaux, commerçants, entrepreneuriaux construits par les migrants traversent la méditerranée et font de la frontière une ressource pour leurs échanges (Wihtol de Wenden, 2013).

Mais l'Europe n'attire que la moitié des migrants de la rive sud de la Méditerranée, car ils se destinent aussi aux pays du Golfe ainsi qu'aux Etats-Unis et au Canada. Certains pays de la rive sud de la Méditerranée sont aussi des pays d'immigration. C'est le cas pour Israël, la Turquie, les territoires palestiniens, la Jordanie, la Libye. Il s'y ajoute un nombre inconnu de migrants illégaux ou en transit, dont des Sub-sahariens au Maghreb, des Soudanais en Egypte.

La Méditerranée, ligne de fracture et de proximité. Des murs se sont construits comme à Ceuta à l'initiative de l'Union européenne, des frontières de barbelés, au sud-est de l'Europe, avec des camps dans les pays de passage comme le Maroc, la Libye mais aussi Malte ou dans les pays limitrophes: prisons, zones d'attente, centres de rétention avant la reconduction à la frontière, lieux d'accueil et d'assistance et plus récemment «*hot spots*», des centres de tri des nouveaux arrivants en Italie et en Grèce.

Durant ces soixante dernières années, la population de la Méditerranée s'est accrue de façon significative dans la région est et sud, alors qu'au nord elle stagnait. D'ici 2025, la population des Etats européens qui la bordent (Espagne, Italie, France, Grèce, Malte) aura à peine augmenté, tandis que celle des pays de son pourtour sud se sera accrue de 70%, s'approchant des 400 millions de personnes. L'écart des classes d'âge va se creuser: sur la rive sud de la Méditerranée, 50% de la population a moins de vingt-cinq ans face à une Europe du sud où l'âge médian est de plus de 40 ans. La fracture démographique est néanmoins en train de s'atténuer à cause de l'entrée de la plupart des pays de la rive sud dans la transition démographique (Courbage, 2010), c'est-à-dire le passage au remplacement des générations (deux enfants et demi par femme en moyenne). Aussi, la pression migratoire sud-nord en Méditerranée est en train de diminuer. Sur la rive nord de la Méditerranée, des pays comme l'Italie, l'Espagne sont entrés dans une phase de vieillissement démographique avec un nombre d'enfants par femme qui se

situé au-dessous du renouvellement des générations et l'entrée dans le quatrième âge d'une part croissante de la population, ce qui nécessite un appel à de nouvelles sources migratoires pour garder les aînés. Dans le même temps, on voit apparaître des migrations nord-sud qui sont souvent un prolongement du tourisme international, chez les seniors qui décident de leur installation durable au soleil (en France pour les Britanniques, en Espagne et au Portugal pour les Allemands et les Britanniques, à Malte pour les Britanniques, au Maroc et en Tunisie pour les Français). De leur côté les jeunes diplômés d'Europe du sud au chômage vont chercher du travail au nord de l'Europe, mais aussi au sud, en Afrique, en Amérique latine ou en Australie.

Les révolutions arabes, avec l'arrivée de Libyens en Tunisie, de Tunisiens en Italie et en France, au printemps 2011 ont eu d'abord peu d'impact migratoire en Europe, car il ne s'agit que de quelques dizaines de milliers de nouveaux venus. Quelques îles de la Méditerranée, lieux de tourisme et aussi d'arrivées récurrentes de sans papiers ont été confrontées à un dilemme difficile à gérer, entre l'ouverture toute grande aux touristes et l'arrivées des illégaux: il en va ainsi de Lampedusa, de Malte, de Chypre, des îles grecques, des îles Canaries et, à moindre degré, des Baléares. De nouveaux lieux de passage, comme la «route des Balkans» ont été investis avec la crise syrienne pour laquelle il n'avait pas été anticipé que le régime syrien durerait et qu'il serait à la source d'autant de réfugiés. Les passages frontaliers, amplement médiatisés, sont souvent une mise en scène du contrôle des frontières pour l'opinion publique qui suggère la réponse de l'Europe à une invasion: dans un monde où l'aspiration à la circulation n'a jamais été aussi grande, on n'a jamais autant éprouvé le besoin de mettre des barrières à la migration.

Les îles de la méditerranée sont devenues le lieu d'arrivée des demandeurs d'asile et des sans papiers originaires de la rive sud et du Proche Orient tout en accueillant les touristes, leur principale ressource estivale et les illégaux arrivés sur des

embarcations de fortune, *pateras*, *cayucos*, *zodiacs*, bateaux de pêche ou cargos hors d'âge avec le concours de passeurs. D'autres îles, comme les Canaries, ont aussi été le théâtre de drames humains sur leurs côtes.

Un système de contrôle des frontières marqué par la fermeture au sud. De plus en plus, la Méditerranée, fait figure de nouveau Rio Grande entre sa rive nord et sa rive sud. Les visas sont accompagnés de murs, camps, radars, capteurs, drones et du système Frontex. Cette prolifération des contrôles migratoires s'appuie sur trois raisons essentielles: l'économie sécuritaire, où des sociétés privées se sont spécialisées dans le convoyage des expulsés et où la technologie militaire propose ses instruments au domaine civil, la surenchère sécuritaire, amalgamant immigration illégale et lutte contre le terrorisme international, l'utilisation des migrants comme instruments de négociation à travers les accords conclus avec les pays du sud (Sénégal, Libye, Algérie, Tunisie, Maroc).

La lutte contre l'immigration clandestine est une priorité affichée par l'Europe en Méditerranée. Des accords de réadmission entre l'Union européenne et les pays du sud de la Méditerranée tendent à faire de nombreux Etats tampons les «garde-frontières» de l'espace européen, d'autres Etats (africains notamment) étant déjà liés par une clause de réadmission obligatoire. Des officiers de liaison immigration et asile à travers le programme Frontex, formalisé dans une agence spécialisée installée à Varsovie, assurent un contrôle renforcé des frontières externes et le rapatriement communautaire (c'est-à-dire par plusieurs pays de l'Union, qui joignent leurs efforts de façon conjointe) est considéré comme un signal fort de dissuasion.

Les autres instruments utilisés pour contrôler les frontières sud de l'Europe ont été les accords bilatéraux. Il s'agit d'accords conclus entre les pays d'entrée et de départ sur la réadmission des étrangers en situation irrégulière vers les pays d'origine. La Libye a fourni un exemple d'accords marchandés au nom de la lutte contre l'immigration clandestine. Elle n'a pas ratifié la Conven-

tion de Genève de 1951 sur les réfugiés et ni adhéré à la politique européenne de voisinage. Quand, en 2011, 1500 immigrants arrivés dans l'île sicilienne de Lampedusa, ont été expulsés vers la Libye, les migrants à la recherche d'une protection internationale n'ont pu faire valoir leurs droits. Le colonel Khadafi avait demandé cinq milliards d'euros à l'Union européenne pour «stopper» l'immigration illégale et la construction d'une autoroute de l'Égypte à la Tunisie. Mais la révolution de 2011 a mis fin à ces négociations.

Les accords bilatéraux ont souvent pour objet de limiter les flux migratoires en échange de politiques de développement, d'accords commerciaux ou de l'attribution de titres de séjour pour les élites. Les migrants, souvent écartés de ces accords, sont parfois revenus sur la scène par la voie de leurs associations. Ainsi, le Mali qui en 2009 devait signer un accord bilatéral de réadmission avec la France en a été dissuadé par la mobilisation des associations de Maliens en France qui ont accusé leur État de les «vendre» au profit des bonnes relations entre le Mali et la France, dans une période de transition politique au Mali.

Un autre type d'accords concerne les accords multilatéraux (Schmoll, Thiollet, Wihtol de Wenden, 2015) signés entre un pays de départ et de transit avec l'ensemble de l'Union européenne. Plusieurs pays riverains de l'Union en sont signataires. Mais d'autres résistent sur la clause migratoire, comme le Maroc en raison de la faiblesse de la contrepartie offerte par l'Europe: le Maroc souhaite en échange le statut de partenaire privilégié avec l'Union européenne, faisant valoir que la signature de tels accords risquerait de ruiner les relations qu'il entretient avec les pays d'Afrique de l'Ouest, d'où viennent de nombreux migrants qui transitent par le Maroc pour entrer en Europe.

On observe un retour à une gestion des frontières comme affaire des États, alors qu'est affichée avec force l'existence de frontières européennes sur les marges extérieures de l'Union, ce qui révèle un manque de confiance des États européens en-

vers la politique européenne, pourtant à l'accent fortement sécuritaire.

Malgré ces fermetures, les initiatives des migrants et de ceux qui en sont issus contribuent à construire des espaces transnationaux entre la rive nord et la rive sud de la Méditerranée: d'abord par les transferts de fonds; ensuite, par leurs associations, qui sont souvent autant de réseaux, de liens culturels, de formes de mobilisation civique; également par les doubles nationaux dont les élites sont courtisées par les pays de départ comme éventuels investisseurs et créateurs d'entreprises ou cerveaux, mais aussi comme élus dits «de la diversité» ou comme responsables politiques dans les pays européens; enfin par leurs pratiques transnationales au quotidien à travers les mariages, les échanges d'informations, de biens, la création de petites entreprises, l'organisation de l'islam dans les pays sécularisés d'Europe. Une quantité d'initiatives culturelles métissées fleurissent dans la musique, le théâtre, la danse, le sport qui sont aujourd'hui partie prenante de la culture populaire européenne. L'Europe ne peut plus faire abstraction de cette composante de sa diversité, dont les migrants sont parmi les principaux acteurs.

La Méditerranée, lieu d'exercice essentiel de la sécurité extérieure et intérieure. L'espace sécuritaire européen trace de nouvelles frontières à la périphérie de l'Europe. Des villes frontières ont pris de l'importance et vu leur destin bouleversé. Melilla, enclave espagnole sur la côte marocaine, vit en partie de la contrebande et des migrants potentiels. Vlores, en Albanie, est devenue durant les années 1990 le théâtre des passeurs et de ceux qui rêvaient de l'Italie vue à la télévision. Sangatte, puis Calais permettent aux Anglais de déléguer à la France le contrôle de leurs frontières en amont. Les frontières se déplacent là où se dessinent de nouveaux mouvements migratoires.

L'Espagne, au premier rang de cette région stratégique, a dû mettre en place une politique migratoire dans une contradiction entre la fermeture officielle des frontières à l'immigration de travailleurs et le développement d'une économie instable

et flexible qui bénéficiait largement du travail irrégulier jusqu'à la crise de 2008. La fermeture des frontières, renforcée dès 2002 par la mise en place du système SIVE (Système intégré de vigilance externe) autour des côtes espagnoles, loin de mettre un frein aux migrations, y a conduit à la professionnalisation d'une économie organisée du passage clandestin, une réponse à une demande massive de candidats à l'immigration. Le cas des mineurs immigrants non accompagnés s'est particulièrement répandu entre le Maroc et l'Espagne, protégés par la Convention de 1989 sur les droits de l'enfant. La plupart d'entre eux resteront sur le territoire espagnol. Puis c'est l'Italie et notamment l'île sicilienne de Lampedusa, et la Grèce qui ont été les plus touchées par les arrivées: les îles du Dodécanèse avec Lesbos, Cos, Samos ainsi que des points de passage terrestres à travers la Thrace et la rivière Evros, depuis la crise syrienne.

Sur la rive sud de la méditerranée, le Maroc est devenu un pays d'immigration et de transit tout en comptant 5 millions de Marocains à l'étranger, au point que le pays a régularisé 18 000 sans papiers sur les 44 000 candidats en 2014 et qu'en 2015, il compte 115 000 étrangers dont 30 000 non régularisés. La nouvelle loi sur l'asile est toujours en attente et la plupart des Sub-sahariens n'envisagent pas de rester. La Tunisie a reçu plus d'un million de Libyens après la révolution de 2011. Ces pays sont devenus, ainsi que l'Algérie, un espace intermédiaire pour une migration moins liée à l'attractivité du marché du travail qu'à une recherche de paix et de mieux être, quitte à emprunter les filières de passeurs dont la Libye s'est faite le territoire depuis 2011. Les pays du Maghreb s'inscrivent ainsi dans une politique de clientélisation par l'Union européenne, du fait des politiques sécuritaires qu'elle cherche à mener dans un rapport de forces entre réadmissions, développement et visas. L'exode syrien a ajouté aux bouleversements introduits: c'est le seul pays de la région où la révolution de 2011 s'est traduite par un impact majeur sur les flux de réfugiés, donnant au passage à la Turquie une position stratégique de garde frontière de l'Europe hier

occupée par la Libye, tandis que les pays du Maghreb étaient davantage touchés par des facteurs structurels conduisant aux migrations sud-sud, puis sud-nord.

Conclusion. Au gré des régimes migratoires et des nouvelles entrées dans l'Union européenne, certaines frontières ont été supprimées pour les uns tandis que d'autres ont été érigées pour les autres. Ainsi, les Portugais, entrés pour la plupart clandestinement dans les pays européens en traversant les Pyrénées (*O salto*) avec ce qu'ils appelaient un «passeport de lapin», c'est-à-dire sans papiers, sont devenus invisibles juridiquement quand ils ont bénéficié de la libre circulation européenne en 1992 (la même année que les Grecs et les Espagnols) alors que les Algériens, qui bénéficiaient de la libre circulation aux termes des accords d'Evian (1962) et soumis à visas depuis 1986, viennent grossir le flux des «grilleurs de frontières» (*harragas*).

Mais la frontière est aussi intérieure aux Etats, entre les Européens et les extracommunautaires, pour qui le défaut de papiers en règle constitue une frontière, lourde de conséquences pour le travail, la vie quotidienne, la mobilité pour les sans papiers. Une fois franchies les frontières juridiques, par régularisation, mariage, entrée régulière, accès à la nationalité, une autre frontière perdure: celle de la visibilité physique, des imaginaires. Les nouveaux nationaux continuent alors à être considérés comme des étrangers du fait de discriminations en tous genres: assignation à résidence dans les cités, racisme institutionnel de la part des forces d'autorité, difficulté d'être considéré et traité comme un citoyen ordinaire dans l'accès au logement, à l'emploi, aux filières scolaires recherchées, jusqu'aux boîtes de nuit. Le développement de situations de bi nationalité, du fait de l'extension du droit du sol dans la plupart des pays d'accueil européens depuis les années 1990 et du maintien du droit du sang dans les pays de départ permet de franchir les frontières du déplacement de part et d'autre des frontières externes de l'Europe, sans pour autant abolir la frontière des représentations collectives liées à la visibilité. Mais le droit de la

nationalité a des règles différentes pour chaque pays européen, car il est souvent le symbole de son histoire nationale et de sa géographie, d'où un accès différencié à la citoyenneté européenne: les règles du jeu sont les mêmes pour tous ceux qui sont citoyens européens alors que le droit d'entrée dans la citoyenneté européenne tient du cas par cas (l'accès à la nationalité).

Des zones grises perdurent, avec la pratique discrétionnaire des régularisations, des critères de naturalisation, du principe de non refoulement des déboutés du droit d'asile, du maintien sur le territoire des mineurs non accompagnés, des menaces de dénaturalisation parfois introduites dans les débats publics, comme en France en 2015.

LISTE BIBLIOGRAPHIQUE

1. *Cassarino J.-P.* Sur les accords ni et multilatéraux // *Schmoll C., Thiollet H., Wihtolde Wenden C.* (dir.). Migrations en Méditerranée. – Paris: CNRS Editions, 2015.
2. *Courbage J., Le bras H.* Le rendez-vous des civilisations. – Paris: PUF, 2010.
3. *Gastaut Y., Wihtol de Wenden C.* (dir.). Frontières. – Paris: Magellan, 2015.
4. *Schmoll C., Thiollet H., Wihtolde Wenden C.* (dir.). Migrations en Méditerranée. – Paris: CNRS Editions, 2015.
5. *Tapinos G.* L'immigration étrangère en France. – Paris: INED, 1975.
6. Voir les travaux de Claire Rodier. Xénophobie business. – Paris: La découverte, 2013 et de Migreupe.
7. *Wihtol de Wenden C.* Atlas des migrations. – Paris: Autrement, 2016.
8. *Wihtol de Wenden C.* La question migratoire au XXIème siècle. Migrants, réfugiés et relations internationales. – Paris: Presses de Sciences Po, 2013.

Раздел 1
**ПРАВОО РЕГУЛИРОВАНИЕ
МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ**

**ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОРГАНОВ
ПО АДАПТАЦИИ МИГРАНТОВ
(НА ПРИМЕРЕ Г. НИЖНЕВАРТОВСКА
ХАНТЫ-МАНСИЙСКОГО
АВТОНОМНОГО ОКРУГА – ЮГРЫ)***

Н.А. Семерьянова

*филиал ФГАОУ ВО «Южно-Уральский
государственный университет (НИУ)»
(Нижневартовск, Россия)*

В настоящее время проблема миграции все еще остается насущной проблемой, которая обусловлена притоком мигрантов из стран ближнего зарубежья. В статье рассматривается и анализируется организационно-правовая деятельность органов местного самоуправления, направленная на адаптацию мигрантов на территории г. Нижневартовска и Нижневартовского района. В данном контексте представлен ряд мероприятий, направленных на профилактику экстремистской деятельности, гармонизацию межнациональных, межконфессиональных отношений, реализацию государственной национальной политики, осуществ-

* Статья выполнена при поддержке Правительства РФ (Постановление № 211 от 16.03.2013, соглашение № 02.А03.21.0011 (The work was supported by Act 211 Government of the Russian Federation contract № 02.А03.21.0011)). Статья подготовлена также при содействии администрации г. Нижневартовска.

вляемых органами местного самоуправления, которые можно оценить как достаточно эффективные. Проведенный анализ показал значение муниципальных органов и их роль в деятельности по адаптации мигрантов и координации межэтнических и ме-конфессиональных отношений. Данная деятельность муниципальных органов в г. Нижневартовске и Нижневартовском районе осуществляется на должном уровне и приносит свои плоды.

Ключевые слова: мигранты, адаптация, урбанизация, профилактика, экстремизм.

**MUNICIPAL AUTHORITIES ORGANIZATION
AND LEGAL ACTIVITIES TOWARDS
MIGRANTS LOCALIZATION (AS EXEMPLIFIED
IN THE CITY OF NIZHNEVARTOVSK,
THE KHANTY-MANSI AUTONOMOUS OKRUG –
YUGRA)**

N. Semeryanova

*Affiliated branch of the FSAEI HE «South Ural State
University (national research university)»
(the City of Nizhnevartovsk, Russia)*

At present, the migration problem is still a pressing issue, which is caused by the influx of migrants from the countries of the near abroad. The article examines and analyzes organizational and legal activities of the local self-government bodies aimed at localizing migrants in the territory of Nizhnevartovsk and the Nizhnevartovsk District. In this context, we present a number of activities aimed at preventing extremist activities, harmonizing interethnic and inter-confessional relations, implementing the state national policies by the local governments, which can be assessed as effective enough. The analysis performed has demonstrated the importance of municipal bodies and their role in the activities towards migrants localizing and coordinating interethnic and interconfessional relations. The said activities of

Nizhnevartovsk and the Nizhnevartovsk District municipal bodies are performed in a proper way and prove to be quite rewarding.

Key words: *migrants, adaptation, localization, urbanization, prevention, extremism.*

Введение. В соответствии с Конституцией Российской Федерации местное самоуправление действует самостоятельно в пределах своих полномочий, одним из которых является воздействие на миграционное поведение населения, выражающееся в целом ряде правовых и иных способах управления (Соколов, 2010). Безусловно, реализация данной деятельности осуществляется в тесном взаимодействии с федеральными органами государственной власти, органами власти субъектов РФ, институтами гражданского общества в сфере миграции и направлена на улучшение социально-экономической ситуации в регионе (Малчинов, 2009). Деятельность органов местного самоуправления по реализации миграционной политики выражается, в первую очередь, в адаптации мигрантов на территории ХМАО – Югры, создании стабильных и бесконфликтных взаимоотношений в обществе, осуществлении мероприятий, направленных на профилактику экстремистской и террористической деятельности в городе и районе.

В настоящее время проблема миграции все еще остается насущной проблемой, которая обусловлена притоком мигрантов из стран ближнего зарубежья (Бритвина, 2012). Миграционные потоки в Россию связаны с этнополитическими конфликтами, происходящими в близлежащих государствах, процессами урбанизации, когда жители небольших городов и сельских поселений перебираются в крупные города или благополучные регионы РФ в поисках лучшей жизни (Елшина, 2015). Однако, как правило, жизнь в больших городах достаточно дорогая (стоимость жилья, продуктов питания и т.д.), и это приводит к заселению мигрантами окра-

ин городов и более отдаленных территорий, поиску низкооплачиваемых работ, которые достаточно легко найти. Таким образом мигранты обеспечивают себя самым минимальным прожиточным минимумом. В правовом смысле, являясь категорией менее защищенной, мигранты в процессе своей жизнедеятельности сталкиваются с негативным к себе отношением общества, обманом, насилием и т.п. И, как следствие, сопоставляя себя с другими, более благополучными гражданами общества, чувствуют социальную несправедливость, осознают свою ущемленность и ненужность (Трофимова, 2013). Все это ведет к назреванию конфликта, созданию повышенной общественной напряженности и, как правило, выливается в массовые беспорядки, криминализацию общества, способствует развитию экстремизма, приводит к актам терроризма.

Реализация государственной миграционной политики на муниципальном уровне. В качестве примера эффективной реализации государственной политики в сфере миграции можно привести деятельность администрации г. Нижневартовска и Нижневартовского района. Нижневартовск – молодой многонациональный северный город с численностью населения по состоянию на 2016 г. 270 846 чел., является одним из крупнейших центров российской нефтяной промышленности и относится к благополучным регионам России. Он был построен людьми, которые съехались сюда из разных уголков нашей тогда еще советской страны, – это русские, литовцы, украинцы, белорусы, казахи, таджики, узбеки, азербайджанцы, татары и др. Они дружно трудились на этой земле, возводя город. Основным принципом этого поколения был принцип взаимного уважения, что позволило создать такой красивый, благополучный и всеми любимый город.

Живя в Нижневартовске, убеждаешься в том, что жители города толерантны, принцип взаимного уважения сохранен и актуален по настоящее время. И, прежде всего, это

заслуга родителей, воспитателей, учителей, которые прививают детям с ранних лет уважительное отношение к разным национальным культурам и народным традициям. Духовно-нравственные убеждения – вот что должно быть в основе каждой личности. Это тот стержень, который не позволит неуважительно, с пренебрежением относиться к людям другой нации, другой веры. Воспитанный и самодостаточный гражданин любит и уважает свою страну, свою малую родину.

Деятельность муниципальных органов в сфере миграции и противодействия экстремизму состоит из нескольких ключевых моментов.

Во-первых, это деятельность совещательных и коллегиальных органов, осуществляемая совместно с членами Общественного совета при МОМВД России, в состав которого входят представители местных мусульманских и православных организаций, представители национальных сообществ, проживающих на территории города и района. Подобные совещания и рабочие встречи направлены на выявление и своевременное реагирование на факты экстремистской деятельности с целью их последующего устранения. Особое внимание уделяется проведению профилактики среди прихожан по недопущению разжигания межнациональной вражды.

В настоящее время в г. Нижневартовске работает 30 общественных объединений. Формы взаимодействия муниципальных органов с данными общественными организациями предусматривают участие их представителей в работе совместных круглых столов, семинарах и других мероприятиях, правовой основой которых является соглашение о взаимном сотрудничестве.

Во-вторых, это деятельность, направленная на профилактику экстремизма, гармонизацию межнациональных, межконфессиональных отношений, реализацию государственной национальной политики. Координация в сфере гармонизации межнациональных отношений и профилактики межэтнических конфликтов возложена на управление по

социальной и молодежной политике администрации города и отдел по вопросам общественной безопасности администрации города и района. Правовую основу данной сферы деятельности составляют около 20 муниципальных правовых актов.

В рамках реализации данной сферы деятельности в общеобразовательных организациях города проводятся мероприятия (семинары, круглые столы, акции, встречи, фестивали), направленные на профилактику экстремизма, общий охват в 2015–2016 гг. составил 100% обучающихся. Кроме того, в общеобразовательных учреждениях сотрудниками полиции проводятся профилактические беседы с целью недопущения межнациональных конфликтов и пропаганды толерантного поведения среди молодежи, на которых слушатели знакомятся с правилами действующего законодательства об административной и уголовной ответственности за разжигание национальной вражды, подстрекательство к экстремизму, проявления вандализма.

В целях предотвращения возможных тенденций экстремизма также проводится профилактическая работа среди населения. Посредством печатных изданий и вещательных программ общественность ориентирована на своевременное информирование правоохранительных структур о лицах, вынашивающих намерения на публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности. Факты создания, финансирования радикальных организаций любого направления, публикаций и пропаганды идей насилия, социальной, национальной и расовой розни, на территории г. Нижневартовска и Нижневартовского района не установлены.

В целях выявления и легализации в установленном порядке незаконных трудовых мигрантов, а также предотвращения экономических потерь государства от незаконной миграции на территории г. Нижневартовска и Нижневартовского района проводится отработка источников оперативной информации. Для более полного сбора и систематизации

ции информации о вновь прибывающих иностранных гражданах налажено тесное взаимодействие с заинтересованными подразделениями по обмену информацией. Ужесточен контроль за въездом и пребыванием иностранных граждан и лиц без гражданства на территории г. Нижневартовска и Нижневартовского района, который рассматривается как одна из главных мер по предупреждению распространения экстремизма. Все лица, вновь прибывшие на территорию района, проверяются МОМВД, с гражданами проводится индивидуальная беседа, они проверяются ФСБ и МВД России в целях установления места работы, образа жизни, фактического места проживания, связей, истинной цели пребывания.

В I квартале 2017 г. с помощью системы АИС «Поиск» проверено 169 сайтов. Из них выявлено 22 сайта с признаками террористической направленности, которые направлены на экспертизу. С целью выявления литературы экстремистского характера в соответствии с «Федеральным списком экстремистских материалов» проведено 5 проверок электронных документов библиотечного фонда (печатные, электронные и аудиовизуальные материалы). По итогам проведенных проверок материалов экстремистского характера не выявлено.

Одной из форм профилактики экстремистских проявлений, формирования веротерпимости, межконфессионального и межнационального согласия является проведение разъяснительной работы с несовершеннолетними, состоящими на учете в территориальной комиссии по делам несовершеннолетних, склонных к противоправным действиям экстремистского характера. За I квартал 2017 г. несовершеннолетние, состоящие на профилактическом учете в территориальной комиссии по делам несовершеннолетних, посетили 153 культурно-досуговых и информационно-просветительских мероприятия, охват данной категории составил 63 человека.

С руководителями СМИ проводятся разъяснительные беседы о недопущении в эфире информации, разжигающей

национальную вражду либо подстрекательской к проявлению экстремизма.

В целях адаптации и интеграции мигрантов и их детей проводятся мероприятия в области социально-педагогической и воспитательной деятельности (индивидуальные консультации, беседы, обследование жилищно-бытовых условий, тестирование и тренинги, индивидуальные и групповые занятия для детей-мигрантов, имеющих сложности с обучением русскому языку, и др.), в городских библиотеках реализуется проект для детей-мигрантов «Ты нам нужен!», в общеобразовательных учреждениях города реализуется проект «Школа адаптации».

В 2016 г. комплексный учебный курс «Преподавание основ религиозных культур и светской этики» изучили около 3000 четвероклассников г. Нижневартовска. Результаты выбора модулей учебного курса родителями, их количество и доля распределены следующим образом: «Основы православной культуры» – 250 чел. (68,5%), «Основы исламской культуры» – 0 (0%), «Основы буддийской культуры» – 0 (0%), «Основы иудейской культуры» – 0 (0%), «Основы мировых религиозных культур» – 54 (14,8%), «Основы светской этики» – 61 (38,92%). При организации работы по выбору модуля учитывался воспитательный, культурологический и нравственно-развивающий характер курса.

На базе городской библиотеки № 7 ведутся факультативные занятия для детей-мигрантов, позволяющие дополнительно изучать русский язык, историю и культуру России, знакомить детей с многообразием культур, традиций и обычаев разных народов. Формируется фонд «Сектора национальных литератур», созданный при городской библиотеке № 5.

С 2015 г. в центральной городской библиотеке проводятся беседы-видеолектории для мигрантов старшего поколения, направленные на ознакомление с традициями, обычаями России, нормами и правилами принимающего сообщества.

МБУ «Центр национальных культур» проводит плановую работу по реализации ряда проектов, которые направлены на сохранение, поддержание и развитие традиционных культур народов, проживающих на территории многонационального г. Нижневартовска и Нижневартовского района.

Организована работа Консультационного пункта для мигрантов, в рамках которого проводятся индивидуальные консультации, встречи, семинары по различным вопросам жизнедеятельности, организуется участие мигрантов в этнокультурных мероприятиях в целях их интеграции в социокультурное пространство города.

На заседаниях клуба «Диалог» с участием представителей национальных и религиозных объединений систематически рассматриваются вопросы создания условий для социокультурной адаптации мигрантов и их семей в Нижневартовское сообщество.

Религиозным организациям ежегодно оказывается содействие в проведении культурно-просветительских мероприятий в рамках религиозных праздников.

Администрацией города организован городской конкурс социальных роликов и принтов среди молодежи «Все мы – вартовчане!», направленный на гармонизацию межнациональных отношений, так как на сегодняшний день чаще всего Интернет является способом распространения экстремистских взглядов и материалов.

Материалы о проведении городских мероприятий с участием представителей национальных общественных организаций размещаются под единым названием (хэштегом) «Все мы – вартовчане» в электронных и печатных СМИ, социальных сетях, на официальных площадках администрации г. Нижневартовска, что способствует объединению населения города по региональному, а не религиозному принципу.

Организована работа по созданию механизма мониторинга деятельности неформальных молодежных объедине-

ний и дальнейшему вовлечению таких объединений в городскую общественную, культурную и спортивную жизнь.

Ежегодно реализуется проект «Городской фестиваль “Многонациональный Нижневартовск”», в рамках которого молодежь города принимает участие во встречах с руководителями и творческими коллективами национально-культурных организаций. В русле фестиваля проводится турнир по мини-футболу, ставший площадкой для взаимодействия молодежи этнокультурных организаций города.

Реализуются новые мероприятия: on-line конференции с библиотеками России в формате «медиамоет» с участием представителей национальных общественных объединений, молодежный форум по консолидации многонациональной молодежи «Вперемешку», турнир по интерактивным играм «Нижневартовск – территория дружбы» и др.

Экспертами-социологами мероприятия, проводимые в городе в сфере недопущения межнациональных конфликтов, оценены положительно, они способствуют уменьшению совершения преступлений экстремистской направленности. В целом ситуация в Нижневартовске оценивается как стабильная и контролируемая. Конфликтные ситуации на почве национальных и религиозных разногласий отсутствуют.

В-третьих, одним из видов деятельности муниципальных органов в сфере миграции является взаимодействие с казачьими обществами города с целью оказания ими помощи в охране правопорядка.

Казачьи общества привлекаются органами самоуправления на мероприятия с массовым пребыванием людей с целью охраны общественного порядка, а именно: на новогодние мероприятия, рождественские праздники, Международный женский день, мероприятие «Мамочки вперед» и иные народные гуляния.

Казачьи общества активно участвуют в проведении мероприятий, направленных на возрождение и сохранение ис-

торических, культурных и духовных традиций российского казачества, развитие в современных условиях традиционного казачьего уклада жизни и форм хозяйствования, военно-патриотическое воспитание молодежи.

Деятельность по адаптации мигрантов вузами г. Нижневартовска. Не остаются в стороне и учреждения высшего образования города, которые также проводят мероприятия, направленные на адаптацию обучающихся в Нижневартовское сообщество, развитие у молодого поколения принципов толерантности и противодействия любой антигуманной деятельности. Так, в филиале ФГАОУ ВО «Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет)» в г. Нижневартовске обучаются 30 иностранных студентов и несколько человек, не имеющих принадлежности к гражданству иного государства. С момента открытия филиала в нем постоянно ведется работа по созданию благоприятной атмосферы среди студентов, в том числе по вовлечению молодежи в общественную жизнь города, спортивную и научную деятельность; проводится существенная воспитательная работа. Только за 2016/2017 учебный год в филиале проведены: ежегодная Студенческая научно-практическая конференция «Наука и образование: история и современность», в которой приняли участие 103 человека; серия международных научных мероприятий проекта «Будущее евразийского пространства», к участию в котором были привлечены представители национальных общин г. Нижневартовска. По итогам проекта были подписаны 3 договора о сотрудничестве с таджикскими, казахскими и киргизскими объединениями. На базе филиала организованы и проведены городской Форум «Настоящее и будущее народов России: принципы создания и жизнь территориальных общин», научный семинар «Формы реализации социокультурных и духовно-нравственных аспектов в образовательной деятельности». В филиале работают научные кружки по различным направлениям. Студенты филиа-

ла принимают активное участие во внешних научных мероприятиях. Так, например, 146 студентов приняли онлайн-участие в Петербургском международном юридическом форуме, городской научно-практической конференции «Профилактика рискованного поведения среди несовершеннолетних: пути выхода», V Международной научно-практической конференции «Современная экономика: актуальные вопросы, достижения и инновации», IV Международной научно-практической конференции «Вопросы современной экономики и менеджмента: свежий взгляд и новые решения», VI Международной научно-практической конференции «Современное общество: проблемы, идеи, инновации», VI Международной научно-практической конференции «Наука, культура, образование: проблемы и перспективы» и ряде других научных мероприятий.

Филиал ЮУрГУ в г. Нижневартовске – одно из самых активных образовательных учреждений в городе, без него не обходится ни одно важное молодежное мероприятие. Студенчество филиала представлено в таких городских общественных организациях, как Общественная молодежная Палата при администрации г. Нижневартовска, Молодежный парламент при Думе города, общественная приемная регионального отделения партии «Единая Россия», молодежное политическое движение «Молодая гвардия», волонтерский центр, интеллектуальный клуб. Студенты являются активными участникам форума «Утро–2016» – это первый форум молодых профессионалов, участники которого – лучшие представители технических образовательных учреждений региона. Данный форум посетила губернатор ХМАО – Югра Н.В. Комарова. Она отметила, что Ханты-Мансийский округ нуждается в высококвалифицированных инженерных кадрах, предприятия округа ждут современных молодых специалистов.

Студенты филиала ЮУрГУ приняли участие в международной встрече со студентами Мексики, Германии и Ве-

ликобритании по вопросам молодежной политики. Молодежь из разных стран обменялась информацией об организации молодежного движения.

Таким образом, проведенный анализ показал значение муниципальных органов и их роль в деятельности по адаптации мигрантов и координации межэтнических и межконфессиональных отношений, в связи с чем можно говорить, что данная деятельность муниципальных органов в г. Нижневартовске и Нижневартовском районе осуществляется на должном уровне и приносит свои плоды.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Бритвина И.Б.* Мигранты как объект социальной работы: учеб. пособие. – Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2012. – С. 34–43.

2. *Елишина А.А.* Процесс урбанизации в России: история и тенденции // Экономика и право. – 2015. – № 5-6. – С. 6–9.

3. *Малчинов А.С.* К вопросу о взаимодействии федеральных и региональных органов власти РФ // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, пафос. – 2009. – Т. 2. – № 5. – С. 133–135.

4. *Соколов И.А.* Конституционное право Российской Федерации: учебное пособие. – М.: МГИУ, 2010. – С. 239–241.

5. *Трофимова И.Н.* Проблемы адаптации мигрантов в современной России // Вестник университета. – 2013. – № 8. – С. 62–67.

REFERENCES

1. *Britvina I.B.* Migrants as an object of social work: Coursebook. – Kurgan: Kurgan university publishing house, 2012. – P. 34–43.

2. *Malchinov A.S.* The matter of Russian federal and regional authorities' cooperation // Outlines of the global transformations: policy, economy, pathos. – 2009. – Vol. 2. – № 5. – P. 133–135.

3. *Sokolov I.A.* Constitutional law of the Russian Federation: Coursebook. – M.: MGIU, 2010. – P. 239–241.

4. Trophimova I.N. Adaptation problems of migrants in present-day Russia // University messenger. – 2013. – № 8. – P. 62–67.

5. Yolshina A.A. Urbanization process in Russia: history and tendencies // Economy and law. – 2015. – № 5-6. – P. 6–9.

МИГРАЦИЯ И АССИМИЛЯЦИЯ: ОБЫЧНОЕ ПРАВО В СИСТЕМЕ ПРОФИЛАКТИКИ ПРАВОНАРУШЕНИЙ МИГРАНТОВ

А.В. Сумачев

*Югорский государственный университет
(г. Ханты-Мансийск, Россия)*

В статье автор рассматривает и анализирует некоторые национальные традиции и обычаи народов с позиций их российского уголовно-правового регулирования. Отмечается, что хотя действующий Уголовный кодекс Российской Федерации не устанавливает прямой запрет на совершение социально-опасных деяний, составляющих пережитки местных обычаев, однако это не означает, что такие деяния перестали быть преступными. Далее определяются направления правового и организационного плана по профилактике правонарушений мигрантов с точки зрения значения норм обычного права. В части реализации правового направления профилактики указывается на необходимость разработки соответствующих положений национального уголовного законодательства. В части реализации организационных мер профилактики правонарушений мигрантов рассматривается соответствующий опыт США и ФРГ.

Ключевые слова: мигранты, национальные традиции, обычаи, пережитки местных обычаев, правонарушения, профилактика.

MIGRATION AND ASSIMILATION: CUSTOMARY LAW IN THE SYSTEM OF PREVENTING OFFENSES BY MIGRANTS

A.V. Sumachev

*Yugra State University (YUSU)
(the City of Khanty-Mansiysk, Tyumen region, Russia)*

The author of the article reviews and analyzes some national traditions and customs of peoples as to their Russian criminal law regulation. It is noted that although the current Criminal Code of the Russian Federation does not explicitly prohibit committing socially dangerous acts being the survival of local customs, this does not mean that such acts have ceased to be criminal. The author further determines the focus of the legal and organizational plan to prevent offenses by migrants in terms of the customary law effect. With regard to the implementation of the legal prevention, he emphasizes the necessity to develop relevant provisions of the national criminal law. In terms of implementing organizational measures to prevent misdemeanors by migrants, the author considers the relevant experience of the US and Germany.

Key words: *migrants, national traditions, customs, survival of local customs, offenses, prevention.*

Введение. До сих пор многие семьи, религиозные группы и целые народности чтут и соблюдают заветы предков и строят отношения по тем же канонам, что и сотни лет назад. Соблюдение некоторых обычаев (обрядов, ритуалов, церемоний) является для индивида не менее императивным требованием, чем исполнение законодательных предписаний. Как правило, ощущается жесткое давление общественного мнения, боязнь подвергнуться осуждению со стороны знакомых, друзей. Поэтому каждый стремится к тому, чтобы «не уронить» свое достоинство «в глазах» других людей,

не выбиваться из общего ряда, следовать сложившемуся порядку вещей, поступать, «как все». Отсюда появляются правовые обычаи (Вагабов, 1975, с. 53). Однако прогресс общественных отношений неумолимо движется вперед, и порой возникают видимые противоречия и разногласия между нормами обычного права и правовыми нормами. В современной России и во многих других странах существуют традиции, нравы и обычаи, которые, порой, идут вразрез с нынешним пониманием и видением правоотношений. Пока будут существовать такие обычаи, которые с точки зрения законодательства ущемляют и нарушают права и законные интересы граждан, будут возникать проблемы применения права и отнесения тех или иных деяний к преступлениям.

Активная миграция и ассимиляция народностей в современном мире способствует распространению национальных (народных) обычаев, в том числе не только социально-полезных, но и социально-вредных (опасных). И здесь предлагаем проанализировать значение норм обычного права с позиций профилактики правонарушений мигрантов.

Обзор социально-вредных (опасных) обычаев. Традиционно обычаи принято определять как исторически сложившиеся правила поведения, вошедшие в привычку в результате воспитания или многократного повторения одних и тех же действий (Ожегов, Шведова, 2006, с. 442). Обычаи – это не только определенные правила поведения, но и последовательность совершения каких-либо действий. Обычаи передаются из поколения в поколение, многие из них живут веками и тысячелетиями, при этом они не изменяются. Считается, что необходимо делать так, как завещали предки. Немало из них носят религиозный или полурелигиозный характер (например, воздержание от приема пищи – соблюдение поста) (Короткова, 2002, с. 177).

Первоначально акцентируем внимание на социально-вредных (опасных) народных обычаях, реализуемых, в частности, в Российской Федерации.

Нельзя не вспомнить, что советскому уголовному праву была знакома практика закрепления запретов на соблюдение вредных обычаев. В частности, Уголовный кодекс РСФСР 1922 г. в 1928 г. был дополнен гл. 10 «Преступления, составляющие пережитки родового быта». Позже уже Уголовный кодекс РСФСР 1961 г. содержал главу о преступлениях, составляющих пережитки местных обычаев (гл. 11). Данные нормативные правовые акты устанавливали санкции за такие деяния, как:

- похищение и приравненное к нему принуждение женщины к вступлению в брак;
- уплату и получение брачного выкупа;
- многоженство;
- брак с несовершеннолетними и малолетними;
- уклонение от примирения.

Действующий Уголовный кодекс Российской Федерации 1996 г. (далее – УК РФ) не устанавливает прямой запрет на совершение социально-опасных деяний, составляющих пережитки местных обычаев. Обыватель может предположить, что такие деяния, как похищение и приравненное к нему принуждение женщины к вступлению в брак, уплату и получение брачного выкупа, многоженство и другие, им подобные, были декриминализованы. Однако это не совсем так. Ответственность за исполнение отдельных обычаев может наступать по общим нормам УК РФ.

Так, обычай уплаты выкупа за невесту (калым) имеет формальное сходство с составом преступления, предусмотренного ст. 127-1 УК РФ «Торговля людьми». Установление уголовной ответственности за уплату выкупа за невесту обосновано только в тех случаях, когда посредством выкупа невеста принуждается к браку.

В свою очередь, «кража» («умыкание») невесты женихом можно признать специальным случаем похищения человека, ответственность за которое предусмотрено ст. 126 УК РФ.

Обычай (обряд) жертвоприношения издревле использовался у многих народов и по сегодняшний день применяется во время празднования различных религиозных праздников. Принося животное в жертву, люди просят что-то «взамен»: это могут быть просьбы о хорошем урожае, благоприятном исходе для воинов или охотников, ушедших за добычей, и даже просьбы о пополнении рода или семейства. Как правило, эти действия сопровождаются ритуальными песнопениями, танцами, используется определенный вид оружия, которым забивается животное, а также для благоприятного исхода действия выполняются определенными людьми и при большом скоплении народа (Липинская, 1987, с. 43). В настоящее время жертвоприношение имеет несколько другой характер. Например, у мусульман животное забивают по праздникам – на Курбан-Байрам, на похоронах, обязательно, как правило, перед свадьбой, да и просто так, когда кто-то решит, что по какому-то поводу надо совершить обряд. Это могут быть, например, случаи рождения детей или когда кто-то излечился. Тогда надо резать барана и раздавать мясо, для чего тут же перед домом животное и забивают у всех на виду.

Жители местностей, для которых это является обычным зрелищем, относятся к таким действиям спокойно, чего нельзя сказать о тех территориях, на которых проживают преимущественно славяне.

В России такие обряды проводятся в регионах с преимущественным проживанием лиц, исповедующих ислам: Татарстан, Башкирия, Дагестан, Чечня, Ингушетия, Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия и Адыгея. Помимо этих субъектов Российской Федерации животных забивают на праздниках у малочисленных народов Крайнего Севера: на территории Ямало-Ненецкого автономного округа и Ханты-Мансийского автономного округа – Югры. В связи с миграцией мусульман внутри страны масштабно праздники отмечаются и в крупнейших городах России – Москве и Санкт-Петербурге.

Жертвоприношение является кульминационной частью праздника, без него окончание немислимо, это самое грубое неуважение к традициям – закончить празднование без принесения жертвы и угощения гостей и всех присутствующих. Зрелище это не слишком приятное, учитывая то, что животное пытается вырваться и издает предсмертный рев. Дальше тушу разделявают у всех на виду, а, например, коренные малочисленные народы Крайнего Севера (такие как ненцы, манси, селькупы) разливают свежую кровь забитого оленя по чашам и угощают ей всех желающих. Происходит это действие в присутствии большого количества людей, среди которых есть и малолетние дети. Именно последний факт обряда жертвоприношения – присутствие малолетних – делает этот обряд похожим с таким составом преступления, как «Жестокое обращение с животными» (ст. 245 УК РФ). Однако в настоящий момент уголовная ответственность за жертвоприношение не наступает.

Как отмечалось, в современном мире наблюдается активизация миграционных и ассимиляционных процессов. По свидетельству А.Е. Слуга, «с начала 1990-х гг. основным фактором роста населения стран ЕС становится миграция. Так, например, в 1996 г. естественный прирост населения составлял здесь 280 тыс. человек, а миграционный – почти 800 тыс. Западная Европа стала главным мировым центром притяжения иммигрантов, превосходя США – до недавнего времени лидера по этому показателю. Практически во всех остальных странах население растет за счет притока иностранцев, обгоняя естественный прирост» (Слуга, 2001, с. 62).

По данным С.В. Рязанцева, основными странами расселения эмигрантов из России стали США, Германия, Израиль, Канада, Франция, Аргентина, Бразилия, Австралия, Испания и некоторые другие (Рязанцев, 2017, с. 122). Более того, как замечает С.В. Рязанцев, в настоящее время русский язык входит в первую десятку самых распространенных языков в США (конечно, не считая английского), в Израиле около 1 млн человек из 8 млн населения говорит по-русски, в Гер-

мании 6 млн человек из 82 млн понимают русский язык (Рязанцев, 2017, с. 123).

Таким образом, мы полностью соглашаемся с выводом А.Е. Слука в том, что «миграция в ее нынешних масштабах заметно изменила национальный состав отдельных западно-европейских государств и всего региона в целом» (Слука, 2001, с. 62). Соответственно, не исключены факты реализации мигрантами социально-вредных (опасных) обычаев.

Подходы к профилактике правонарушений мигрантов. Нет сомнений в том, что социально-полезные обычаи (уважение старших, послушание родителям, уважение женщин, народный промысел и т.п.) способствуют формированию законопослушного поведения мигрантов. Однако соблюдение и реализация социально-вредных (опасных) обычаев, наоборот, способствует распространению («обыденности») правонарушающего поведения. И здесь с позиций профилактики усматриваются два основных направления: правового и организационного плана.

В части реализации *правового направления профилактики*, как представляется, следует разрабатывать соответствующие положения национального уголовного законодательства в части правового реагирования на факты реализации социально-вредных (опасных) обычаев. В частности, как отмечалось, обычай уплаты калыма за невесту формально схож с таким преступлением, как «Торговля людьми» (ст. 127-1 УК РФ). И грань между преступным и не преступным здесь достаточно тонкая.

В целях устранения возможных проблем в правоприменительной практике представляется целесообразным дополнить примечание к ст. 127-1 УК РФ «Торговля людьми» следующим положением: «Действия по уплате выкупа (калыма) за невесту не признаются куплей-продажей человека или иной сделкой в отношении человека в случае, если есть добровольное, взаимное согласие невесты на вступление в брак с лицом, уплачивающим выкуп (калым)».

«Кража» («умыкание») невесты женихом, например, для отдельных республик Северного Кавказа, является если не рядовым, то достаточно распространенным явлением (ПОЛИТ-НН.RU). Разрешение ситуации в части соотношения «кражи» («умыкания») невесты женихом и похищением человека, ответственность за которое предусмотрено ст. 126 УК РФ, на наш взгляд, возможно в трех вариантах:

1) радикальный путь: «кражу» («умыкание») невесты женихом следует считать специальным случаем похищения человека, ответственность за которое предусмотрено ст. 126 УК РФ, со всеми вытекающими отсюда уголовно-правовыми последствиями для похитителя;

2) также радикальный путь: «кражу» («умыкание») невесты женихом следует считать обстоятельством, исключаящим преступность деяния, предусмотренного ст. 126 УК РФ, и закрепить данное правило в самом уголовном законе (например, в примечании к ст. 126 УК РФ) либо в соответствующих разъяснениях высших судебных инстанций Российской Федерации;

3) компромиссный путь: «кражу» («умыкание») невесты женихом признать специальным обстоятельством освобождения от наказания и закрепить данное правило в примечании к ст. 126 УК РФ (по аналогии с примечанием к ст. 134 УК РФ: «Лицо, впервые совершившее преступление, предусмотренное частью первой настоящей статьи, освобождается судом от наказания, если будет установлено, что это лицо и совершившее им преступление перестало быть общественно опасным в связи со вступлением в брак с потерпевшей»).

Более справедливым, на наш взгляд, представляется компромиссный путь решения указанной проблемы.

Как отмечалось выше, в настоящее время уголовная ответственность за жертвоприношение не наступает, хотя вполне возможно общественное порицание такого рода публичных деяний. Так, например, мэр г. Москвы С.С. Собянин

призвал мусульман на праздновании Курбан-Байрама обходиться без вызывающих зрелищ. Таким образом, С.С. Собянин отреагировал на обращение защитников животных и некоторых общественных деятелей, не довольных проведением публичных жертвоприношений, которые выступили с просьбой запретить забой животных на улицах столицы. «Я думаю, и самим мусульманам не нужны кровавые зрелища, – отметил С.С. Собянин, – нужно все организовывать так, чтобы не было вызывающих зрелищ» (Новотек, 2017). В целях цивилизации обрядов жертвоприношения было предложено выделить специальные места для отправления таких обрядов. Эту идею поддержали ряд деятелей культуры, в том числе и представители мусульманских общин.

Таким образом, из данной ситуации можно сделать два вывода:

1) публичное жертвоприношение, а именно – забивание животного в общественных местах, следует признавать случаем жестокого обращения с животными и квалифицировать по ст. 245 УК РФ «Жестокое обращение с животными»;

2) ввиду традиционности проведения обряда жертвоприношения для отдельных народностей целесообразно ст. 245 УК РФ «Жестокое обращение с животными» дополнить примечанием следующего содержания: «Действие настоящей статьи не распространяется на случаи проведения обрядов жертвоприношения за исключением случаев публичного жертвоприношения, т.е. забивания животного в общественных местах».

Таковы основные пути реализации правового направления профилактики возможных правонарушений в части реализации социально-вредных (опасных) обычаев.

В части реализации *организационных мер профилактики* правонарушений мигрантов стоит указать на опыт зарубежных стран. Условно его можно определить как американский (реализуемый в Соединенных Штатах Америки)

и германский (реализуемый в Федеративной республике Германия).

Так, в США допускается практически неконтролируемое расселение мигрантов, свидетельством чему является компактное проживание определенных групп мигрантов, например, в Брайтон-Бич (Brighton Beach) – районе, расположенном в Нью-Йорке, на самом юге Бруклина, на берегу Атлантического океана (Википедия, 2017); в китайском квартале Чайнатаун (Chinatown – «китайский город») – районе Сан-Франциско (штат Калифорния, США) (Википедия, 2017) и др. В Юго-Восточной Азии возникли и успешно функционируют ярко выраженные «русские поселки»: в Таиланде, Вунгтау и Нячанге во Вьетнаме; Суакнуквиле в Камбодже (Рязанцев, 2017, с. 128). В частности, недалеко от Паттайи (Тайланд) есть поселок, в котором русскоговорящее население проживает компактно. Он называется «Ваан Dustin Pattaya Lake», расположен в южной части курорта и включает несколько типов вилл от 100 до 300 кв. м. Здесь приобрели недвижимость около 250 русских семей. Обслуживанием поселка также занимаются «русскоязычные» бизнесы (Рязанцев, 2017, с. 131–132).

В свою очередь, германский опыт характеризует контролируемое расселение мигрантов. Так, в личных беседах с мигрантами из России, а равно и с представителями силовых структур ФРГ, говорилось, что в миграционной политике существует ориентир на ограничение (исключение) возможного компактного проживания определенных групп мигрантов по признаку страны эмиграции, национальности или иным критериям. В частности, переезд из России на постоянное место жительства к своим родственникам в Германию совсем не означает, что вы будете проживать именно в непосредственной близости (и даже в пределах одного населенного пункта) со своими родственниками. С одной стороны, это правило можно признать нарушением права человека на выбор места проживания; с другой – данная мера способствует профилактике правонарушений мигрантов на

специально-криминологическом уровне. Кроме того, как представляется, контролируемое расселение мигрантов может способствовать их ассимиляции с коренным населением страны и, тем самым, формированию правопослушного поведения принятого в стране приемнике мигранта. В процессе ассимиляции происходит, прежде всего, смена групповой самоидентификации, утрачивается ощущение своей самобытности, специфичности. Иными словами, ассимиляция мигрантов проявляется в том, что группы людей, принадлежащих к уже сформировавшимся этносам, оказавшись в тесном контакте с другим народом или в его среде, воспринимают его язык, культуру, обычаи. В последующих поколениях происходит полная смена национальной самоидентификации (причисление себя к данному народу) (АКАДЕМИК, 2017).

Более того, пользуясь выражениями С.В. Рязанцева, заметим, что интеграция в иное (например, американское) общество в большинстве своем «стартует» именно через институты экономики, но, в конечном счете, успешность процесса будет зависеть от многих факторов, в том числе от возможности вовремя вырваться из круга русскоязычной экономики и перейти в национальные (неэтнические) сегменты рынка труда (Рязанцев, 2017, с. 128).

Заключение. Активизация миграционных процессов в современном мире способствует распространению национальных (народных) обычаев, при этом не только социально-полезных, но и социально-вредных (опасных) с точки зрения менталитета принимающего общества (государства). Соответственно, разработка направлений (мер) профилактики правонарушений мигрантов – задача не только важная, но и своевременная. И здесь сложно недооценить значение норм обычного права в системе профилактики такого рода правонарушений. Именно с точки зрения анализа значимости норм обычного права можно выделить направления правового и организационного плана по профилактике правонарушений мигрантов.

Реализация правового направления профилактики предполагает разработку соответствующих положений национального уголовного законодательства в части правового реагирования на факты реализации социально-вредных (опасных) обычаев. Применительно к уголовному законодательству России следует урегулировать вопросы уголовно-правовой оценки исполнения таких обычаев, как уплата калыма за невесту, «кражи» («умыкания») невесты женихом, публичного жертвоприношения.

При реализации организационных мер профилактики правонарушений мигрантов целесообразно учесть германский (реализуемый в Федеративной республике Германия) опыт контролируемого расселения мигрантов. Данная мера может способствовать ускоренной ассимиляции мигрантов с коренным населением страны и формированию его право-подлежного поведения.

В завершение отметим, что исследование и разработка направлений профилактики правонарушений мигрантов с точки зрения значения норм обычного права достаточно актуальна и еще ждет своих исследователей.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Вагабов М.В.* Калым – вредный пережиток. – Махачкала: Даг. кн. изд-во, 1975.
2. Гражданку Эстонии похитили в Дагестане // ПОЛИТ-НН. RU. – URL: <http://polit-nn.ru/?pt=news&view=single&id=61959> (дата обращения: 17.05.2017).
3. *Короткова М.В.* Культура повседневности: история обрядов. – М.: Владос, 2002.
4. *Липинская В.А.* Народные традиции в материальной культуре (XVII–XX вв.). – М., 1987.
5. Мэр Собянин призвал мусульман обходиться без «крови и безобразий» в праздник Курбан-Байрам // Новотека. – URL: <http://novoteka.ru/seventexp/3974550> (дата обращения: 17.05.2017).
6. *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская

академия наук; Институт русского языка им. В.В. Виноградова. – 4-е изд., доп. – М.: А ТЕМП, 2006.

7. *Рязанцев С.В.* «Русскоязычная» экономика как механизм интеграции русскоговорящих мигрантов в принимающих странах // Вестник РУДН. Серия: Экономика. – 2017. – Т. 25. – № 1. – С. 122–136.

8. *Слука А.Е.* Международная миграция населения и демографические проблемы Западной Европы // Статистика и учет миграции населения. Научная серия: Международная миграция населения: Россия и современный мир / гл. ред. В.А. Ионцев. – Вып. 8. – М.: МАКС-Пресс, 2001. – С. 59–65.

9. АКАДЕМИК. – URL: <http://migration.academic.ru/7/%D0%90%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%BC%D0%B8%D0%BB%D1%8F%D1%86%D0%B8%D1%8F> (дата обращения: 17.05.2017).

10. Википедия. Свободная энциклопедия. – URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%91%D1%80%D0%B0%D0%B9%D1%82%D0%BE%D0%BD-%D0%91%D0%B8%D1%87> (дата обращения: 17.05.2017).

11. Википедия. Свободная энциклопедия. – URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A7%D0%B0%D0%B9%D0%BD%D0%B0-%D1%82%D0%B0%D1%83%D0%BD_\(%D0%A1%D0%B0%D0%BD-%D0%A4%D1%80%D0%B0%D0%BD%D1%86%D0%B8%D1%81%D0%BA%D0%BE\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A7%D0%B0%D0%B9%D0%BD%D0%B0-%D1%82%D0%B0%D1%83%D0%BD_(%D0%A1%D0%B0%D0%BD-%D0%A4%D1%80%D0%B0%D0%BD%D1%86%D0%B8%D1%81%D0%BA%D0%BE)) (дата обращения: 17.05.2017).

REFERENCES

1. *Korotkova M.V.* Culture of daily occurrence: History of ceremonies. – М.: VladoS, 2002.

2. *Lipinskaya V.A.* National traditions in material culture (17–20th centuries). – М., 1987.

3. The citizen of Estonia was kidnapped in Dagestan // ПОЛИТ-НН.Р – URL: <http://polit-nn.ru/?pt=news&view=single&id=61959> (date of the address: 5.17.2017).

4. The mayor Sobyenin has urged Muslims to do without «blood and an outrage» on a holiday of Eid al-Adha // Novoteka. – URL: <http://novoteka.ru/seventexp/3974550> (date of the address: 5.17.2017).

5. *Ojegov S.I., Shvedova N.Yu.* Explanatory dictionary of Russian: 80 000 words and phraseological expressions / Russian Academy

of Sciences; Institute of Russian of V.V. Vinogradov. – 4 prod., added. – М.: And SPEED, 2006.

6. *Ryazancev S.V.* «Russian-speaking» economy as the mechanism of integration of Russian-speaking migrants in host countries // Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Economics. – 2017. – Vol. 25. – № 1. – P. 122–136.

7. *Sluka A.E.* International population shift and demographic problems of Western Europe // Statistics and accounting of population shift: Scientific series: International population shift: Russia and modern world / main ed. V.A. Iontsev. – Is. 8. – М.: MAKS-press, 2001. – P. 59–65.

8. *Vagabov M.V.* A bridewealth – a harmful remnant. – Makhachkala: Dag. prince publishing house, 1975.

10. Wikipedia. The free encyclopedia. – URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%91%D1%80%D0%B0%D0%B9%D1%82%D0%BE%D0%BD-%D0%91%D0%B8%D1%87> (дата обращения: 17.05.2017).

11. Wikipedia. The free encyclopedia. – URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A7%D0%B0%D0%B9%D0%BD%D0%B0%D1%82%D0%B0%D1%83%D0%BD_\(%D0%A1%D0%B0%D0%BD-%D0%A4%D1%80%D0%B0%D0%BD%D1%86%D0%B8%D1%81%D0%BA%D0%BE\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A7%D0%B0%D0%B9%D0%BD%D0%B0%D1%82%D0%B0%D1%83%D0%BD_(%D0%A1%D0%B0%D0%BD-%D0%A4%D1%80%D0%B0%D0%BD%D1%86%D0%B8%D1%81%D0%BA%D0%BE)) (дата обращения: 17.05.2017).

РЕГУЛИРОВАНИЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ МИГРАЦИИ И ПОЛУЧЕНИЯ ГРАЖДАНСТВА В РОССИИ: НОВЫЕ ИДЕИ И СТАРЫЕ ПРОБЛЕМЫ

О.С. Чудиновских

*МГУ им. М.В.Ломоносова
(г. Москва, Россия)*

В статье рассматриваются основные итоги первых 5 лет реализации Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации до 2025 г. В отличие от существующих работ по вопросам гражданства, статья содержит критический анализ российской политики в этой сфере в контексте миграционной политики в целом. Главные особенности подходов в

области политики в сфере международной миграции и натурализации, применяемых в России, рассматриваются в исторической ретроспективе с акцентом на последние годы. Междисциплинарный характер предмета исследования определил разнообразие примененных методов. Помимо общенаучных методов анализа и синтеза, а также системного подхода к предмету, применялись сравнительно-правовой и исторический методы для лучшего представления статистической информации, полученной из разных источников; использовался также метод компиляции. В результате анализа подтверждается отсутствие сбалансированного подхода между регулированием иммиграции и политикой предоставления гражданства, сделан вывод о неразвитости института вида на жительство и разрешения на временное проживание (РВП), а также о неоправданно широкой практике предоставления российского гражданства в упрощенном порядке. Обосновывается необходимость реформы системы РВП и видов на жительство и отказа от преобладания упрощенных процедур при приеме в российское гражданство. Дается оценка рисков, которые несут в себе последние инициативы законодателей в этой области. Выводы аргументируются редко используемой статистической информацией.

Ключевые слова: миграция, миграционная политика, гражданство, натурализация.

REGULATING INTERNATIONAL MIGRATION AND OBTAINING CITIZENSHIP IN RUSSIA: NEW IDEAS AND OLD PROBLEMS

O. Chudinovskikh

*Lomonosov Moscow State University
(Moscow, Russia)*

The article examines the major results of the first 5 years of implementing the RF State Migration Policy Concept until 2025. In contrast to existing works on citizenship issues, the article contains a

critical analysis of the Russian policy in the said sphere in the context of migration policy in general. The main features of the approaches to the policy in the field of international migration and naturalization applied in Russia are considered in historical retrospect, with an emphasis on recent years. The interdisciplinary nature of the research subject has determined the variety of methods used. In addition to general scientific methods of analysis and synthesis, as well as a systematic approach to the subject, comparative-law and historical methods were used to better represent the statistics obtained from different sources. The compiling method was used as well. The analysis made confirms the lack of a balanced approach between the regulation of immigration and the policy of granting citizenship, consequently, we have concluded that the residence permit institution and temporary residence permit (TRP) are imperfect, as well as the practice of granting the Russian citizenship under simplified procedure. The author substantiates the need for the TRP and residence permits system reform and abandoning the prevalent simplified procedures for obtaining the Russian citizenship. The article offers the assessment of risks, which might follow the latest initiatives of the legislators in this field. The conclusions are substantiated with the rarely used statistics.

Key words: *migration, migration policy, citizenship, naturalization.*

Введение. В последнее время тема предоставления российского гражданства активно обсуждается законодателями, общественностью, СМИ. Дискуссия, так или иначе, всегда связана с вопросами миграции, идет ли речь об упрощении его приобретения отдельными категориями иностранцев или, напротив, лишении гражданства тех, кто представляет для России угрозу. Место института гражданства в общем контексте миграционной политики особенное, и получение гражданства можно считать заключительным и важнейшим событием в миграционной биографии человека, уравнивающим его в правах с населением новой родины. Механизмы, которые государство использует при отборе потенциальных граждан из числа приехавших в страну иммигрантов, должны быть логически встроены в миграционную политику в целом

и рассматриваться сквозь призму ее основных целей. Такой подход к изучению вопросов гражданства позволит проиллюстрировать, почему миграционная политика России пока не принесла видимых результатов, и показать, какую роль в этом играет прием в гражданство и какие риски присущи последним законодательным инициативам в данной области.

Обзор литературы. Несмотря на значительное число публикаций по вопросам международной миграции и миграционной политики, вопросы приобретения российского гражданства освещаются в отечественной литературе в основном с юридической точки зрения. Как правило, дается ретроспективное описание изменений российского законодательства, как правило, с международными сопоставлениями (Авакьян 1997; Аксенов, 2011; Варлен, 2014; Кутафин, 2004), но практически не исследуются последствия применения тех или иных нововведений и норм. Явно не достаточно современных работ аналитического характера. Последние из них также относятся к периоду 1990-х гг. В единичных работах последних лет можно обнаружить слабо аргументированные выводы (опровергаемые статистикой и практикой) о том, что Российское законодательство в сфере гражданства чрезвычайно жесткое, а также малообоснованные предположения о возможностях установления единого гражданства на пространстве Евразийского Союза (Salenko, 2012). Зарубежные исследования вопросов российского гражданства также ограничиваются периодами, относящимися к прошлому, и не рассматривают современной ситуации (Lohr, 2012).

В 2014 г. нами была предпринята попытка исследования истории и особенностей государственного регулирования приобретения российского гражданства после распада СССР (Чудиновских, 2014), и в настоящей статье мы попытаемся более детально рассмотреть ряд аспектов этой проблемы. Возвращение к данной теме связано с необходимостью оценить, в каком направлении развивается современная политическая дискуссия по вопросам гражданства, а также

лучше понять, каким образом это влияет на миграционную политику России в целом.

Методы. В работе использовались общенаучные методы анализа и синтеза (изучение отдельных сегментов миграционной политики и обобщение итогов анализа). Системный метод был необходим для исследования разных сегментов миграционной политики как элементов единого целого и поиска подтверждения того, что в России значение приобретения гражданства гипертрофировано из-за нарушенной логики регулирования миграционных процессов. Поскольку предмет исследования находится на стыке разных наук – демографии, миграциологии, политологии, юриспруденции и экономики, а ряд вопросов рассматривается в исторической ретроспективе, для более полного раскрытия темы в работе использовались сравнительно-правовой и исторический методы. Метод компиляции применялся при работе со статистическими данными, имеющими разную природу и полученными из Федеральной службы государственной статистики, Главного управления по вопросам миграции МВД России (до апреля 2016 г. – Федеральной миграционной службы России (ФМС)) и Министерства иностранных дел.

Основные результаты. *Миграционные процессы в России и основные задачи миграционной политики.* После распада СССР наша страна стала основным центром притяжения мигрантов с пространства бывшего Советского Союза. Буквально в одночасье граждане единой страны стали жителями (а чуть позже и гражданами) новых независимых государств. С 1992 по 2016 г., только по данным официальной статистики*, в Россию на постоянное жительство

* Статистика потоков, которую ведет Росстат, основана на процедурах регистрации населения по месту жительства или месту пребывания на срок 9 месяцев и более. Колебания показателей связаны, в том числе, с меняющимися правилами или методологией учета (см. статистические ежегодники «Численность и миграция населения»).

переехали не менее 11,3 млн человек. Объемы чистой миграции (или сальдо миграции) составили 6,4 млн, а по оценкам, сделанным методом демографического баланса, реальный миграционный прирост достиг почти 9 млн человек (Chudinovskikh, Denisenko, 2017).

На протяжении постсоветского периода менялись масштабы, направления и состав потоков. На смену массовой вынужденной миграции первой половины 1990-х гг. пришла миграция по экономическим и семейным причинам. Россия стала государством назначения для сотен тысяч трудовых мигрантов (преимущественно временных). В предкризисный 2014 г. количество оформленных разрешений на работу и патентов достигло исторического максимума – почти 4 млн*. Несмотря на целый комплекс негативных факторов, сокративших объемы трудовой миграции в 2015–2016 гг., она все еще остается весьма значительной.

По данным МВД и МИД России, начиная с 1992 г., Россия предоставила свое гражданство 8,8 млн человек, причем из них 6,4 млн получили гражданство после переезда в Россию через МВД или Федеральную миграционную службу (ФМС России с 2002 по 2016 гг.), а остальные 2,4 млн – через загранучреждения Российской Федерации. Многие из последней категории новых россиян впоследствии переехали в Россию (в особенности в 1990-е гг.), прочие остались в странах своего проживания. В табл. 1 приводятся основные показатели миграции и приема в гражданство за последние 10 лет.

Пять лет назад Президент Российской Федерации подписал Концепцию государственной миграционной политики до 2025 г. (kremlin.ru, 2017). Основными задачами в области регулирования международной миграции должны были стать: содействие миграции в Россию на постоянное жительство

* В статистику разрешительных документов с 1997 г. не включались граждане Беларуси, с 2012 г. – Казахстана, с 2015 г. – Армении и Киргизии.

Таблица 1

**Основные показатели потоков международной миграции
на постоянное жительство, временной трудовой миграции
и приема в гражданство в России в 2007–2016 гг., тыс.**

Год	Прибыв- шие	Выбыв- шие	Чистая мигра- ция	Трудовая миграция (оформлено патентов и разрешений на работу)	Принято и восста- новлено в граждан- стве России (по линии МВД)
2007	287,0	47,0	239,9	1194,0	367,7
2008	281,6	39,5	242,1	1343,6	361,4
2009	279,9	32,5	247,4	1052,3	394,1
2010	191,7	33,6	158,1	1329,9	111,3
2011	356,5	36,8	319,8	2093,0	135,0
2012	417,7	122,8	294,9	2698,8	95,7
2013	482,2	186,4	295,9	2929,2	135,8
2014	578,5	308,5	270,0	3714,3	157,8
2015	598,6	353,2	245,4	1957,0	209,8
2016	575,2	313,2	261,9	1625,4	265,3

Примечание: данные Росстата (статистический бюллетень «Численность и миграция населения»^{*} и ГУВМ МВД России (статистическая Форма 1 РД, по запросу).

В том числе создание новых каналов миграции и применение селективного подхода для привлечения в Россию человеческого капитала, реформы системы разрешений на вре-

^{*} С 2011 г. в статистический учет долгосрочной миграции Россия включает значительные потоки временных мигрантов, зарегистрированных по месту пребывания на срок 9 месяцев и более. Ранее учету подлежали только лица с регистрацией по месту жительства. Новая методология привела к значительному увеличению числа наблюдений и формально к росту объемов миграции (подробнее см.: пояснения к бюллетеням «Численность и миграция населения»).

менное проживание и видов на жительство) и развитие временной и долгосрочной трудовой миграции (путем диверсификации системы привлечения лиц с разными квалификационными характеристиками), содействие адаптации и интеграции мигрантов, формированию конструктивного взаимодействия между мигрантами и принимающим сообществом; противодействие незаконной миграции. Некоторые положения Концепции 2012 г. касались упрощения получения гражданства для отдельных групп мигрантов.

Летом 2017 г. появился проект новой редакции Концепции, уже только на 3 года – с 2018 по 2020 г. Новая редакция в основном заимствует положения прежней Концепции, но акценты сделаны на вопросах безопасности и перераспределения потоков международной и внутренней миграции в пользу регионов Дальнего востока (Проект Указа 2017 г.). Неизбежно возникает ряд вопросов: каким же образом шло выполнение задач первой Концепции? Удалось ли реализовать в полной мере планы, разработанные на первые 5 лет ее действия? Оценка сделанного позволяет прогнозировать перспективы жизнеспособности новой концепции, потому что реализовывать ее будут в основном те же органы исполнительной власти, те же люди и посредством тех же методов и подходов.

Прошло более 5 лет с момента подписания Указа о Концепции 2012 г. Жизнь показала, что цели, обозначенные в ней, остались в основном не достигнутыми, решить удалось лишь некоторые из насущных проблем. В законотворческой деятельности наблюдался явный крен в сторону устрожения правил пребывания и въезда иностранцев. В ряде случаев новые правила оказывались неоправданно строгими, а суровость наказания существенно превышала масштабы проступка (в первую очередь речь идет о запрете иностранцам въезда в Россию на несколько лет, в том числе за административные правонарушения, не представляющие общественной опасности). Другие изменения или не оказали значительного влияния на миграционную обстановку, или даже усложнили

ситуацию. К прежним проблемам добавились новые, с которыми столкнулась Россия с середины 2014 г.: экономический кризис, потоки вынужденных мигрантов с Украины, нестабильная ситуация в сопредельных странах и пр.

Политика в области долгосрочной миграции не претерпела заметных изменений. Единственной полноценной программой стимулирования иммиграции в Россию является Госпрограмма содействия добровольному переселению соотечественников. Только она дает возможность переехать в Россию по понятным правилам и быстро получить гражданство. Рост показателей Госпрограммы (рис. 1) непосредственно связан с отсутствием у потенциальных мигрантов других возможностей переезда в Россию. Это относится и к вынужденным мигрантам с Украины, получившим временное убежище.

Рис. 1. Динамика числа участников Государственной программы содействия добровольному переселению соотечественников (с членами семей), поставленных на учет и состоящих на учете на конец года, 2007–2016, тыс.*

Одним из первых законодательных актов, адресованных этой категории мигрантов, было разрешение лицам с временным убежищем принимать участие в Госпрограмме.

* Данные ГУВМ МВД России (Форма 1-РД).

В условиях неопределенности будущего и для легализации своего длительного проживания в России очень многие вынужденные мигранты с Украины пошли по этому пути. Трудно сказать, развивалась бы Госпрограмма так же динамично, если бы у мигрантов были другие возможности получения вида на жительство и законного проживания в России и в дальнейшем, при желании, получения гражданства.

Основным «тормозом» долгосрочной миграции (на постоянное жительство) по-прежнему является сложность получения первого статуса временно проживающего лица (по РВП). Квоты на РВП формируются и, главное, распределяются по непрозрачной методике, что вынуждает мигрантов искать пути получения РВП без квот, а это тоже не просто. Несмотря на планировавшиеся реформы в области РВП и видов на жительство, с 2012 по 2017 г. практически ничего не удалось сделать в этом направлении. Институты вида на жительство и РВП остаются не развитыми, они не дифференцированы по категориям мигрантов, целям переезда и пр. Ни РВП, ни вид на жительство не представляют самостоятельной ценности для большинства иностранцев и рассматриваются ими как неизбежное условие для получения гражданства. Именно поэтому иностранцы стараются не задерживаться в статусе лиц, имеющих РВП или вид на жительство, и делают все возможное, чтобы скорее получить российское гражданство. Численность лиц, проживающих по РВП и виду на жительство в России, очень невелика по сравнению со странами, привлекательными для мигрантов. В России не происходит значительного «накопления» и роста этой совокупности мигрантов: быстро получая гражданство, они замещаются новыми мигрантами, которые также через 2–3 года станут гражданами России. По данным ГУВМ МВД России, в конце 2016 г. по виду на жительство и разрешению на временное проживание (соответственно, 621 и 495 тыс.) в России проживали всего 1,1 млн иностранцев. В то же время, например, в США еще в конце

2014 г. численность иностранцев, законно проживавших на основании грин-карты (вида на жительство) превысила 13 млн, из них 8,9 млн имели право на получение гражданства США (Lee, Baker, 2014).

В области регулирования временной трудовой миграции имели место значительные перемены, но их нельзя однозначно оценивать как позитивные. Положительный опыт, связанный с системой патентов в первые годы ее существования (2010–2014), побудил государство расширить его и применять патенты для работы не только у физических лиц, но и на предприятиях, в организациях и у индивидуальных предпринимателей, а также ввести ряд новых условий для получения патента. Нововведения привели к значительному удорожанию доступа мигранта к российскому рынку труда. Изменение ежемесячной оплаты патента (в ряде регионов в несколько раз), резкий рост цены и усложнение получения всего пакета документов, необходимых для оформления патента, совпали с экономическим кризисом. Это сделало для многих трудовых мигрантов не выгодным работать по патенту и вытеснило их в сферу нелегальной занятости (Мухаметшина, Чуракова, 2015), несмотря на риск санкций. По-прежнему в России нет дифференцированных каналов привлечения трудовых мигрантов в зависимости от квалификаций и профессий. Патенты должны получать и сезонные рабочие, и люди с высшим образованием, собирающиеся работать, например, инженерами. Категории «квалифицированных»* и «высококвалифицированных»** специалистов таковыми могут назы-

* Категория иностранных работников, получающих разрешение на работу без квотирования. Перечень должностей утверждается Приказом Министерства труда и, как правило, включает должности топ-менеджеров предприятий и организаций, ряд инженерных и технических должностей, а до 2015 г. также работников театров и цирка, находившихся в России на гастролях. С 2015 г. он относится только к гражданам «визовых» стран. См., напр.: Приказ Минтруда России 2017 г.

** Категория ВКС определяется по уровню заработной платы.

ваться условно, поскольку в обоих случаях отсутствуют формальные требования к уровню образования или квалификации работников. Отметим, что правом получить вид на жительство и остаться в России за все время существования этого канала трудовой миграции воспользовались лишь единицы из высококвалифицированных специалистов, а число членов их семей, переехавших с ними, практически равно нулю.

В 2014 г. были расширены права иностранных студентов на работу в России (не только в своих вузах во время каникул). Но, как показывает статистика ГУВМ МВД России, спрос на студенческие разрешения на работу не велик, в 2015 г. их было выдано 5,2 тыс., а в 2016 г. – менее 900, при том что в России обучаются свыше 240 тыс. иностранных студентов. Иными словами, новшества в сфере трудовой миграции практически не привели к видимым позитивным результатам. Оценка ее эффективности делается властями очень упрощенно – на основании доходов, полученных от патентов (Лента.ру, 2016), а вопросы использования человеческого капитала остаются в стороне.

Политика России в области предоставления гражданства. Можно сказать, что политика в сфере предоставления российского гражданства играет важнейшую роль в регулировании миграционных процессов в целом. Поэтому мы посвящаем этому отдельный раздел статьи. Оставляя за ее рамками описание структуры новых граждан России по странам прежнего гражданства и изменения в количестве иностранцев, ежегодно получающих гражданство России, остановимся на концептуальных вопросах: какие основания чаще всего используются для приобретения гражданства России, насколько они вписываются в задачи миграционной политики и куда могут нас привести последние инициативы законодателей.

Ситуация в России существенно отличается от практики развитых стран, принимающих мигрантов. Несмотря на существующее мнение о сложности получения гражданства России, статистика свидетельствует о противоположном: 99,9%

всех соискателей получают российский паспорт в ускоренном, упрощенном порядке. До 2011 г. срок прохождения всех процедур, связанных с приобретением гражданства, мог варьировать от 3 месяцев (для граждан Казахстана, Киргизии и Беларуси, связанных с Россией международными соглашениями) до 1,5 лет для подавляющего большинства остальных соискателей. В общем порядке, т.е. прожив в России не менее 6 лет, российский паспорт ежегодно получают лишь несколько десятков человек (табл. 2). После издания Указа Президента России 2011 г. для получения гражданства обязательным стало наличие вида на жительство, но это условие лишь примерно на 1–1,5 года увеличило срок ожидания.

Вообще получение гражданства новой родины – один из ключевых моментов в жизни большинства людей, меняющих страну постоянного проживания. В странах, активно принимающих мигрантов, после переезда и до момента получения гражданства проходит некоторый период проживания мигрантов в новом окружении, необходимый для их «врастания» в новую реальность. За это время мигрант как бы подтверждает осознанность и серьезность своих намерений стать частью принимающего общества. Срок проживания в стране до получения гражданства составляет несколько лет. Например, в Соединенных Штатах необходимо легально (т.е. по виду на жительство) прожить в стране в течение не менее 5 лет. На практике срок от момента законной иммиграции до получения гражданства США в 2010 г. составлял 6 лет, в 2009 г. – 7 лет, а в 2008 г. – 9 лет (Nielsen, Batalova, 2011). В Канаде соискатель должен прожить не менее 3 лет в четырех предшествующих подаче заявления о гражданстве, подобные требования применяются и во многих европейских странах (Naturalization, 2011). В среднем получение гражданства в общем порядке предполагает от 5 до 10 лет непрерывного проживания в стране на основании вида на жительство. Упрощенный порядок является редким исключением и доступен только для отдельных небольших по объему категорий заявителей.

Таблица 2

**Основные категории лиц, получивших гражданство Российской Федерации
через МВД (ФМС) России в 2009–2016 гг., тыс.**

Категория	Год									
	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016		
Принято и восстановлено в гражданстве РФ всего	394,2	111,4	135,0	95,7	135,8	157,8	209,8	265,3		
Из них: в общем порядке	0,09	0,05	0,07	0,06	0,06	0,07	0,07	0,10		
в упрощенном порядке всего	308,9	50,7	59,0	90,1	112,4	131,3	188,2	244,8		
в упрощенном порядке, в том числе:	0,7	1,8	4,1	12,1	21,0	26,8	28,6	34,8		
									состоят в браке с гражданином Российской Федерации не менее 3 лет)	
									участники Госпрограммы)	
прочие (упрощенный порядок)	304,5	43,6	37,5	46,7	45,1	50,7	52,6	60,4		
В соответствии с международными соглашениями	85,2	60,6	75,9	5,4	4,8	11,3	12,0	12,0		
Другое	0,0	0,1	0,1	0,1	18,5	15,2	9,5	8,3		

Источник: данные ГУВМ МВД России (Форма 1 РД).

В первые годы после распада Союза простота получения гражданства России (в том числе в порядке регистрации) была оправдана. В 1990-х гг. и начале «нулевых» в Россию переезжали русскоязычные жители стран СНГ, оказавшиеся чужими в странах, где многие из них родились и постоянно проживали. Именно они были главными бенефициарами первого российского закона о гражданстве (Закон 1991 г.), принятого буквально накануне распада СССР. Либеральный и справедливый для своего времени закон позволил сотням тысяч людей без лишних бюрократических процедур получить или подтвердить российское гражданство. Новый закон о гражданстве (Закон 2002 г. № 1) сначала предполагал его получение преимущественно в общем порядке, но впоследствии были приняты поправки, которые фактически восстановили массовое применение упрощенного порядка. Это было оправданно лишь в отношении части соискателей, имевших связь с Россией, в том числе прибывших еще в 1990-х гг. и оказавшихся в условиях правовой коллизии с Законом о правовом положении иностранных граждан (Закон 2002 г. № 2). В отношении остальной части мигрантов не принималось во внимание, что в последние 10–15 лет их состав существенно изменился. Увеличилась доля представителей титульного населения стран прежнего проживания, молодые поколения мигрантов уже не имели общего советского прошлого с основной частью населения России. В этих условиях более логичным был бы переход к широкой практике получения гражданства в общем порядке, но этого не происходит. Практика упрощенного приема в гражданство России продолжает расширяться. Прожив в России не менее 6 лет (год по РВП и 5 лет по виду на жительство), гражданство получают ежегодно не более 100 человек (см. табл. 2).

Резкий рост количества лиц, получивших гражданство в качестве супругов граждан России (с 700 человек в 2009 г. до 35 тыс. в 2016 г.), наблюдаемый после сужения или за-

крытия других возможностей ускоренной натурализации (Чудиновских, 2014), вызывает вполне обоснованное предположение, что иностранцы пытаются использовать самые разные способы для достижения своей цели, в том числе вступая в фиктивный брак.

Правозащитники могут возразить и привести множество примеров затяжных и практически тупиковых случаев из своей практики, когда люди годами не могли урегулировать вопрос своего гражданства, сталкиваясь с некомпетентностью или безответственностью чиновников на местах, оказываясь в тисках отдельных норм нашего законодательства и пр. (Графова, 2010). Все эти случаи заслуживают самого пристального внимания и ответа со стороны властей. Но в данной статье речь пойдет о направленности законотворчества российских парламентариев в области предоставления российского гражданства, новых идеях и возможных рисках их реализации.

За прошедшие 5 лет было принято несколько решений по изменению Закона о гражданстве (Закон 2002 г. № 1). В апреле и июне 2014 г. были приняты поправки, которые привели к появлению еще одной льготной категории лиц – так называемых «носителей русского языка». Подтвержденные специальной комиссией знания русского языка дают соискателям право на ускоренное получение гражданства при переезде на постоянное жительство в Россию и подтверждении отказа от прежнего гражданства. Эта правовая норма сама по себе вызывает много вопросов. Русский язык широко используется на постсоветском пространстве, и его знание не является редкостью. Можно провести параллели со странами, некогда бывшими центрами империй, – Великобританией, Францией и др. Английский и французский языки являются официальными во многих бывших их колониях. Но Великобритания не упрощает прием в гражданство жителей Индии или Нигерии, Франция не раздает гражданство мигрантам-франкофонам из Африки только за знание языка. Культурные различия между мигрантами и прини-

мающим обществом могут быть значительными, а для интеграции потребуется несколько лет. Безусловно, язык является важной составляющей человеческого капитала мигранта, но его знание не может быть главным условием для приема в гражданство. Отметим, что, по данным ГУВМ МВД России, в качестве носителей русского языка гражданство России получили немногие: 3189 человек в 2016 г. и 1624 – в 2015 г. Для граждан таких стран, как Украина и Узбекистан, стало непреодолимым препятствием получение справки о выходе из прежнего гражданства. Шаги к упрощению этой процедуры для отдельных групп соискателей, конечно, можно рассматривать как положительное явление (РИА Новости, 2017).

Можно отметить, что одной из главных проблем законодательства в сфере гражданства является его непредсказуемость и отсутствие системного видения последствий принятия тех или иных норм. Идея расширения основания приема в гражданство так называемых «носителей русского языка» объясняется желанием собрать русский мир. По словам эксперта, цитируемого газетой «Ведомости», «тема собирания россиян на исторической родине – благодатная и может быть одной из доминирующих для продвижения имиджа действующего созыва Госдумы как эффективного, патриотичного, решающего заброшенные ранее проблемы» (Чуракова, 2017). В контексте подобных взглядов вполне логично появление еще одной законодательной инициативы – предоставлять российское гражданство «по праву почвы». И речь вновь идет о носителях русского языка. Опыт последних двух лет показал, что многим соискателям (в первую очередь вынужденным мигрантам с Украины) было трудно получить документы, подтверждающие постоянное проживание в своей стране (т.е. на территории Российской империи). Поэтому в конце 2016 г. группой депутатов* было предложено рас-

* Инициатором и автором законопроекта является К. Затулин, позже к авторству законопроекта присоединились еще несколько депутатов Думы.

ширить основания для приобретения российского гражданства и давать его всем, кто *родился* на территории СССР и Российской империи (Законопроект 2016 г.), так как сведения о месте рождения подтвердить намного проще (см.: Правда.ру, 2017), и необходимые документы чаще всего имеются у людей в личных архивах (например, свидетельство о рождении).

На наш взгляд, приведенные выше высказывания экспертов и законодателей, скорее, являют собой пример риторики на популярную тему. В этих рассуждениях нет серьезных оценок социальных и экономических последствий предоставления гражданства неопределенно большому числу лиц. При обсуждении его экономических аспектов отрицается возможный рост нагрузки на пенсионный и иные социальные фонды России (zatulin.ru, 2017), хотя по закону российское гражданство дает право на российскую пенсию лицам, проживающим за рубежом (например, в СНГ) и всю жизнь (или какую-то ее часть) проработавшим вне России*. Также закон гарантирует гражданам нашей страны получение материнского капитала вне зависимости от места проживания и способа получения гражданства**. Такая практика уже применяется и может только расшириться в случае принятия законопроекта. Но вряд ли это согласуется с интересами населения нашей страны. По данным Пенсионного фонда России, в конце 2016 г. число пенсионеров,

* Выплата пенсий лицам, прибывшим для проживания в РФ, регулируется Федеральным законом «О трудовых пенсиях в Российской Федерации» (Федеральный закон 2001 г.). Выплата пенсий гражданам РФ за рубежом регулируется ст. 24 того же Закона.

** Часть 1 ст. 3 Федерального закона «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» (Федеральный закон 2006 г.) гласит: «право на дополнительные меры государственной поддержки возникает при рождении (усыновлении) ребенка (детей), имеющего гражданство Российской Федерации, у граждан Российской Федерации независимо от места их жительства».

проживающих за рубежом, достигло почти 297 тыс. человек, а выплаты им составили 38,6 млрд руб. (Пенсионный Фонд России, 2016). Конечно, большинство из этих людей заработали пенсии в советское время, но среди них немало и «новых россиян», пользующихся неоправданной мягкостью нашего законодательства. Нужно отметить, что даже страны, традиционно предоставляющие гражданство по праву почвы, в последние годы отказываются от его однозначного и прямого применения. Устанавливаются условия проживания ребенка в стране в течение нескольких лет, требуется наличие у родителей легального статуса на момент рождения ребенка и т.д. И ни в одной стране, некогда бывшей центром империи или имевшей колонию, не допускается расширения «права почвы» на территории бывших колоний. Поэтому инициатива депутатов несет в себе и политические риски, связанные с возможным осложнением отношений России с ее ближайшими соседями – бывшими странами СССР, гражданам которых наши законодатели собираются предоставить гражданство России и создать предпосылки для переезда в нашу страну.

Заключение. Анализ показывает, что подходы к миграционной политике России нуждаются в пересмотре. Все еще не созданы механизмы, направленные на привлечение в страну мигрантов, обладающих востребованными профессиями, способных самостоятельно обеспечивать себя и членов своих семей. Ждут решения хронические проблемы в области выдачи разрешений на временное проживание. В миграционной политике по-прежнему часто не прослеживается логика: нормотворчество в сфере предоставления российского гражданства фактически не увязывается с другими задачами миграционной политики, вся деятельность концентрируется на дальнейшем упрощении получения гражданства. Не получают развития цивилизованные формы натурализации в общем порядке. В дискуссиях последних месяцев законодатели, по сути дела, сводят миграцион-

ную политику к собиранию русского мира, ставя знание русского языка выше всех иных характеристик человека. Знание мигрантами русского языка можно только приветствовать, но оно не должно быть главным критерием отбора новых граждан России. Расширяя круг потенциальных получателей российского гражданства на всех, кто знает русский язык и родился на территории Российской империи, законодатели игнорируют не только экономические последствия этого процесса. Новоселы, ускоренно получившие гражданство, одновременно получают доступ ко всем видам деятельности – службе в правоохранительных органах, избирательному праву и пр. Не достаточно интегрированные мигранты создают риски недостатка взаимопонимания с принимающим сообществом. После быстрого получения гражданства у мигрантов не остается стимулов участвовать в каких-либо интеграционных программах. Не язык уравнивает новоселов и местное население, а многолетний опыт проживания в одном социуме. Этого как раз и не предполагают последние инициативы российских законодателей. Будем надеяться, что при рассмотрении законопроекта возобладает здравый смысл и осторожность. Новая редакция Концепции миграционной политики пока находится в стадии обсуждения. Это дает надежду, что еще есть время для переосмысления ее логики и что когда-нибудь в обозримом будущем миграционная политика начнет адекватно учитывать истинные интересы России и ее населения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Авакьян С.А.* Российское гражданство: опыт и проблемы // Законодательство. – 1997. – № 5. – URL: <http://constitution.garant.ru/science-work/modern/3541101> (дата обращения: 20.07. 2017).
2. *Аксенов А.Б.* Современные тенденции в международно-правовом регулировании вопросов гражданства в связи с правопреемством государств / Российская академия правосудия. – М., 2011.

3. Варлен М.В. Гражданство: Россия и СНГ: учебно-практическое пособие. – М., 2014.

4. Графова Л.И. Страдания по гражданству: сборник статей. – М.: МАКС Пресс, 2010.

5. Доходы Москвы от мигрантов превысили налоги с нефтяных компаний // Лента.ру 6.08.2016. – URL: https://lenta.ru/news/2016/08/06/migrants_pay (дата обращения: 20.07.2017).

6. Закон Российской Федерации от 28 ноября 1991 г. № 1948-1 «О гражданстве Российской Федерации» (в первой ред. – Закон РСФСР «О гражданстве РСФСР»). – М., 1991.

7. Законопроект № 69201-7 «О внесении изменений в Федеральный закон от 31 мая 2002 г. № 62-ФЗ “О гражданстве Российской Федерации” и в Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ “О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации”» в отношении носителей русского языка (в части упрощения порядка предоставления российского гражданства), внесен в Государственную Думу 30 декабря 2016 г. – URL: <http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/%28Spravka%29?OpenAgent&RN=69201-7> (дата обращения: 20.07.2017).

8. Интервью К. Затулина // Правда.ру. – 10.03.2017. – URL: <https://www.pravda.ru/news/society/10-03-2017/1326936-zatulino> (дата обращения: 15.07.2017).

9. Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 г. (утв. Президентом РФ 13 июня 2012 г.). – М., 2012.

10. Кутафин О.Е. Российское гражданство: избранные труды. – М.: Проспект, 2004.

11. Мухаметшина Е., Чуракова О. ФМС не справляется с миграционными проблемами, считают эксперты. // Ведомости. – 2015. – 28 октября. – URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2015/10/29/614766-fms-ne-spravlyaetsya-migratsionnimi-problemami-schitayut-eksperti> (дата обращения: 23.07.2017).

12. Пенсионный Фонд России. Годовой отчет за 2016 г. – URL: http://www.pfrf.ru/press_center~2017/06/05/136913 (дата обращения: 20.07.2017).

13. Приказ Минтруда России от 12.01.2017 № 18 «Об утверждении перечня профессий (специальностей, должностей) для привлечения иностранных работников, прибывающих в Российскую

Федерацию на основании визы, на 2017 г.». – URL: <http://www.rosmintrud.ru/docs/mintrud/orders/553> (дата обращения: 20.07.2017).

14. Проект Указа Президента Российской Федерации «Об утверждении Концепции миграционной политики Российской Федерации» // Портал Федеральных правительственных актов. – URL: <http://regulation.gov.ru/projects#npra=67736> (дата обращения: 15.07.2017).

15. РИА Новости. – 11.07.2017. – URL: <https://ria.ru/society/20170711/1498276102.html> (дата обращения: 15.07.2017).

16. Указ Президента Российской Федерации от 19.10.2011 № 1391 «О внесении изменений в Положение о порядке рассмотрения вопросов гражданства Российской Федерации, утвержденное Указом Президента Российской Федерации от 14.11.2002 № 1325». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_120650 (дата обращения: 20.07.2017).

17. Федеральный закон от 17.12.2001 № 173-ФЗ «О трудовых пенсиях в Российской Федерации».

18. Федеральный закон от 31.05.2002 № 62-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации».

19. Федеральный закон от 25.07.2002 № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации».

20. Федеральный закон от 29.12.2006 № 256-ФЗ «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей».

21. Численность и миграция населения. Статистический бюллетень (за различные годы) // Портал Федеральной службы государственной статистики. – URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_114_0096034906 (дата обращения: 20.07.2017).

22. *Чудиновских О.С.* О политике и тенденциях приобретения гражданства Российской Федерации в период с 1992 по 2013 г. // Демографическое обозрение: научный электронный журнал. – 2014. – № 3. – URL: <http://demreview.hse.ru/2014-3/143747393.html> (дата обращения: 20.07.2017).

23. *Чуракова О.* Госдума позаботилась об украинцах, желающих стать россиянами // Ведомости. – 11.07.2017. – URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2017/07/12/720646-gosduma-pozabotilas> (дата обращения: 22.07.2017).

24. *Chudinovskikh O., Denisenko M.* Russia: A Migration System with Soviet Roots // Migration Information Source. On-line journal. Migration Policy Institute. – May 18, 2017. – URL: <http://www.>

migrationpolicy.org/article/russia-migration-system-soviet-roots (дата обращения: 15.07.2017).

25. *Ginsburgs S.* Migration and Admittance to Citizenship in Russia // From Migrants to Citizens: Membership in a Changing World / ed. by A. Aleinikoff, D. Klusmeyer. – Brookings Institution Press, May 2000.

26. *Lee J., Baker B.* Estimates of the Lawful Permanent Resident Population in the United States. January 2014 // USA Department of Homeland Security. – URL: <https://www.dhs.gov/immigration-statistics/population-estimates/LPR> (дата обращения: 23.07.2017).

27. *Lohr E.* Russian Citizenship. From Empire to Soviet Union. Harvard University Press. – Cambridge, Massachusetts, London, England, 2012.

28. Naturalization: A Passport for the Better Integration of Immigrants? – OECD, 2011

29. *Nielsen A., Batalova J.* Naturalization Trends in the United States // Migration Information Source: On-line journal. Migration Policy Institute. – June 22, 2011. – URL: <http://www.migrationpolicy.org/article/naturalization-trends-united-states-0/#12> (дата обращения: 18.07.2017).

30. *Salenko A.* Country report: Russia. European University Institute, Florence, Robert Schuman Centre for Advanced Studies, EUDO Citizenship Observatory. July 2012. – URL: <http://eudo-citizenship.eu/country-profiles/?country=Russia> (дата обращения: 18.07.2017).

31. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/15635> (дата обращения: 18.07.2017).

32. URL: <https://zatulin.ru/deputaty-sporyat-komu-dat-pravo-nagrazhdanstvo-rf-vsem-rozhdenным-v-sssr-ili-tolko-russkim> (дата обращения: 20.07.2017).

REFERENCES

1. *Aksenov A.B.* Sovremennyye tendentsii v mezhdunarodno-pravovom regulirovanii voprosov grazhdanstva v svyazi s pravopreemstvom gosudarstv. Russian Academy of Justice [Modern trends in international legal regulation of citizenship issues in connection with succession of states]. – M., 2011.

2. *Avakyan S.A.* Rossiyskoe grazhdanstvo: opyt i problemy [Russian citizenship: experience and problems] // *Zakonodatelstvo*. – 1997. – № 5. – URL: <http://constitution.garant.ru/science-work/modern/3541101> (date of access: 20.07.2017).

3. Bill № 69201-7 On amendments to the Federal law of 31 May 2002 № 62-FZ «On the citizenship of the Russian Federation» and the Federal law of 25 July 2002 № 115-FZ «On legal status of foreign citizens in the Russian Federation» in respect of Russian native speakers (in terms of simplification of the procedure of granting Russian citizenship), submitted to the State Duma on 30 December 2016. – URL: <http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/%28Spravka%29?OpenAgent&RN=69201-7> (date of access: 20.072017).

4. Chislennost i migratsiya naseleniya. [Population size and migration]. Statistical yearbook, (available for different years). Federal State Statistics Service of Russia. – URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1140096034906 (date of access: 20.072017).

5. *Chudinovskikh O.S.* O politike i tendentsiyah priobreteniya grazhdanstva Rossiyskoy Federatsii v period s 1992 po 2013 g. [On policies and trends in acquisition of citizenship of the Russian Federation in 1992 – 2013] // *Demographic review*. Scientific peer-reviewed electronic journal. – 2014. – № 3. – URL: <http://demreview.hse.ru/2014-3/143747393.html> (date of access: 18 July 2017).

6. *Chudinovskikh O., Denisenko M.* Russia: A Migration System with Soviet Roots. Migration Information Source // On-line journal. Migration Policy Institute. – May 18, 2017. – URL: <http://www.migrationpolicy.org/article/russia-migration-system-soviet-roots> (date of access: 15.07.2017).

7. *Churakova O.* Gosduma pozabotilas ob ukrainsyah, zhelayuschih stat rossiyanami [The state Duma has taken care of the Ukrainians wishing to become Russians] // *Vedomosti*. – 11.07.2017. – URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2017/07/12/720646-gosduma-pozabotilas> (date of access: 22.072017).

8. *Ginsburgs S.* Migration and Admittance to Citizenship in Russia // *From Migrants to Citizens: Membership in a Changing World* / ed. by A. Aleinikoff, D. Klusmeyer // Brookings Institution Press. – May 2000.

9. *Grafova L.I.* Stradaniya po grazhdanstvu [Sufferings for citizenship]: Collected articles. – M.: MAKS Press, 2010.

10. Income of Moscow from migrants exceeded the taxes on oil companies // *Лента.ру*. – 6.08.2016. – URL: https://lenta.ru/news/2016/08/06/migrants_pay (date of access: 20.07.2017).

11. Interview K. Zatulín // *Правда.ру*. – 10.03.2017. – URL: <https://www.pravda.ru/news/society/10-03-2017/1326936-zatulín-0> (date of access: 15.07.2017).

12. *Kutafín O.E.* Rossiyskoe grazhdanstvo. [Russian citizenship]. Selected works. – M.: Prospekt, 2004.

13. *Lee J., Baker B.* Estimates of the Lawful Permanent Resident Population in the United States: January 2014. USA Department of Homeland Security. – URL: <https://www.dhs.gov/immigration-statistics/population-estimates/LPR> (date of access: 23.07.2017).

14. *Lohr E.* Russian Citizenship. From Empire to Soviet Union. Harvard University Press. – Cambridge, Massachusetts, London, England, 2012.

15. *Muhametshina E., Churakova O.* FMS ne spravlyaetsya s migratsionnymi problemami, schitayut eksperty [FMS is unable to cope with migration problems, experts say] // *Vedomosti*. – 28.10.2015. – URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2015/10/29/614766-fms-ne-spravlyaetsya-migratsionnimi-problemami-schitayut-eksperti> (date of access: 23.07.2017).

16. Naturalization: A Passport for the Better Integration of Migrants? // OECD. – 2011.

17. *Nielsen A., Batalova J.* Naturalization Trends in the United States. Migration Information Source // On-line journal. Migration Policy Institute. – June 22, 2011. – URL: <http://www.migrationpolicy.org/article/naturalization-trends-united-states-0/#12> (date of access: 18.07.2017).

18. Pension Fund of Russia, Annual Report 2016. – URL: http://www.pfrf.ru/press_center~2017/06/05/136913 (date of access: 20.07.2017).

19. RIA Novosti. – 11.07.2017. – URL: <https://ria.ru/society/20170711/1498276102.html> (date of access: 15.07.2017).

20. *Salenko A.* Country report: Russia. (July 2012). European University Institute, Florence, Robert Schuman Centre for Advanced Studies, EUDO. – URL: <http://eudo-citizenship.eu/country-profiles/country=Russia> (date of access: 18.07.2017).

21. The Concept of the State migration policy of the Russian Federation for the period up to 2025 (approved by the President of the Russian Federation on June 13, 2012).

22. The Decree of the President of the Russian Federation of 19 October 2011 № 1391 «On amendments to the regulations on the procedure for considering issues of citizenship of the Russian Federa-

tion, approved by the Decree of the President of the Russian Federation of November 14, 2002 № 1325». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_120650 (date of access: 20.07.2017).

23. The Draft Decree of the President of the Russian Federation «On approval of the concept of migration policy of the Russian Federation». Portal of the Federal Government acts. – URL: <http://regulation.gov.ru/projects#npa=67736> (date of access: 15.07.2017).

24. The Federal law «About labour pensions in the Russian Federation» of 17.12.2001 № 173-FZ.

25. The Federal law «On legal status of foreign citizens in the Russian Federation» from 25.07.2002 № 115-FZ.

26. The Federal law of 29.12.2006 № 256-FZ «On additional measures of state support of the families having children».

27. The Federal law «On citizenship of the Russian Federation» from 31.05.2002 № 62-FZ.

28. The law of the Russian Federation from November, 28, 1991 № 1948-1 «On the citizenship of the Russian Federation». (Original title – The Law of the RSFSR «On the citizenship of the RSFSR».)

20. The order of the Ministry of labor of Russia «On approval of the list of professions (occupations, positions) for foreign workers arriving to the Russian Federation on the basis of visa for 2017» from 12.01.2017 № 18. – URL: <http://www.rosmintrud.ru/docs/mintrud/orders/553> (date of access: 20.07.2017).

30. *Varlen M.V.* Grazhdanstvo: Rossiya i SNG [Citizenship: Russia and CIS]. Tutorial. – M., 2014.

31. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/15635> (дата обращения: 18.07.2017).

32. URL: <https://zatulin.ru/deputyat-spyryat-komu-dat-pravo-na-grazhdanstvo-rf-vsem-rozhdenym-v-sssr-ili-tolko-russkim> (дата обращения: 20.07.2017).

Раздел 2

МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ И ПОЛИТИКА: СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ПРОБЛЕМЫ

ПОЛОЖЕНИЕ ВЫСОКОКВАЛИФИЦИРОВАННОЙ ИММИГРАЦИИ НА РЫНКЕ ТРУДА В РОССИИ

А.Я. Быстряков, Е.М. Григорьева, Е.В. Савенкова

*Российский университет дружбы народов
(Москва, Россия)*

В условиях поиска эффективных источников роста национальных экономических систем одним из основных ресурсов становится высококвалифицированная рабочая сила. Необходимость создания привлекательных условий для обеспечения притока квалифицированных мигрантов заставляет глубоко изучать причины, условия и последствия таких процессов.

Цель настоящего исследования – изучение положения высококвалифицированных мигрантов на российском рынке труда и формирование предложений, позволяющих оптимизировать регулирование миграционных процессов в высококвалифицированных отраслях экономики.

В работе проведен анализ исследований интеллектуальной миграции в контексте проблем «человеческого капитала», «циркуляции умов», «образовательной миграции», «социокультурной адаптации». В работе использован метод интервьюирования, основной методологией выбрана классическая субъективистская теория девиантного поведения и способов адаптации Р. Мертона. Исследование показало, что высококвалифицированные мигранты в нашей стране реализуют разные стратегии адаптации, а от этого зависит их положительный настрой и работоспособность в различных сферах российской экономики.

Ключевые слова: высококвалифицированные мигранты, миграция, рынок труда, человеческий капитал.

HIGHLY QUALIFIED IMMIGRATION LABOR MARKET POSITION IN RUSSIA

A.Y. Bystryakov, E.M. Grigorieva, E.V. Savenkova

*Peoples' Friendship University of Russia
(Moscow, Russia)*

When searching for effective sources of growing national economic systems, one of the main resources is a highly skilled labour force. The need to create attractive conditions for the provision of skilled migrants influx requires a deep study of the causes, conditions and consequences of such processes. The goal of this research is to study the position of highly qualified migrants on the Russian labour market and shape the proposals allowing to streamline the regulation of migration processes in highly skilled sectors of the economy.

The work analyzes the research of intellectual migration in the context of such problems as «human capital», «brain circulation», «educational migration», and «sociocultural adaptation». In this work we used the interviewing method, while the classical subjectivist theory of deviant behaviour and methods of adaptation by R. Merton was chosen as the main technique. The study has demonstrated that highly skilled migrants in our country implement different adaptation strategies, which determine their positive attitude and performance in various areas of the Russian economy.

Key words: *highly qualified/ highly-skilled migrants, migration, labour market, human capital.*

Введение. В последние годы в сфере труда и занятости актуальность научных исследований смещается в сторону вопросов повышения экономической активности населения,

эффективного использования трудовых ресурсов. Одним из глобальных процессов, который влияет на качественное изменение рабочей силы, предстает миграция (Morris, 2004).

Существуют два основных направления решения проблемы нехватки рабочей силы на национальном, региональных и локальных рынках труда – внутренняя и внешняя миграция. Происходят изменения в количественном составе мигрантов в регионах и отдельных отраслях экономики, а также профессионально-квалификационных характеристик мигрантов. Изучение данных факторов позволяет оптимизировать регулирование миграционных процессов и функционирование российского рынка труда.

В основном изучение миграции на рынке труда связано с анализом деятельности внешних низкоквалифицированных мигрантов. Однако немаловажную роль в социально-экономических процессах играют высококвалифицированные мигранты. Статистика показывает, что массовых потоков этой категории мигрантов в Россию нет, поэтому нам представляется возможным изучение точечного влияния высококвалифицированных мигрантов на рынок труда.

Изучение проблем высококвалифицированных специалистов актуально в научном и социально-практическом плане. Объектом нашего исследования являются высококвалифицированные специалисты, прибывающие на работу в Российскую Федерацию. Высококвалифицированные специалисты в отличие от низкоквалифицированных имеют конкурентные преимущества перед другими категориями мигрантов. В этой среде мало кто будет работать без соцпакета, а если таковые найдутся, то это, скорее всего, будет итогом их сознательного выбора.

Обзор литературы. В современных исследованиях проблемы высококвалифицированной миграции, влияния миграции на экономическое развитие и социальную систему в странах иммиграции, свободного перемещения рабочей силы и т.п. представлены в основном западными учеными.

Среди них можно выделить исследования таких авторов, как Р.Г. Адамс (R.H. Adams), Р. Бол (R. Ball), Т. Бэсок (T. Vasok), В.Р. Бенинг (W.R. Bohning), Ю. Волс (U. Walz), Г. Вернер (H. Werner), С. Вейерброк (S. Weyerbrock), Д.Р. Дейвис (D.R. Davis), Г. Деллас (H. Dellas), В.Б. Джонстон (W.B. Johnston), Р.К. Джоунс (R.C. Jones), Р.Г. Еренберг (R.G. Ehrenberg), С. Кастл (S. Castles), Г.Р. Кларк (H.R. Clarke), Д.А. Колеман (D.A. Coleman), Д. Массей (D.S. Massey), А.М. Мессина (A.M. Messina), Дж. Пейксото (J. Peixoto), Г. Рот (H. Roth), А. Сови (A. Sauvy), П. Стокер (P. Stalker), Т. Страубхар (T. Straubhaar), М. Тодаро (M. Todaro), Н. Харрис (N. Harris), Дж. Хартог (J. Hartog), Л. Хендрикс (L. Hendricks), Р.Т. Эпплеярд (R.T. Appleyard) и др.

Анализ научных публикаций в библиографических и реферативных базах данных, таких как Scopus и Web of Science, показывает, что интерес к данной проблеме с каждым годом только возрастает, так как реализация научного и технического потенциала любого государства для обеспечения высоких темпов качественного экономического роста возможна не только за счет увеличения собственных интеллектуальных ресурсов, но и за счет привлечения в страну высококвалифицированных специалистов.

Авторы С. Садовски-Смит, С. Ю, Х. Ван и В. Ли анализируют процессы циркуляции умов. По их мнению, гонка за поиском талантов и умов приобретает глобальные масштабы и становится беспрецедентной, увеличиваются темпы высококвалифицированной международной миграции. В своей статье интеллектуальную миграцию они рассматривают с точки зрения студенческой образовательной миграции и в качестве аналитической основы изучают опыт студентов и высококвалифицированных мигрантов, прибывающих в Соединенные Штаты Америки из Бразилии, России, Индии и Китая (страны БРИКС). Структурные изменения в студенческой среде не только объединяют студентов из разных стран, но и создают сложные отношения между этими ми-

грантами, их карьерными устремлениями, расширениями родственных связей, что в итоге приводит к радикализации отношений в Соединенных Штатах и к экономическим и геополитическим изменениям в своих странах (Sadowski-Smith, Yu, Wang, Li, 2015).

Китайский ученый В. Мяо раскрывает гендерные парадигмы китайской интеллектуальной миграции в Соединенные Штаты в период открытости границ и общества. Автор анализирует опыт интеллектуальной миграции как гендерный опыт, проблемы адаптации мужчин и женщин в новых условиях, а также как отражается на творческом поиске потеря привязанности к дому. Автор утверждает, что формируется гендерная составляющая высококвалифицированной миграции, что требует особого изучения, так как гендерная политика отстает от ранее выявленных факторов миграции (Miao, 2015).

Методы. Цель работы – охарактеризовать условия пребывания высококвалифицированных мигрантов в современной российской действительности и выявить применяемые стратегии их адаптации в социуме.

Для достижения цели были последовательно решены следующие задачи: охарактеризованы нормативно-правовые условия возможности получения разрешений на работу в стране; проанализированы результаты интервьюирования высококвалифицированных мигрантов; выявлены преобладающие стратегии адаптации высококвалифицированных мигрантов; проведено историческое сопоставление миграционной политики современного периода и периода Советского Союза.

В работе использован метод обобщения, с помощью которого проанализированы данные МВД и Министерства экономического развития России о положении высококвалифицированных мигрантов в 2015–2016 гг. Применяя метод наблюдения, проведено интервью среди высококвалифицированных мигрантов для определения предпосылок к

формированию стратегии их адаптации к новой среде. Опросник был составлен на основе концепции классической субъективистской теории девиантного поведения и способов адаптации Р. Мертона. С позиции исторического подхода в работе приведен анализ опыта реализации внутренней миграционной политики в Советском союзе.

Нормативно-правовые условия возможности получения разрешений на работу. Отечественные социологи в последнее время уделяют данной тематике достаточно большое внимание. Более того, фокус существующих исследований в этой области направлен на экономическую, финансовую и политическую стороны вопроса. Проблемы интеллектуальной миграции рассматриваются с точки зрения накопления и увеличения «человеческого капитала». В современных условиях, когда каждая страна имеет очевидное понимание значимости своих природных ресурсов и материальных ограничений капитала, общество требует развития собственных людских ресурсов, поскольку именно образованные граждане становятся одним из основных факторов экономического роста и конкурентоспособности в мировой экономике. Многомерность категории человеческого «капитала» как приобретенных ценностей человека способствуют достижению в будущем особых экономических и социальных преимуществ. Накопление человеческого капитала происходит не только через повышение образования, формирование самосохранительного поведения, здорового образа жизни, профессиональной подготовки, но и при оптимальном использовании интеллектуальных миграционных ресурсов. Авторами разрабатываются критерии и показатели оценки развития человеческого капитала для предприятий разных регионов России и их дифференциации в зависимости от уровня развития человеческого капитала.

По мнению авторов, будущее российских регионов состоит в формировании новых интеллектуальных экономик, где основным ресурсом будут являться не природные богат-

ства и энергия, а высокообразованный человек. Такое преобразование тесно связано с вопросами социальной ответственности бизнеса, власти и общества, гуманизации экономических изменений, демографической и миграционной политики, решением проблем в сфере образования. Таким образом, комплексный подход к изучению интеллектуальных ресурсов имеет важное значение для развития человеческого капитала на региональном, национальном и международном уровнях.

Однако не только экономическая составляющая, но и социокультурные аспекты высококвалифицированной миграции являются центральной темой анализа данной статьи. С практической точки зрения необходимость исследования обусловлена и тем, что именно миграция иностранных специалистов высокой квалификации как носителей новейших знаний и уникального опыта определяет дальнейшее развитие как экономического, так и социокультурного общества (Ареф'ев, Шереги, 2015). Реализация данного исследования, в первую очередь, обращена на практику выработки общих тенденций в международных процессах перемещения специалистов и рекомендаций к работе организаций, ориентированных на развитие международного сотрудничества.

По данным МВД РФ, в 2016 г. на территорию Российской Федерации въехало 26 995 чел. высококвалифицированным мигрантов, это почти на 16 500 чел. меньше, чем в 2015 г. (xn-b1aew.xn-plai).

Иностранные высококвалифицированные специалисты (ВКС) получают разрешение на работу в России вне ежегодной квоты, срок действия разрешения может быть увеличен (в зависимости от срока контракта) до 3 лет (а не ограничен одним годом, как для всех остальных категорий мигрантов) с возможностью неограниченного числа продлений, каждое из которых – еще на 3 года. ВКС могут работать на территории нескольких субъектов Федерации, им не надо для этого получать несколько отдельных разрешений

на работу для каждого субъекта (как обычным категориям иностранцев), а информация обо всех субъектах сразу вносится в одно выдаваемое разрешение на работу. Для ВКС создан особый налоговый режим, приравнивающий их к гражданам РФ. Ставка подоходного налога составляет 13% независимо от того, являются ли ВКС резидентами или нерезидентами РФ (для всех остальных категорий мигрантов – 30% в первые 180 дней, и только потом, когда они становятся резидентами, 13%). Льготы по пребыванию и трудоустройству в России получают не только сами высококвалифицированные специалисты, но и члены их семей: они могут по желанию оформить вид на жительство (на срок действия разрешения на работу); они освобождены от постановки на учет по месту пребывания в течение 90 суток со дня въезда в Российскую Федерацию (для остальных мигрантов этот срок составляет 7 рабочих дней) и в течение 30 дней после прибытия к новому месту пребывания при передвижении по территории Российской Федерации и т.д. (Флоринская, Мкртчян и др., 2015). В основном высококвалифицированные мигранты прибывают из визовых стран. Основная доля данной категории работает в Москве и Московской обл.

На наш взгляд, представляется необходимым проанализировать проблему создания условий для комфортного пребывания и адаптации высококвалифицированных мигрантов с целью выделения и классификации наиболее часто используемых механизмов миграции, а также вынесения заключения о возможности осуществления контроля над данным социальным феноменом и о дальнейших перспективах в области высококвалифицированной миграции.

Результаты интервьюирования высококвалифицированных мигрантов. В качестве пилотажного исследования было проведено и проанализировано 18 интервью с высококвалифицированными иностранными специалистами на примере формирования необходимых условий в Москве как принимающей стороне миграции. Основная цель пилотного

исследования заключалась в определении предпосылок к формированию условных стратегий миграции и адаптации.

Руководящей методологией исследования выбрана классическая субъективистская теория девиантного поведения и способов адаптации Р. Мертона. Изучая социальные и культурные источники отклоняющегося поведения, американский социолог сосредоточил внимание на типах приспособления (адаптации) к культурным целям и институционализованным средствам (нормам) людей. Выбор методологии обусловлен существующей, по мнению авторов, необходимостью социологизировать категорию миграции и адаптации. Конструкт Мертона позволяет очертить строгие рамки предполагаемых механизмов и способов адаптации, при этом предоставляя возможность анализировать индивидуальное и групповое социальное поведение с точки зрения типологии способов индивидуальной адаптации.

Важно очертить пространственно-временные рамки миграции и адаптации иностранных специалистов. На основании анализа интервью можно сделать вывод о том, что фактически сам процесс миграции берет начало с момента принятия решения о миграции, т.е. субъективного построения мотивационной модели. Таким образом, анализ основан на изучении всех этапов – от принятия решения о переезде в Россию до момента адаптации и далее интеграции в принимающую среду. Как правило, высококвалифицированные мигранты обладают устойчивым и высоким экономическим статусом и в большинстве своем ориентированы на построение карьеры и реализацию своих материальных и научных амбиций. В этом случае можно предположить, что определяющими их адаптивное поведение стратегиями будут адаптационная и ассимиляционная.

Проведенные интервью показали, что 11 из 18 опрошенных основывают свое адаптивное поведение на следующем мнении об окружающей среде и социокультурной ситуации: взгляды о Москве как об экономической и куль-

турной столице России; ожидание от общества среднего образовательного уровня, в том числе владение иностранными языками; отсутствие со стороны принимающего населения отношения к себе как «чужаку» и т.д. Вполне вероятно, что многие прибывающие в столицу специалисты руководствуются целью получения опыта в построении своей карьеры. Также при формулировке цели миграции и адаптации немаловажными оказываются и индивидуальные характеристики индивида: владение английским языком, подготовленность к определенным коммуникативным проблемам, опыт международного общения и сотрудничества, ориентация на получение нового опыта в межкультурном взаимодействии. Однако данная категория специалистов, нацеленная на скорейшую адаптацию, реализует конформистское поведение, что означает полную солидарность с общественными установками, целями и средствами их достижения (Merton, 2004).

Более того, интервью показало, что такая стратегия вызывает наиболее предсказуемую реакцию социокультурной среды города, а значит, и обуславливает меньшее количество проблем социального, культурного и коммуникативного характера.

Вторая наиболее «популярная» стратегия адаптивного поведения (5 из 18) – инновационный способ адаптации, который предполагает согласие с общественно одобряемыми целями и в то же время поиск новых средств их достижения. В отличие от исключительно позитивной характеристики инновационного типа поведения, этот тип поведения трактуется более широко и многообразно, включая явно выраженные негативные средства достижения цели. Такие мигранты стремятся не просто следовать формально определенным обязанностям и условиям, но и внедрять в свою и производственную деятельность инновационные методы. «Культурное акцентирование денежного успеха для всех и социальная структура, слишком сильно ограничивающая

практическое использование одобряемых средств большинством, вызывают побуждение к инновационной деятельности, отступающей от институциональных норм» (Merton, 2004, p. 140).

Стратегия отклонения от общепринятых ценностей в принимающем обществе (2 из 18 респондентов) часто обуславливается сильным культурным шоком и неподготовленностью индивида. Такая миграция чаще всего спонтанна и ведет к ряду проблем в межкультурной коммуникации и социальном взаимодействии со средой. В высококвалифицированной миграции такая стратегия встречается редко и не может быть рассмотрена как показательная. Однако все обозначенные способы адаптации высококвалифицированных мигрантов и есть основные пути поиска равновесия между личностью и обществом. Причем важно отметить, что ищет их, прежде всего, не общество, а индивид. Своим положением в обществе озабочен, в первую очередь, он сам.

Высококвалифицированные мигранты стараются приезжать в Россию всей семьей (чаще всего сначала муж, а потом через неделю–месяц и жена с детьми). Они стремятся дать образование своим детям, интегрироваться всей семьей в российское общество. Все возникающие проблемы с переездом семьи они решают самостоятельно (с возможным привлечением друзей и родственников, имеющих связи или прошедших через поиск детских садов, школ, медицинских учреждений), за собственный счет. Как правило, при наличии необходимых финансовых средств вопросы устройства детей в сады и школы решаются положительно (Выхованец, Прохорова и др., 2014, с. 131–132).

Суммируя ответы участников пилотажного исследования по поводу мигрантских связей, можно отметить следующее.

Во-первых, формирование мигрантских сетей среди высококвалифицированных трудовых мигрантов происходит ес-

тественным образом через уже имеющиеся в государстве исхода знакомства (городские, сельские связи) и через семью.

Во-вторых, при переезде в Россию мигрантские связи не увеличиваются, т.е. никто или не стремится, или не имеет времени общаться со сторонним мигрантским кругом, вступать в мигрантские сообщества или диаспору.

В случае необходимости (переезд, жилье, поиск работы, адаптация в России) мигранты обращаются за помощью к родственникам и/или друзьям.

Набор мигрантов на работу в Россию в независимости от их квалификации происходит также чаще всего через друзей, родственников и знакомых.

Высококвалифицированные мигранты больше рассчитывают на себя лично, чем на помощь извне.

Задача современных развитых социальных систем – пойти ему навстречу, облегчить поиск взаимопонимания, найти своеобразный «консенсус», создать благоприятные условия деятельности, которые снизили бы до минимальных пределов возможности социальных отклонений в поведении.

Необходимо отметить, что данный пилотажный анализ является лишь основой для более полного социологического исследования, направленного на выявление качественных показателей социальной адаптации иностранных высококвалифицированных специалистов. Итогом такого исследования будет не только определение социологического подхода к высококвалифицированной миграции, но и анализ экономических последствий от привлечения высококвалифицированных специалистов в Российскую Федерацию.

Историческое сопоставление миграционной политики современного периода и периода Советского Союза. По оценкам Министерства экономического развития Российской Федерации, для осуществления модернизационного рывка в экономике России необходимо ежегодно приглашать около 40–60 тыс. высококвалифицированных зарубеж-

ных научных кадров, в то время как за 2011–2014 гг. разрешение на работу в России по категории высококвалифицированных специалистов получили не более 80 тыс. иностранных граждан (Ивахнюк, 2015, с. 15–16). Объективная реальность такова, что миграционная привлекательность нашей страны по сравнению с другими принимающими государствами не высока и распространяется преимущественно на граждан СНГ и Китая.

Одной из причин либерализации миграционного законодательства в отношении кадров высокой квалификации, о чем было сказано выше, является осознание того, что данный вопрос напрямую связан с инвестиционной привлекательностью Российской Федерации. Так, миграция высококвалифицированных кадров, скажем, в рамках ТНК, зачастую обуславливает приток инвестиций в страну. Кроме того, считается, что приток мигрантов-специалистов поможет существенно снизить число российских кадров, стремящихся уехать за границу. Иностранные инвестиции позволяют создавать современные рабочие места для наших соотечественников. В то же время создание международных научных коллективов в рамках страны привлекает российские научные кадры. Работа с иностранными специалистами по ведению бизнеса нередко ассоциируется с профессиональным ростом для высшего звена российских бизнесменов.

Кроме того, существенную роль играют институты, выступающие потребителями высококвалифицированной рабочей силы. ТНК, являясь такими институтами, представляют собой комплекс норм и правил, отражающих потребности общества, и выдвигают стандартизированные требования к специалистам, которых готовит в том числе и система образования разных стран. Стандартизированный подход к труду (квалификации и набору личных качеств) создает условия для конкуренции среди трудовых мигрантов.

В постиндустриальной экономике только уникальный продукт бывает конкурентоспособен. Это утверждение от-

носится и к трудовому мигранту как продукту социальной системы. Уникальность отдельной личности трудового мигранта с определенным необходимым набором качеств, потребностей, навыков и знаний является продуктом на рынке миграционной высококвалифицированной рабочей силы.

В вопросах перемещения высококвалифицированных специалистов сохраняется большое количество проблем, которые могут не решаться даже при условии реализации самых льготных законов по интеллектуальной миграции.

Приведем пример из недавнего прошлого. В Советском Союзе существовали законы, при которых каждый закончивший высшее или среднее учебное заведение должен был отработать определенный срок в установленном регионе страны на определенной должности. На основании этих законов происходило перемещение специалистов из развитых центров страны, где были сосредоточены учебные заведения, во все без исключения регионы. Таким образом государством решалась проблема целого комплекса экономических и социальных проблем, а отдаленные и некомфортные территории обеспечивались врачами, учителями и специалистами всех отраслей национальной экономики.

То есть по факту проводилась государственная миграционная политика по перемещению высококвалифицированных специалистов (подготовка большинства профессиональных кадров была в Советском Союзе на достаточно высоком качественном уровне), но решалась и задача выравнивания регионов по стабильному жизненному уровню.

В начале 1990-х гг. эти законы были подвергнуты резкой критике как нарушающие права человека в собственном выборе применения профессиональных знаний и свобод в выборе места проживания, поэтому они были отменены. Естественно, с их отменой прекратилась и практика обязательного представления первого рабочего места после получения профессионального образования.

Такие изменения, конечно, повлияли на перемещения как внутри страны, так и на количество выехавших за рубеж молодых специалистов достаточно высокой профессиональной квалификации. Фактически произошел структурный сдвиг государственной миграционной политики в сфере интеллектуального капитала, который самым негативным образом отразился на экономическом и социальном уровне развития большинства субъектов Российской Федерации. Косвенно это стимулировало стремление молодых и перспективных специалистов к поиску работы за рубежом, т.е. увеличило внешнюю миграцию интеллектуального человеческого капитала.

В последние годы в сфере образования наблюдается возвращение к требованиям обязательного трудоустройства выпускников высших учебных заведений. Показатель трудоустройства выпускников уже является одним из рейтинговых в оценке эффективности конкретного вуза. То есть можно с большой долей уверенности говорить о возможности возвращения практики обязательно трудоустройства после завершения учебы и получения документа о присвоении определенной квалификации.

Особенностью этого процесса сегодня является то, что эта функция может оказаться возложенной на учебные заведения, что заставит вузы изучать на постоянной основе потребности регионов страны в высококвалифицированных специалистах. Поэтому именно вузы могут стать активным участником процессов миграции на рынке высококвалифицированных специалистов.

Это только один из примеров нерешенных проблем и вопросов, переходящих из одного государства в фактически другую по своему юридическому и социальному устройству страну, от решения которых нельзя отказываться, ссылаясь на изменения государственного строя.

Заключение. Результаты проведенных исследований показали, что высококвалифицированные мигранты формируют миграционные предпочтения на основе уже имею-

щихся связей в качестве знакомых и родственников. В России помощь в материальном обеспечении и организации среды проживания они получают также от родственников и знакомых, уже проживающих в России. Образование мигрантских связей происходит в течение достаточно длительного периода за неимением свободного времени у высококвалифицированных мигрантов.

Благоприятные условия привлечения высококвалифицированной рабочей силы формируются институтами – потребителями кадров. Стандартизированный подход к труду способствует минимизации расходов по формированию предпочтений направлений интеллектуальной миграции. Также институциональный аспект реализации миграционной политики реализуется образовательными учреждениями в формате обязательного трудоустройства выпускников.

Завершая наше исследование, сделаем основной вывод: эффективное использование высококвалифицированных специалистов возможно при условии комплексного государственного регулирования условий проживания и трудовой деятельности данной категории мигрантов. Исследование показало, что мигрантами реализуются разные стратегии адаптации, а от этого зависит их положительный настрой и работоспособность в различных сферах российской экономики.

Анализ и сопоставление различных моделей миграционных политик зарубежных стран – потребителей высококвалифицированной рабочей силы с миграционной политикой России позволит в перспективе решить следующие основные задачи:

- выделение общих принципов организации эффективной политики по привлечению, закреплению и адаптации данного сегмента трудовых мигрантов;
- выявление ключевых факторов (в том числе проблемных точек), влияющих на интенсивность каналов миграции высококвалифицированных кадров, а также определение направления этого влияния;

– создание механизмов и условий привлечения востребованных российской экономикой высококвалифицированных специалистов разного профиля, инвесторов и предпринимателей на долгосрочной основе;

– разработка специальных программ для привлечения высококвалифицированных специалистов (с льготами при получении вида на жительство, с возможностями заключения долгосрочных контрактов, с преференциями для получения документов для членов семьи такого квалифицированного специалиста и т.д.).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Выхованец О.Д., Прохорова А.В., Савинкова Ю.К., Старчак М.В., Яценко Е.Б.* Трансформация идентичности трудовых мигрантов как одна из составляющих становления гражданского общества в России. – М.: Фонд «Наследие Евразии», 2014.

2. *Ивахнюк И.В.* Лекция 5. Высококвалифицированные мигранты на российском рынке труда // Миграция в России: экономические аспекты: учебно-метод. материалы № 2 / Российский совет по международным делам (РСМД). – М.: Спецкнига, 2015.

3. *Флоринская Ю.Ф., Мкртчян Н.В., Малева Т.М., Кириллова М.К.* Миграция и рынок труда / Ин-т социального анализа и прогнозирования. – М.: Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2015.

4. *Aref'ev A.L., Sheregi F.E.* Migration structure of Russian intellectuals within the academic and industry environment // *Mediterranean Journal of Social Sciences*. – 2015. – Vol. 6. – № 4. – P. 39–48.

5. *Chudnovskaya M., Kolk M.* Educational Expansion and Inter-generational Proximity in Sweden Population // *Space and Place*. – 2017. – № 23. – P. 1–14.

6. *Lu M., Hamamura T., Chan Y. P.* International migration and social pain responses // *Personality and Individual Differences*. – 2017. – № 109. – P. 137–141.

7. *Merton R.K.* *Social Theory and Social Structure*. – N.Y., 1957.

8. *Merton R.K.* *The Travels and Adventures of Serendipity: A Study in Sociological Semantics and the Sociology of Science*. – Princeton: Princeton University Press, 2004.

9. *Miao W.* Gender and the representation of Chinese Intellectual migration to the United States in China's reform and opening-up Era // *Journal of Chinese Overseas*. – May 2015.

10. *Morris L.* Managing migration: civic stratification and migrants' rights – London, 2004.

11. *Sadowski-Smith C., Yu W., Wang H., Li W.* Intellectual migration and brain circulation: Conceptual framework and empirical evidence // *Journal of Chinese Overseas*. – 2015. – № 16. – P. 43–58.

12. *Shakirova J.A., Smolnikova E.V.* The migration of Russian universities graduates: Trends and reasons // *Journal of Economics and Economic Education Research*. – 2015. – № 17. – P. 87–92.

13. *Walmsley T., Aguiar A., Ahmed S.A.* Labour Migration and Economic Growth in East and South-East Asia // *World Economy*. – 2017. – № 40 ((1)). – P. 116–139.

14. URL: <https://xn-b1aew.xn-p1ai/Deljatelnost/statistics/migracionnaya/item/9266550>

REFERENCES

1. *Aref'ev A.L., Sheregi F.E.* Migration structure of Russian intellectuals within the academic and industry environment // *Mediterranean Journal of Social Sciences*. – 2015. – Vol. 6. – № 4. – P. 39–48.

2. *Chudnovskaya M., Kolk M.* Educational Expansion and Inter-generational Proximity in Sweden Population // *Space and Place*. – 2017. – № 23. – P. 1–14.

3. *Ivakhnyuk I.V.* Lecture 5. Highly-skilled migrants on the Russian labor market // *Migration in Russia: economic aspects: teaching materials* № 2. Russian international Affairs Council (RIAC). – M.: Spetzkniga, 2015.

4. *Florinskaya Y.F., Mkrtchyan N.In. Maleva T.M., Kirillova M.K.* Migration and the labour market / The Institute of social analysis and forecasting. – M.: Publishing house «Delo» RANE&PA, 2015.

5. *Lu M., Hamamura T., Chan Y.P.* International migration and social pain responses // *Personality and Individual Differences*. – 2017. – № 109. – P. 137–141.

6. *Merton R.K.* *Social Theory and Social Structure*. – N.Y., 1957.

7. *Merton R.K.* *The Travels and Adventures of Serendipity: A Study in Sociological Semantics and the Sociology of Science*. – Princeton: Princeton University Press, 2004.

8. *Miao W.* Gender and the representation of Chinese Intellectual migration to the United States in China's reform and opening-up Era // *Journal of Chinese Overseas*. – May 2015.

9. *Morris L.* Managing migration: civic stratification and migrants' rights. – London, 2004.

10. *Sadowski-Smith C., Yu W., Wang H., Li W.* Intellectual migration and brain circulation: Conceptual framework and empirical evidence // *Journal of Chinese Overseas*. – 2015. – № 16. – P. 43–58.

11. *Shakirova J.A., Smolnikova E.V.* The migration of Russian universities graduates: Trends and reasons // *Journal of Economics and Economic Education Research*. – 2016. – № 17. – P. 87–92.

12. *Vykhovanets O.D., Prokhorov A.V., Savinkov Y.K.Y., Starchak M.V., Yatsenko E.B.* The transformation of the identity of labor migrants as one of the components of civil companies in Russia. – М.: The Fund «Eurasia Heritage», 2014.

13. *Walmsley T., Aguiar A., Ahmed S.A.* Labour Migration and Economic Growth in East and South-East Asia // *World Economy*. – 2017. – № 40 (1). – P. 116–139.

14. URL: <https://xn-b1aew.xn-plai/Deljatelnost/statistics/migracionnaya/item/9266550>

ОТНОШЕНИЕ РОССИЙСКИХ ГРАЖДАН К МИГРАЦИОННОЙ СИТУАЦИИ В СТРАНЕ: СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

В.Ю. Леденева

*Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ
(Москва, Россия)*

Статья посвящена актуальной проблеме взаимоотношений мигрантов и принимающего сообщества. Поставлена задача проанализировать существующие исследования в данной проблемной области. Характер взаимоотношений с мигрантами часто определяется уровнем жизни местного населения и совпадением социаль-

ных ожиданий принимающего сообщества от пребывания мигрантов. Автор анализирует положительные и отрицательные последствия. Обращается внимание на тот факт, что местные жители, проживающие в условиях компактного расселения мигрантов, склонны обращать внимание на этническую принадлежность мигрантов. Так, они считают, что поддержки заслуживают преимущественно славяне и русскоязычные мигранты. Усиление процессов миграции требует изучения широкого спектра отношения к мигрантам со стороны принимающего местного населения.

В статье также рассматриваются проблемы мигрантофобии в российском обществе, анализируются особенности адаптации и поведенческие стратегии мигрантов, рост конфликтности общества по отношению к мигрантам. Особое внимание уделено отношению россиян к проводимой государством миграционной политике. Эмпирической базой являются данные исследования различных научных центров, занимающихся проблемами миграции. Анализ данных позволил выявить основные тенденции в поведенческих стратегиях российских граждан по отношению к мигрантам.

Ключевые слова: миграционная политика, адаптация мигрантов, эмиграция, социологические исследования, отношение россиян к мигрантам.

RUSSIAN CITIZENS ATTITUDE TOWARDS MIGRATION SITUATION IN THE COUNTRY: SOCIOLOGICAL SURVEY

V. Yu. Ledeneva

*The Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration (RANEPA)
(Moscow, Russia)*

The article is devoted to the urgent problem of interrelations between migrants and the host community. The task in hand is to analyze

the current research in this subject area. The nature of relationships with migrants is often determined by the local population standard of living and the match of the host community social expectations with the migrants stay. The author analyzes both positive and negative consequences thereof. Attention is given to the fact that local residents living in conditions of migrants compact accommodation tend to pay attention to the ethnicity of the latter. E.g., they believe that the support should primarily be rendered to the Slavs and Russian-speaking migrants. The increasing migration process requires studying a wide range of attitudes towards migrants on the part of the host local population.

The article also considers the problems of migrantophobia in the Russian society, analyzes the features of adaptation and migrants behavioural strategies, and the potential for conflict of the society vs. the migrants. Special priority is given to the attitude of Russians to the state migration policy pursued by the government. The empirical base is the research data by various scientific centres dealing with migration problems. The data analysis made it possible to identify the main trends in the Russian citizens behavioural strategies towards migrants.

Key words: *migration policy, adaptation of migrants, emigration, sociological research, attitude of Russians towards migrants.*

Введение. Исследования взаимоотношений между принимающим сообществом и иммигрантами особенно актуальны в условиях увеличения миграционных потоков в современном мире. Такие исследования позволяют не только проследить изменения в восприятии населения к мигрантам, факторы и причины этих изменений, но и тенденции социальной напряженности в обществе.

Вопросы взаимоотношений трудовых мигрантов и принимающего населения возникают в общественном сознании в любой интенсивно развивающейся стране мира. Россия в этом плане – не исключение. Особенно актуальны данные проблемы в миграционно привлекательных регионах, где

происходит активное развитие социальной инфраструктуры и экономической ситуации. Мигранты едут в благополучные регионы, где можно найти работу, есть возможность финансовой обеспеченности. И, наоборот, миграционная привлекательность того или иного региона – это особый показатель развития региона.

Регионы в России развиваются неравномерно, поэтому, анализируя результаты социологических исследований, необходимо учитывать этот факт. В каких-то регионах ситуация с мигрантами выражается в социальной напряженности, недовольстве граждан, резкими высказываниям в адрес как самих мигрантов, так и в адрес органов власти разного уровня, занимающихся проблемами мигрантов. Причинами такого отношения является, в первую очередь, интенсивный прирост населения с чуждой для местного населения культурой. Местное население раздражает нестандартное поведение, образ жизни, одежда, манеры общения, непонятный язык, на котором разговаривают мигранты. Все это порождает ряд проблем, невнимание к которым чревато рисками межнациональных конфликтов и угрозе национальной безопасности в целом.

Обзор литературы. В теорию миграции значительный вклад внес американский социолог С. Стоффер. По Стофферу, «количество людей, перемещающихся на определенное расстояние, прямо пропорционально открывающемуся количеству перспектив и обратно пропорционально количеству вмещающихся обстоятельств» (Stouffer, 1940).

Американец Дж.К. Зипф, опираясь на законы Равенштайна, в 1949 г. в книге «Человеческое поведение и принцип наименьших усилий» предложил гравитационную модель миграции. Модель Зипфа применяется многими современными исследователями при анализе миграций. Так, по теории Зипфа, интенсивность миграционного потока между двумя объектами зависит от расстояния между ними и их значимости (Zipf, 1949).

В рамках современной социологии формируется конфликтологическое направление изучения миграции. Оно активно использует данные психологии, экономической теории, демографии, культурологии, теории управления, политологии, синергетики. А.В. Дмитриев рассматривает общество не как постоянно гладко функционирующую систему, а как систему, «занимающую особое место в пределах неизбежных притязаний групп, сопровождающихся перемириями и столкновениями» (Дмитриев, 2006, с. 10). Развитие не может проходить без конфликтов, по крайней мере, без их учета, использования, нейтрализации. Конфликты могут обращаться и во благо.

Методы и подходы. Всероссийский центр изучения общественного мнения в декабре 2016 г. провел опрос с целью выяснения, что думают россияне о проводимой государством миграционной политике и какие направления деятельности в этой сфере считают приоритетными. Всего было опрошено 1600 респондентов по всей стране.

Инициативный всероссийский опрос ВЦИОМ был проведен 17–24 ноября 2016 г. в 130 населенных пунктах в 46 областях, краях и республиках и 8 ФО России. Объем выборки – 1600 человек. Для данной выборки максимальный размер ошибки (с учетом эффекта дизайна) с вероятностью 95% не превышает 3,5% (wciom.ru).

Исследование содержит комплексный набор социальных показателей, которые охватывают разнообразные аспекты общественной жизни, в том числе отношение к иммигрантам.

Отношение российских граждан к миграционной ситуации в целом складывается как минимум из трех параметров:

- 1) оценки количества мигрантов и их положения на рынке труда;
- 2) сравнительных конкурентных преимуществ мигрантов и местных работников и, одновременно, недостатков мигрантов;

3) проблемы адаптации и интеграции мигрантов в российском обществе.

Результаты исследования. По результатам исследования более 60% россиян считают, что мигрантов в России много. Если сравнивать данные по федеральным округам, то, по мнению россиян, больше всего мигрантов прибывает в Дальневосточный федеральный округ (так считают 86% респондентов), меньше всего мигрантов в Южном федеральном округе (44% респондентов).

Большинство россиян все-таки соглашаются с тем, что мигранты – это выгодная и дешевая рабочая сила, и работодателям выгоднее брать мигрантов на работу (так заявляют более 80% респондентов). Положительными факторами миграции россияне также считают восполнение населения за счет мигрантов – это дешевая рабочая сила, они работают там, где не хотят работать местные жители, создают новые рабочие места, на них держится торговля и жилищно-коммунальная сфера.

Важно выяснить, в каких сферах городской инфраструктуры москвичи считают присутствие мигрантов допустимым. Половина опрошенных одобряют работу мигрантов в самой распространенной сфере применения мигрантского труда – рынки, торговля, бытовое обслуживание. В несколько меньшей степени одобряется работа мигрантов в сфере общественного питания. Во всяком случае, здесь доля не одобряющих уже превышает долю одобряющих. Хотя в реальности эта сфера экономики достаточно насыщена мигрантами. Так же, вопреки распространенным стереотипам, работу мигрантов в строительной и промышленной сферах одобряют меньше половины респондентов, а больше трети занятость мигрантов в этих сферах не одобряют. Это может быть связано как с конкуренцией за рабочие места, так и опасениями за качество, например, строительных работ.

Среди негативных факторов россияне называют большое количество нелегальных мигрантов. Мигрантам зани-

жают зарплату, и это отражается на заработной плате россиян. Кроме того, россияне считают, что мигранты усиливают межнациональные конфликты, являются источниками болезней, из-за них перегружена социальная сфера (например, общественный транспорт).

Особого внимания заслуживает мнение россиян о влиянии миграции на демографическую ситуацию в России. В условиях сокращения рождаемости и увеличения смертности приток мигрантов из-за рубежа может стабилизировать численность населения. Во-первых, с помощью миграционной политики в развитых странах можно приостановить депопуляционные процессы; во-вторых, с помощью миграции практически невозможно замедлить старение населения. Однако 63% россиян считают, что значительные миграционные потоки рано или поздно приведут к сокращению численности российского населения. И лишь незначительное количество респондентов считает, что с помощью мигрантов можно решить демографическую проблему.

В целом можно утверждать, что миграция воспринимается обществом, скорее, как временный приезд иностранной рабочей силы, позволяющий восполнять дефицит рабочих рук на низкооплачиваемых профессиях.

Гуманитарная составляющая миграционного процесса респондентами практически не рассматривается. Не уделяется должного внимания и проблемам адаптации и интеграции мигрантов.

Отношение россиян к мигрантам как к части российского сообщества является очень важной составляющей интегральной оценки миграционной ситуации, поскольку влияет на состояние социального в стране. Россияне стали терпимее относиться к мигрантам. Если еще 7 лет назад, по опросам Российской академии государственной службы при Президенте РФ, 66% россиян не хотели бы жить рядом с семьей мигранта из Средней или Юго-Восточной Азии, то сегодня 61% россиян, в

целом, не против, чтобы их дети учились в школе вместе с детьми мигрантов и дружили с ними.

Отношение к мигрантам определяется и интересом россиян к культуре прибывающих в Россию иностранных граждан. Большинству россиян не интересно узнавать о культуре, обычаях и традициях народов тех стран, из которых приезжают иностранные мигранты (57%). И лишь 30% россиян хотели бы поближе узнать культуру тех стран, из которых прибывают мигранты. Мы можем сделать вывод, что россияне не воспринимают мигрантов как часть социума, долю своего общества, своей повседневной жизни.

Отношение к мигрантам зависит от их национальности и страны, откуда они прибывают в Россию. Так, например, отношение к иностранным гражданам из Украины и Белоруссии более терпимое, их воспринимают как братьев и близких по культуре народов, проживающих когда-то в одной стране. Самый низкий показатель доброжелательности россиян к мигрантам из Средней Азии, хотя именно их на территории России находится наибольшее количество, и они также когда-то проживали в одной стране с россиянами.

Таким образом, выявляются два основных критерия, по которым формируется благоприятное и, как минимум, толерантное отношение к инокультурным мигрантам:

1) религиозные основы повседневной культуры, достаточно близкие к основам большинства принимающего населения;

2) уровень модернизированности навыков повседневной жизни: чем более архаично исходное воспитание мигрантов, тем в меньшей степени они приветствуются в принимающей среде.

Проблемы адаптации и интеграции мигрантов вызывают неоднозначные чувства у россиян. Почти половина россиян считает, что мигранты и так прекрасно адаптируются и никакие государственные программы в этом направлении

не нужны. Почти столько же россиян считает, что мигранты не адаптируются, игнорируют местные традиции, ведут себя нагло, поэтому необходимо усилить контроль за их поведением.

Что касается вопроса о выделении для мигрантов отдельных территорий, мнение респондентов разделилось. С одной стороны, проживание мигрантов на отдельной территории может привести к их анклавизации и созданию «мигрантских кварталов», об этом указывают 48% россиян, с другой – проживание мигрантов среди местного населения будет способствовать их скорейшей адаптации и интеграции (41%). При этом россияне соглашались с тем, что мигранты создают в обществе «параллельные миры». Они живут своей, невидимой для россиян жизнью.

Как показывают опросы других исследовательских центров, мигранты плохо адаптируются к местному населению, предпочитают обособленный образ жизни, создают свои миры, где существуют собственные спортивные клубы, кафе, закусочные, агентства недвижимости, билетные кассы, поликлиники, организации микрокредитования, ночные клубы, группы в соцсетях и др.

Что касается участия государства в миграционных процессах, то абсолютное большинство россиян считают, что государство должно ограничивать въезд мигрантов, несмотря на все положительные факторы, которые были указаны выше. Запрет на въезд в Россию тех мигрантов, которые нарушили миграционное законодательство, признан респондентами самой эффективной мерой государственной миграционной политики (75% положительных оценок), и лишь 5% признали ее совсем не эффективной. На вопрос: «Должно ли государство ограничивать въезд мигрантов?» – 78% россиян ответили положительно.

Кроме того, максимальной поддержкой россиян пользуются такие проводимые государством меры миграционной политики, как переселение в Россию русскоязычных

граждан из стран бывшего СССР (78%) и привлечение квалифицированных работников из других стран (75%). Привлечение неквалифицированных работников поддерживают только 9%, а не поддерживают 85%. По поводу противодействия нелегальной миграции мнения разделились: 48% поддерживающих и 47% не поддерживающих. Во время опроса его участников спросили, нужно ли упрощать получение гражданства для тех, кто владеет русским языком. За упрощение процедуры для носителей русского языка высказались только 19%. Русский язык как основное средство коммуникации является одним из ключевых факторов идентификации с российской нацией. Именно знание русского языка, способность изъясняться на нем имеют важное значение в процессе сокращения социальной дистанции, являются признаком для разделения на «своих» и «чужих». Однако знание языка не рассматривается большинством россиян как значимое преимущество, дающее потенциальным мигрантам приоритет при получении российского гражданства.

Предложение о проведении амнистии мигрантов из стран СНГ, длительное время находящимся в России с нарушением законодательства, также воспринимается критично: против высказываются 59%, за – 36%.

Нельзя не отметить важную, на наш взгляд, тенденцию о выездных намерениях россиян. Эмиграционные настроения россиян являются своеобразным индикатором отношения граждан к своей стране. Результаты социологического мониторинга, проведенного Центром социально-политического мониторинга ИОН РАНХиГС в 2015 г., фиксируют уменьшение доли желающих покинуть свою страну, что свидетельствует о высоких гражданских и патриотических качествах россиян (wciom.ru). Опрос 2015 г. зафиксировал, что 76,1% граждан предпочитают жить в России, это на 8,4 процентных пункта выше значений опроса двухлетней давности. В целом доля желающих и планирующих покинуть страну временно или навсегда составляет 13,9% от

общего количества опрошенных респондентов. В опросе 2013 г. этот показатель составил 21,8%. Результаты опроса показывают, что эмиграционные настроения населения связаны со следующими проблемами: низкий уровень оплаты труда (60,6%), низкий уровень жизни (64,3%), неопределенность будущего (35,3%), отсутствие социальной защищенности (34,2%), отсутствие работы (28,4%), трудность в реализации творческих и профессиональных планов (27,1%), ограничение прав и свобод (23,6%), высокий уровень преступности (14,2%), экологическая ситуация в стране (13,8%), межнациональные противоречия (10,7%), невозможность получить качественное образование (10,2%). Несмотря на сокращение доли людей, желающих уехать из России в другую страну, общие основания, обуславливающие отъезд граждан, сохраняются. Как и прежде, основной причиной эмиграции из России выступает социально-экономическая неустроенность большинства населения.

По итогам опроса «Левада-центра», проведенного среди россиян в августе 2016 г. по вопросам интолерантности и ксенофобии, только 18% опрошенных заявляют о межнациональной напряженности в районе своего проживания. Более того, сам сценарий развития конфликтов на межнациональной почве в ближайшем будущем кажется возможным только десятой части населения (12%). Вместе с тем большая часть опрошенных (70%) считает, что необходимо ограничить приток приезжих.

Также проводилась серия опросов с целью понимания динамики антимигрантских установок населения. В целом по выборке 29% участников опроса выражают ту или иную степень согласия («полностью согласен» и «скорее согласен») со всем набором негативных установок по отношению к иммигрантам: об этнической преступности, отъеме рабочих мест у «коренного» населения, деструктивном влиянии на культуру принимающей страны. Напротив, согласие с положительными высказываниями о мигрантах (благотвор-

ное влияние на экономику и культуру) демонстрируют только 5% опрошенных (ganepa.ru).

Выводы. Подводя итоги обзору социологических опросов разных исследовательских центров, можно сделать вывод о том, что в обществе продолжает сохраняться отрицательное отношение к мигрантам. Этому способствует и нестабильная экономическая ситуация. В условиях санкций и экономического кризиса либерализация миграционного законодательства не вызывает у граждан положительных эмоций. На отношение к вопросам регулирования миграционных процессов оказывают влияние и серьезные проблемы, с которыми столкнулись европейские страны в результате неконтролируемого притока мигрантов. Считается, что проведение миграционной амнистии для незаконно находящихся на территории Российской Федерации – это меры, которые могут усилить конкуренцию на рынке труда, а также потребуют выделения дополнительных расходов. Однако проблема теневой занятости мигрантов – одна из ключевых задач в области управления миграционными процессами, требующих решения.

Кроме того, россияне соглашались с тем, что при выборе наилучшего варианта управления миграционными процессами наиболее важным является проблема интеграции мигрантов в российское общество, что для начала представляет собой обустройство мигрантов в принимающем обществе. Обустройство временных и постоянных мигрантов, приезжающих в Россию, становится одной из главнейших задач миграционной политики государства, ведь от того, насколько результативно мигранты адаптируются на территории нашей страны, зависит сохранение политической и социальной стабильности в России, предотвращение преступности и правонарушений, поддержание в регионах межэтнического баланса.

Исследование по миграционной политике свидетельствует о том, что граждане России имеют собственное мнение о миграции, мигрантах и миграционной политике, проводимой в стране.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Дмитриев А.В.* Конфликтное измерение. – 2-е изд. – М.: Альфа-М, 2006.
2. *Лебедева Н.М., Татарко А.Н.* Социально-психологические факторы этнической толерантности и интолерантности (по материалам Южного федерального округа) // Толерантность в межкультурном диалоге / отв. ред. Н.М. Лебедева, А.Н. Татарко. – М.: ИЭА РАН, 2005. – С. 160–196.
3. *Stephan W.G., Stephan C.W.* An integrated Threat Theory of Prejudice // Reducing prejudice and discrimination / ed. by S. Oscamp. – N. J.: Lawrence Erlbaum associates, Mahwah, 2000. – P. 23–44.
4. *Stouffer S.* Intervening Opportunities: A Theory Relating Mobility and Distance // American Sociological Review. – 1940. – № 5. – P. 845.
5. *Zipf G.* Human Behavior and the Principle of Least Effort. – Cambridge: Addison-Wesley Press, 1949. – 573 p.
6. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116121>
7. URL: <http://www.ranepa.ru/images/News/2015-10/emigr-nastroenia.pdf>
8. URL: <http://www.levada.ru>

REFERENCES

1. *Dmitriev A.V.* A Conflict dimension. – 2nd ed. – M.: Alpha-M, 2006.
2. *Lebedeva N.M., Tatarko A.N.* Sotsial'no-psikhologicheskiye faktory etnicheskoy tolerantnosti i intolerantnosti (po materialam Yuzhnogo federal'nogo okruga) // Tolerantnost' v mezhkul'turnom dialoge / отв. ред. N.M. Lebedeva, A.N. Tatarko. – М.: IEA РАН, 2005. – С. 160–196.
3. *Stephan W.G., Stephan C.W.* An integrated Threat Theory of Prejudice // Reducing prejudice and discrimination / ed. by S. Oscamp. – N. J.: Lawrence Erlbaum associates, Mahwah, 2000. – P. 23–44.
4. *Stouffer S.* Intervening Opportunities: A Theory Relating Mobility and Distance // American Sociological Review. – 1940. – № 5. – P. 845.

5. Zipf G. Human Behavior and the Principle of Least Effort. – Cambridge: Addison-Wesley Press, 1949. – 573 p.
6. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116121>
7. URL: <http://www.ranepa.ru/images/News/2015-10/emigr-nastroenia.pdf>
8. URL: <http://www.levada.ru>

СОВРЕМЕННАЯ МИГРАЦИЯ В ЕС. ОСОБЕННОСТИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ МИГРАЦИИ И МОБИЛЬНОСТИ

Е.В. Пономаренко

*Российский университет дружбы народов,
Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС)
(Москва, Россия)*

Статья посвящена теоретическим и практическим особенностям современной миграции в ЕС, выявлению ее позитивных и негативных последствий (от вклада в демографический и экономический рост до проникновения терроризма). Особое внимание уделено изменению форм интеллектуальной миграции, способам привлечения специалистов, трендам возрастания студенческой и академической мобильности преподавателей и научных исследователей, а также попыткам их регулирования во Франции и России.

***Ключевые слова:** миграция, методология миграции, интеллектуальная миграция, международная мобильность студентов, академическая мобильность, управление интеллектуальной миграцией.*

MODERN EU MIGRATION. INTELLECTUAL MIGRATION AND MOBILITY SPECIAL FEATURES

E.V. Ponomarenko

*Peoples' Friendship University of Russia,
Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration (RANEPA)
(Moscow, Russia)*

The article is devoted to theoretical and practical peculiarities of modern migration in the EU, identifying its positive and negative impacts (ranging from contribution to the demographic and economic growth to terrorism penetration). Special priority is given to the changing forms of intellectual migration, ways of attracting specialists, trends of increasing student and academic mobility of teachers and researchers, as well as attempts to regulate them in France and in Russia.

Key words: *migration, migration methodology, intellectual migration, international mobility of students, academic mobility, managing intellectual migration.*

Введение. Актуальность изучения миграционных проблем в современном мире как никогда высока – вызовы, с которыми сталкиваются, в первую очередь, европейские страны, да и Россия, приобретают все более острый и противоречивый характер. Известно, что миграционные потоки в мире с начала 2000-х гг. существенно возросли: если в XIX в. массовая миграция была вызвана преимущественно экономическими причинами, поиском лучшей жизни, в XX в. на нее наложились перманентные политические катаклизмы – революции и мировые войны, то в XXI в. на фоне резкого усиления локальных военных конфликтов и репрессивных диктаторских режимов в Африке, на Ближнем Востоке на эт-

нической и религиозной почве, на волне «цветных революций» именно в страны Европы, символ достатка и процветания народов, двинулись огромные потоки мигрантов из Африки (Сомали, Эритрея, Судан), стран Магриба (Марокко, Тунис) и Ближнего Востока (Сирия, Ирак, Афганистан).

Европейский союз представляет собой территорию наиболее эффективной защиты мигрантов в мире, так как его страны располагают системой предоставления убежища, основанной на международных нормах права, но зачастую даже эти страны не в состоянии разместить все потоки людей, которые оставляют свою землю в поисках защиты. Страны все больше стараются выбрать в миграционном потоке лучших, давая приоритеты наиболее перспективным.

Обзор литературы и методы исследования. Миграция, при всем разнообразии ее форм, рассматривается нами как долговременный процесс интеграции мигрантов в принимающее сообщество. В данной статье использованы последние доклады международных организаций (Института статистики ЮНЕСКО, Национального музея исследования мигрантов и миграции (Франция, 2017), Агентства «Кампюс Франс» (2016), университетские исследования – Оксфордского (Employability in Higher Education, 2016), Московского (Россия в Европейском пространстве высшего образования, 2015), Санкт-Петербургского (2016) университетов), работы зарубежных (К. Витол де Ванден, Э. Оран, М. Пуансо, Хант) и отечественных (В. Мукомель, В.С. Малахов, О.Н. Чудиновских, С.В. Рязанцев, В.Ю. Леденева и др.) авторов.

Столь сложное явление, как миграция, требует современной методологии исследования: использования теоретических подходов, сравнительного количественного и качественного анализа баз данных, междисциплинарного и мультидисциплинарного подходов. Участие в европейских программах, межуниверситетское научное сотрудничество на международном уровне позволяют применять как современные теоретические модели, так и сравнительный коли-

качественный и качественный межстрановой анализ. Создание международного пространства для исследований обеспечивает основу для сравнительного подхода и получения значимых результатов. Междисциплинарный и мультидисциплинарный подходы – использование методов различных дисциплин (социологии, демографии, права, политических наук, экономики, цифровых технологий) в изучении миграционных процессов являются результативнее в условиях цифровой революции. Мультидисциплинарный подход проявляется, в том числе, в комбинации различных источников, которые используются в разных научных исследованиях (научные библиографические источники, статистика, географические карты и т.п.).

Как известно, в теории с 60-х гг. XX в. доминировали неоклассические модели экономического роста, которые всячески поддерживали мобильность рабочей силы и капитала как инструментов структурной трансформации экономики и достижения равновесия на рынке труда, не вникая и абстрагируясь от негативных последствий масштабных миграционных процессов как для страны выхода мигрантов, так и для принимающей страны. В 1970–1980-е гг. стал доминировать акцент на теориях эндогенного роста, в которых подчеркивалось негативное влияние эксплуатации развитыми странами человеческого капитала развивающихся стран. Национальные модели эндогенного роста рассматривали миграцию как сдерживающий фактор для страны происхождения мигрантов, позже появился термин «утечка мозгов», особенно по отношению к молодым специалистам. С 1990-х гг. и до настоящего времени исследование интеллектуальной миграции остается одной из наиболее актуальных тем миграции в целом.

Новые явления в современной миграции – негативные и позитивные. В настоящее время в мире, по оценкам международных организаций, насчитывается от 220 до 250 млн международных мигрантов, половина из них – женщины, это более 3% мирового населения, которое насчитывает 7,5 млрд

чел. в 2017 г. Однако если говорить о ЕС, то общее число международных мигрантов сопоставимо с половиной (49%) населения Европейского Союза (510 млн чел. с учетом Великобритании).

Миграционные потоки выросли на 40% в сравнении с предыдущим десятилетием. Они географически ориентированы, в основном, как и прежде, с юга на север, из менее развитых стран в более развитые (Brandenburg, Berghoff et al., 2014). Особую привлекательность для мигрантов всего мира с 2015 г. имеет Европа. ЕС захлестнул беспрецедентный поток беженцев, более миллиона человек из стран, охваченных войнами и конфликтами (Сирии, Ирака, Ливии, Эритрии, Сомали, Судана, Афганистана), официально обратились в поисках убежища.

Для миграционных потоков в Европу наиболее привлекательными являются Франция, Германия, Испания, некоторые северные страны Европы. Во Францию направляются 84% миграционных потоков из Алжира, 68% – из Туниса, 31% – из Марокко, 29% едут в Испанию. 64% мигрантов из Турции направляются в Германию. Франция является первой в ЕС страной по приему мигрантов (Brandenburg, Berghoff et al., 2014).

Европейские страны основными принципами миграционной политики провозгласили этническое многообразие и толерантность, но разделились во мнении относительно способов разрешения проблем, связанных с миграционными процессами. Ряд стран выступают за активный прием мигрантов, другие настроены скептически, и таких стран большинство. Государства Европейского Союза уже начали вводить существенные ограничения на прием беженцев, ужесточать законодательство, а Бельгия и Швейцария сильно зависят в данном вопросе от своих регионов и регионального законодательства.

Очевидно, что миграция во всех ее проявлениях имеет как позитивные, так и негативные последствия, обусловленные новыми явлениями.

Новыми трендами в современной миграции стал существенный рост числа женщин среди мигрантов, миграция семей, появление «экологических беженцев», количественное и качественное изменение структуры мигрантов. Появились национальные и международные посредники, масштабное развитие с миллиардными денежными оборотами получила «индустрия помощи беженцам».

Миграция вносила и вносит существенный вклад в позитивное сальдо демографического баланса в европейских странах. Согласно последним данным Евростата и демографическим прогнозам ООН, в 2050 г. без какого-то вклада миграции население Польши может сократиться на 5,5 млн чел., Румынии и Венгрии – на 4,3 и 1,5 млн чел., соответственно. Во Франции, напротив, население вырастет на 6,5 млн, в Великобритании – на 10,5 млн. В целом без притока миграции в Европе общая численность населения сократится на 100 млн человек (Институт статистики ЮНЕСКО).

Места мигрантов-рабочих все чаще занимают семьи мигрантов неквалифицированной рабочей силы без знаний языка страны приема, особого желания в ней работать, но стимулированные получать социальные пособия, позволяющие поддерживать уровень жизни. С другой стороны, из числа позитивных трендов отметим, что места мигрантов-рабочих все больше занимают экспаты – высококвалифицированные специалисты. В числе последних – не только предприниматели, но и ученые, художники, дизайнеры, спортсмены. Новым явлением становится масштабная студенческая и преподавательская мобильность, превысившая в 2015 г. 4 млн 300 тыс. человек (Les chiffres clés, 2016).

Трудовая миграция и «утечка мозгов» для страны исхода имеют и другую, более позитивную, сторону – речь идет о серьезных финансовых потоках в сотни миллиардов долларов переводов в валюте, иногда превышающих поток прямых иностранных инвестиций в страну происхождения мигрантов. Например, в некоторых странах денежные пере-

воды составляют, по экспертным оценкам (данные кандидатских исследований в РУДН в 2015–2017 гг.), от 30 до 50% ВВП (речь идет о переводах денег из России в Таджикистан, Киргизию и другие страны).

Позитивное влияние на экономику любой страны оказывает поддержка миграции квалифицированной (КС) и высококвалифицированной (ВКС) рабочей силы. Она способствует привлечению талантливой молодежи для обучения в национальных вузах с их последующим вхождением в национальный рынок труда; росту трудовых ресурсов, численности студентов, сохранению и повышению статуса и квалификации профессорско-преподавательского состава вузов. Для этого, например, в европейских странах вводится система академических стипендий, дополненная активной программой продвижения системы высшего образования страны за рубежом в сочетании с принятием соответствующего визового и иммиграционного законодательства. Введение стипендий для исламских студентов позволила Саудовской Аравии на 260% повысить число иностранных студентов в стране и подняться с 27 на 11 место в мире по их приему к 2015 г. (Les chiffres clés, 2016). Реализация таких программ осуществляется через специальные агентства и организации.

К современным негативным последствиям расширяющихся потоков миграции отнесем колоссальный рост затрат принимающих стран, преимущественно европейских, на адаптацию потоков мигрантов из африканских, арабских и других стран, что приводит к наращиванию государственных долгов европейскими странами, усилению напряженности внутри страны приема и между странами. Особое место в числе негативных последствий занимает усиление «исламского феномена», расширение базы террористического подполья.

Численность мусульманского населения в мире к 2050 г. вырастет, по прогнозам, более чем на 70% – до 2,76 млрд

чел. Тренд к росту мусульманского населения в среднем на 1,4% в год нельзя рассматривать изолированно от процесса глобализации и культурной интеграции мигрантов, исповедующих ислам, в развитых странах с преобладанием христианского населения.

Отметим, что по данным (Global Terrorism Database, 2016), с 1970 по 2015 г. в европейских странах было совершено 20 975 терактов, однако только менее 2% имели исламистский характер. После атаки смертника в центре Эль-Кувейта (когда погибли 26 чел.) государство законодательно ввело полный сбор биометрической информации с 1,3 млн граждан страны и с 2,9 млн иностранцев, проживающих в Кувейте. Уклонение от предоставления биометрического материала наказывается в Кувейте штрафом и годом тюрьмы, а предоставление фальшивого биоматериала – 7 годами тюремного заключения. В Европе инициатива о сборе, хранении и обработке биометрической информации лиц, не подвергшихся уголовному преследованию и наказанию, была приостановлена решением Европейского суда по правам человека.

Однако ни миграционная политика «открытых дверей» (Германия, Швеция), ни стратегия «закрытых дверей» (Япония, Норвегия) сами по себе не стали гарантами отсутствия террористических угроз. В 2016 г. за жесткие меры в отношении мигрантов из стран, исповедующих ислам, высказались 67% россиян, 71% жителей Польши, 53% – Германии, 51% – Италии, 47% – Великобритании (Гулина, 2017).

К тому же миграция являет собой и огромный рынок – индустрия «помощи беженцам» имеет годовой оборот, превышающий 25 млрд дол. (Autheman, 2017). Сложным, затратным и долговременным путем решения проблем является выстраивание более тесного взаимодействия между местным и пришлым населением путем интеграционных, лингвистических, культурно-просветительских программ адаптации.

Миграция и мобильность. Интеллектуальная миграция – новые черты. В XXI в. конкуренция между странами идет не за исходное сырье, природные ресурсы и не за трудовых мигрантов как таковых, а за мигрантов с интеллектом, в первую очередь, за сложившихся исследователей, научные кадры, преподавателей, деятелей искусств, высококвалифицированных специалистов в перспективных направлениях развития, спортсменов, студентов, завершивших магистратуру, докторантов, которым облегчают визовые проблемы, трудоустройство и т.п.

Для стран – доноров интеллектуальных мигрантов изменилась география потоков: не столько юг–север, как в XX в., сколько восток–запад (из Европы в США и Канаду 100 тыс. – в 1950–1960 гг., 500 тыс. – в 1980 г.; из Восточной Европы – в западную, из Среднеазиатских стран – в Россию). Отбор мигрантов теперь осуществляется не столько по возрасту и полу, сколько по уровню образования и квалификации.

Как связаны миграция и мобильность?

Известно, что миграция, в самом общем определении, – это перемещение населения с целью изменения места жительства; существенно различается по причинам (добровольная или вынужденная), типам (внешняя или внутренняя), видам (возвратная или безвозвратная), целям (трудовая, политическая, бегство от войн, катаклизмов и т.п.).

Мобильность, в самом широком понимании, представляет собой подвижность, способность к быстрым передвижениям, быстрому выполнению заданий. Российский исследователь В. Малахов утверждает, что, феномен, именуемый иммиграцией, в российском случае – это, в первую очередь, географическая мобильность в пространстве бывшего СССР (Малахов, 2016). Мобильность академическая (преподавателей, научных исследователей) и студенческая мобильность становятся неотъемлемой частью интернационализации высшего образования в мире и понимается нами как современная форма возвратной интеллектуальной миграции.

Как отмечалось выше, значительный рост миграционных потоков в мире (на 40%) сопровождается существенным увеличением студенческой мобильности. Число международных студентов с 2002 по 2014 г. удвоилось, достигнув 4 млн 300 тыс. человек, а, по прогнозам ЮНЕСКО, к 2025 г. достигнет 8 млн человек (Институт статистики ЮНЕСКО). По данным Института статистики ЮНЕСКО, около 3 млн студентов ежегодно выезжают за рубеж для получения образования.

К числу причин, объясняющих стремительное развитие международной студенческой и академической мобильности, мы относим:

- расширение спроса работодателей на специалистов, владеющих несколькими языками и навыками социализации, имеющих компетенции, полученные в ходе участия в международных образовательных программах;

- рост числа стран, принявших правила и механизмы Болонского процесса (возможностей одновременного зачета полученных знаний в университетах разных стран за один период; взаимное признание дипломов, квалификаций, степеней);

- появление инфраструктуры приема студентов, преподавателей в зарубежной стране; программ поддержки мобильности и трудоустройства на государственном уровне;

- относительно быструю адаптацию «интеллектуальных мигрантов» в стране приема (в отличие от ситуации классической миграции как долговременного процесса интеграции в принимающее сообщество).

Ключевым фактором спроса на рынке образовательных услуг как в странах ЕС, так и по всему миру является возможность приобретения и повышения навыков, востребованных работодателями на рынке труда. При этом, согласно последнему исследованию Европейской комиссии «Effects of mobility on the skills and employability of students and the internationalization of higher education institutions», просле-

живается прямая связь между международной мобильностью студентов, началом их карьеры и перспективами роста в дальнейшем. Учитывая высокий уровень безработицы в странах Европейского союза, особенно в странах Восточной Европы, где этот показатель наиболее высок, студенты, участвующие в программах международной мобильности, имели больше шансов найти работу после университета, чем те, кто в таких программах не участвовал (Brandenburg, Berghoff et al., 2014).

При этом важно отметить, что наибольший процент занятости по странам ОЭСР – у обладателей докторской степени (PhD). Так, в среднем 88% PhD в возрасте от 25 до 34 лет трудоустроены по окончании обучения. Среди обладателей магистерской степени трудоустроены 84% выпускников.

Согласно исследованиям Оксфордского университета (International Trends in Higher Education, 2015), получение образования за рубежом положительно расценивается потенциальными работодателями и способствует развитию навыков, особенно значимых для работодателей, как межкультурные коммуникации; оценка рисков; умение принимать решения и решать проблемы; развитие языковых навыков. В 2008–2014 гг. проведены и опубликованы результаты исследований целого ряда национальных и международных организаций Южной Африки, Великобритании, США, европейских стран (Employability in Higher Education, 2016).

Согласно отчету Европейской комиссии о влиянии международной мобильности на навыки и будущую занятость студентов в условиях интернационализации высшего образования в среднем, студенты, участвующие в международных обменах, имеют лучшие навыки трудоустройства, чем 70% студентов без такого опыта. При этом 64% всех работодателей считают получение международного опыта важным преимуществом при найме (в 2006 г. этот показатель составлял только 37%), к тому же 92% работодателей ищут

в кандидатах такие навыки, как открытость и любознательность в отношении новых задач, навыки решения проблем и принятия решений, уверенность в себе, терпимость к ценностям других и к их поведению. Каждый третий студент, участвующий в мобильности за границей, получил предложение о постоянной работе в принимающей компании. Процент безработных среди выпускников 5-летней давности, прошедших международную стажировку, на 23% ниже, чем у их сверстников.

При этом, однако, 40% всех выпускников, участвовавших в международной мобильности, переехали в другие страны (среди студентов, не прошедших международную стажировку, этот показатель почти вдвое меньше – 23%). К сожалению, в настоящее время крайне мало данных (даже экспертного характера), позволяющих аналитически обобщить так называемую «возвратную миграцию», когда речь идет о возвращении в свою страну специалистов, ставших высококвалифицированными, благодаря практике работы в зарубежных компаниях, исследовательских центрах, администрациях.

Вероятно, в силу названных причин, в принятых стратегиях развития высшего образования и науки большинства европейских стран, национальных стратегиях интернационализации образования в странах ОЭСР, среди четырех стратегий, характеризующих политику стран ОЭСР в этой сфере, – согласованный подход, стратегия расширения возможностей, получения дохода, особо выделяется стратегия привлечения квалифицированной рабочей силы, для чего широко используются, в том числе, поддержка разнообразных программ академической и студенческой мобильности.

Сами программы международной мобильности, в свою очередь, реализуются в самых различных формах: 60% всех программ составляют программы Эразмус (Эразмус+), 23% – языковые стажировки, примерно по 20% занимают летние школы, тренинги, краткосрочные стажировки. Важно отме-

тить, что около 60% всех выпускников европейских университетов участвовали в программах мобильности Эразмус, и только 20% – не участвовали ни в каких программах мобильности.

Среди стран, принимающих иностранных студентов в рамках мобильности, Испания (15%), Германия (11%), Франция (9%), Великобритания (8%) и Италия (8%) – самые популярные направления для стажировок. При этом 67% всех программ мобильности реализуются на английском, французском (12%), испанском (20%), немецком (14%) и итальянском (10%) языках.

Российская Федерация: привлечение иностранных студентов, преподавателей, расширение программ студенческой и академической мобильности. На протяжении последних лет ежегодный прирост иностранных студентов, обучающихся в российских вузах на основных программах высшего и послевузовского образования, составляет 8%. В 2015–2016 гг. общая численность иностранных студентов по очной форме обучения достигла 183 065 чел. (Экспорт российских образовательных услуг, 2016, с. 38).

В целом «довузовское, вузовское и послевузовское образование на русском языке и по российским образовательным программам получали в Российской Федерации и за ее пределами в 2014/2015 учебном году в общей сложности 372,1 тыс. иностранных граждан из 175 стран мира (в 2005/2006 учебном году этот суммарный показатель составлял 222,6 тыс. чел., в 2009/2010 учебном году – 286,5 тыс. чел.)» (Экспорт российских образовательных услуг, 2016, с. 397).

Рост численности иностранных студентов в российских вузах определяется рядом факторов и принятых мер: увеличением с 10 до 15 тыс. квот на бюджетное обучение иностранных граждан в российских вузах по программам высшего и послевузовского образования; девальвацией рубля по отношению к основным мировым валютам; большей открытости российской системы образования (создание сайта

studyinrussia.ru, англоязычных версий сайтов ведущих вузов и т.п.); продвижение российских вузов в мировых рейтингах высшего образования в рамках реализации проекта «5 – в ТОП-100».

В 2016 г. Министерство образования и науки Российской Федерации и Проектный офис «5–100» запустили новый сайт, нацеленный на привлечение иностранцев в российские вузы. Впервые вся необходимая информация о возможностях учебы в ведущих вузах России для зарубежных абитуриентов и их родителей была собрана на одном ресурсе. В настоящее время на сайте размещены описания более 2800 программ высшего и последиplomного образования российских вузов.

Что касается студенческой и преподавательской международной мобильности, она развивается, однако имеет весьма противоречивый характер.

В РФ в 2016 г. насчитывалось более 31 млн чел. в возрасте 14–30 лет, более 4,5 млн студентов и 4 млн безработных. Самыми острыми проблемами остаются эффективное трудоустройство (по экспертным данным, около половины молодежи после окончания университетов работает не по специальности), слабая связь университетской подготовки с потребностями бизнеса и рынка труда в целом. Также существует и другая проблема – интеллектуальная миграция. Каждый год уезжают учиться за границу (в страны ЕС, США, Великобританию) несколько десятков тысяч россиян, из которых возвращается, по разным оценкам, от 50 до 75% в зависимости от уровня образования. Безусловно, острота проблемы безвозвратной интеллектуальной миграции существенно снизилась с 1990-х гг., однако очевидна необходимость принятия мер, способных дать ответы на острые вопросы.

Как сделать, чтобы представители следующих поколений крупных ученых, талантливых предпринимателей-инноваторов остались в России? Что надо предпринять, чтобы

они, получив качественные знания, опыт участия в международных программах, работы в крупных фирмах и зарубежных компаниях, возвращались на родину? Что сделать, чтобы С. Брин, создатель GOOGLE, или талантливые математики и физики с российским образованием и корнями, не уезжали, а имели стимулы возвращаться в Россию?

Здесь, как обычно, надежда на специальные государственные программы, законодательные механизмы. С одной стороны, речь идет о масштабном привлечении в Россию иностранных квалифицированных и высококвалифицированных специалистов, с другой – во внедрении условий для возвращения и трудоустройства в современных российских компаниях, исследовательских центрах, на государственной службе талантливых выпускников престижных университетов, международных образовательных программ, в том числе имеющих практический опыт работы в зарубежных компаниях.

В принятой Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 г., утвержденной Президентом РФ в 2012 г., входящая академическая мобильность иностранных преподавателей и исследователей рассматривается как одна из задач развития и совершенствования российской миграционной политики для привлечения востребованных экономикой КС и ВКС разного профиля и создание условий для их сохранения в России. Принято решение о предоставлении государственных грантов для поддержки научных исследований, проводимых под руководством ведущих ученых в российских образовательных учреждениях высшего профессионального образования, научных учреждениях государственных академий наук и государственных научных центрах.

По данным социологического опроса в июне 2014 г. представителей российских вузов для подготовки Национального доклада по участию РФ в Болонском процессе, более 85% подведомственных Минобрнауки России органи-

заций высшего образования за последние 2 года приглашали зарубежных преподавателей или лекторов для чтения курсов, более 90% приглашали зарубежных преподавателей или лекторов для чтения гостевых лекций (Россия в Европейском пространстве..., 2015).

В настоящее время в России разрабатываются госпрограммы, задачи которых – в расширении возможностей для студентов проходить практику в национальных компаниях, наращивании несырьевого экспорта, воспитании неприятия идей экстремизма. Это, например, проект «Глобальное образование», в рамках которого 700 чел., получивших образование за рубежом, направляются на стажировку на российские фирмы, разработаны меры по оптимизации их возвращения; закон «О молодежной политике в РФ»; с 2017 по 2025 г. реализуется приоритетный проект «Экспорт образования». В ходе его осуществления ставится акцент на развитие совместных образовательных программ, программ на английском языке, онлайн-образовании для иностранцев, образовательных туристических маршрутов и летних школ для иностранцев, создание единого интернет-навигатора по российской системе образования.

Министерство образования и науки РФ готовит проект о целевом обучении: если обучение финансировалось не студентом, выпускник такой программы будет обязан отработать 3 года по распределению (направлению) в рамках полученной специальности. Такая практика существовала во времена СССР, положительно себя оправдывала, ее внедрение, на наш взгляд, позволит снизить молодежную безработицу, дать возможность молодым специалистам опробовать свои силы на практике, существенно повысит эффективность затраченных на обучение бюджетных ресурсов.

Переходя к **выводам**, отметим следующее. Во-первых, современные миграционные потоки в мире и особенно в Европейском Союзе существенно выросли, что имеет как позитивные, так и негативные последствия. Они рассматри-

ваются и экспертами, и гражданами ЕС в числе наиболее актуальных современных проблем, требующих постоянного мониторинга и управления.

Во-вторых, современная миграция в Европу характеризуется новыми особенностями: появлением национальных и интернациональных посредников, миграцией семей, интенсивным развитием обширного рынка «индустрии помощи беженцам», появлением «экологических беженцев», а также новыми формами интеллектуальной миграции, связанной с ростом студенческой и академической мобильности. Экспорт образования, особенно высшего, становится существенной статьей доходов бюджетов стран, привлекающих наибольшее число студентов, а также эффективным механизмом привлечения в страну молодых перспективных специалистов.

В последние годы в Российской Федерации предпринимаются конструктивные усилия по привлечению в страну КС и ВКС, а также по возвращению после завершения учебы и практической работы в зарубежных фирмах перспективных российских специалистов.

Вместе с тем согласимся с мнением экспертов, что, несмотря на значительные шаги, сделанные для облегчения процедур пребывания и трудоустройства иностранных специалистов в российских научно-образовательных организациях, все еще остаются нерешенными многие проблемы как законодательного, так и социально-бытового характера (речь идет о безопасности проживания, наличии государственных программ интеграции иностранных работников и членов их семей, возможностях карьерного роста, репутации и социальных гарантиях организации-работодателя и т.п.) (Меликян, Железов, 2012).

Что касается проблем возвращения молодых специалистов на родину, то в этой сфере приложение усилий только начинается – нет ни статистики исходящей и входящей студенческой и академической мобильности, ни апробированных на практике механизмов, но лед уже тронулся...

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Гулина О. (директор Института миграционной политики, Берлин). Мигранты не террористы // Ведомости. – 25.05.2017.
2. Институт статистики ЮНЕСКО. – URL: <http://uis.unesco.org>
3. Малахов В.С. Трудовая миграция и политика интеграции мигрантов в Германии и России: сборник. – СПб: Центр гражданских, социальных, научных и культурных инициатив «Стратегия»; Скифия-принт, 2016.
4. Меликян А.В., Железов Б.В. Инструменты интернационализации высшего образования: опыт привлечения иностранных высококвалифицированных специалистов в российские вузы // Вестник международных организаций. – 2012. – № 1 (36). – С. 164–165.
5. Россия в европейском пространстве высшего образования / под ред. Ю.Д. Артамоновой, А.Л. Демчука, Е.В. Караваевой, А.А. Муравьевой. – М.: Изд-во Московского университета, 2015.
6. Экспорт российских образовательных услуг: статистический сборник. – Вып. 6 / Министерство образования и науки Российской Федерации. – М.: Социоцентр, 2016.
7. Autheman N. Les refugies, une bonne affaire // Le monde diplomatique. – Mai 2017.
8. Brandenburg U., Berghoff S., Taboadela O., Bischof L., Gajowniczek J., Gehlke A. The ERASMUS Impact Study. Effects of mobility on the skills and employability of students and the internationalisation of higher education institutions. – Luxemburg, 2014.
9. Employability in Higher Education: A review of practice and strategies around the world. – Exeter, UK, 2016.
10. Global Terrorism Database (2016). – URL: <https://www.start.umd.edu/gtd>
11. International Trends in Higher Education 2015, University of Oxford. – URL: <https://www.ox.ac.uk/sites/files/oxford/InternationalTrendsHigherEducation2015.pdf>
12. Orain H., Amar M., Poinso M., Amal M. La recherche sur les migrations et l'immigration. Un état des lieux. Musée national de l'histoire de l'immigration mars. – Paris, 2017.
13. Les chiffres clés. 4 300 000 étudiants internationaux. Les données de l'UNESCO ont été actualisées le 8 décembre 2016. Campus France. – Paris, 2016.

14. OECD. Internationalisation and Trade in Higher Education: Opportunities and Challenges. – Vol. 1: Special features: Equity, Innovation, Labour Market, Internationalisation. – URL: <http://dx.doi.org/10.1787/9789264046535-13-en>

15. URL: http://ec.europa.eu/dgs/education_culture/repository/education/library/study/2014/erasmus-impact-summary_en.pdf

REFERENCES

1. *Autheman N.* Les refugies, une bonne affaire // Le monde diplomatique. – Mai 2017.

2. *Brandenburg U., Berghoff S., Taboadela O., Bischof L., Gajowniczek J., Gehlke A.* The ERASMUS Impact Study. Effects of mobility on the skills and employability of students and the internationalisation of higher education institutions. – Luxemburg, 2014.

3. Employability in Higher Education: A review of practice and strategies around the world. – Exeter, UK, 2016.

4. Global Terrorism Database (2016). – URL: <https://www.start.umd.edu/gtd>

5. *Gulina O.* (directeur de l'Institut de politique migratoire) Les migrants ne sont pas les terroristes // Vedomosti. – 25.05.2017.

6. International Trends in Higher Education 2015, University of Oxford. – URL: <https://www.ox.ac.uk/sites/files/oxford/InternationalTrendsHigherEducation2015.pdf>

7. *Orain H., Amar M., Poinso M., Amal M.* La recherche sur les migrations et l'immigration. Un état des lieux. Musée national de l'histoire de l'immigration mars. – Paris, 2017.

8. Les chiffres clés. 4 300 000 étudiants internationaux. Les données de l'UNESCO ont été actualisées le 8 décembre 2016. Campus France. – Paris, 2016.

9. *Malakhov V.S.* The collection of Labour migration and integration policy of migrants in Germany and Russia: collection of articles. – SPb: Center for civil, social, scientific and cultural initiatives «Strategy»; Scythia-print, 2016.

10. *Melikyan, A.V., Zhelezov B.V.* Instruments of internationalization of higher education experience in attracting highly qualified foreign specialists into Russian universities // Bulletin of international organizations. – 2012. – № 1 (36). – P. 164–165.

11. OECD. Internationalisation and Trade in Higher Education: Opportunities and Challenges. – Vol. 1: Special features: Equity, Inno-

vation, Labour Market, Internationalisation. – URL: <http://dx.doi.org/10.1787/9789264046535-13-en>

12. Russia in the European space of higher education / ed. by Yu. Artamonova, A. Demchuk, E. Karavaeva, A. Muravyova. – M.: Publishing house of Moscow University, 2015.

13. The export of Russian educational services: statistical publication. – Vol. 6 / Ministry of education and science of the Russian Federation. – M.: Sociocentric, 2016.

14. The UNESCO Institute for Statistics. – URL: <http://uis.unesco.org>

15. URL: http://ec.europa.eu/dgs/education_culture/repository/education/library/study/2014/erasmus-impact-summary_en.pdf

АДАПТАЦИОННАЯ МОДЕЛЬ ИММИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ ФРАНЦИИ В XXI ВЕКЕ

Т.В. Ромашова

*Национальный исследовательский
Томский государственный университет
(Томск, Россия)*

А.Г. Ромашова

*Болонский университет
(Болонья, Италия)*

В статье рассматривается опыт проведения адаптационной политики Франции по отношению к иммигрантам. Дана характеристика форм адаптации мигрантов. Проанализированы типы адаптивных программ, разработанных для мигрантов в последние 15 лет. Исследованы ключевые сферы адаптации – система образования, рынок труда, пространственное размещение. Уделено внимание элементам адаптационной модели, включающей обязательное знание французского языка и истории страны, знакомство

с системой образования и общественным устройством, помощь с жильем и трудоустройством.

Ключевые слова: *Франция, миграционная политика, адаптационные формы и программы, модель адаптации.*

XXI CENTURY IMMIGRATION POLICY ADAPTATION MODEL IN FRANCE

T.V. Romashova

*National Research Tomsk State University
(Tomsk, Russia)*

A.G. Romashova

*University of Bologna (Università di Bologna)
(Bologna, Italy)*

This article considers the experience of implementing the adaptation policy of France towards immigrants. The article characterises the forms of migrants adaptation, analyses the types of adaptive programs developed for migrants over the last 15 years, and studies the key areas of adaptation – education system, labour market, spatial location. We give consideration to the adaptation model elements embracing mandatory knowledge of the French language and history of the country, familiarity with the education system and social structure, assistance with housing and employment.

Key words: *France, migration policy, adaptation forms and programs, adaptation model.*

Введение. Глобальная миграционная волна 1990-х гг., разогнавшись во времени, набрала силу цунами и обрушилась в 2014–2016 гг., прежде всего, на страны Европы. Меж-

дународные миграции стали оказывать колоссальное влияние на состояние не только международных отношений, но и на внутренний климат самих государств, затрагивая их политическую, экономическую и социальную сферы.

Франция – первая в Европе и одна из первых в мире страна, столкнувшаяся с масштабной иммиграцией. Ее начало пришлось на 1870-е гг. За почти 150 лет, прошедшие с того времени, мигранты и их потомки стали неотъемлемой частью французского общества. По данным Института статистики Франции (*Étrangers – Immigrés*, 2017, p. 1), в 2013 г. на ее территории проживали 4,1 млн иностранцев и около 5,8 млн иммигрантов (6,1 и 8,7%, соответственно) от общей численности населения. При этом необходимо учитывать, что в число мигрантов не включены «французы в первом поколении» (дети мигрантов, родившихся уже во Франции), т.е. почти треть населения Франции – это колониальные мигранты и их потомки. В настоящее время каждый пятый житель имеет предка-иммигранта, 1,7 млн человек имеют 10-летний вид на жительство, 500 тыс. – годовую визу, 150 тыс. проживают с документами на меньший срок. В последнее десятилетие каждый год страна принимает около 200 000 человек, из которых половина остается на длительный период (*Миграционная статистика во Франции...*, 2016, с. 1). Понимая сложившуюся ситуацию, государство вынуждено разрабатывать взвешенную политику по отношению к приезжим.

По мнению французских политологов и ученых, специализирующихся на миграционных процессах, «адаптация» больше, чем «интеграция», подходит под описание французской политики по отношению к иммигрантам (*French Integration Policy...*, 2017). Под адаптацией (этнической) подразумевается «процесс приспособления этнических групп (общностей) к изменившейся природной и социально-культурной среде» (Тавадов, 2004, с. 215). Применительно к мигрантам можно выделить две формы такой адаптации – активную и пассивную (табл. 1).

Характеристика форм адаптации мигрантов

Формы адаптации	Основные признаки форм	Показатель результативности адаптации	
		позитивный (высокая адаптивность)	негативный (низкая адаптивность)
Активная	Этническая группа мигрантов стремится воздействовать на среду с целью ее изменения, в том числе норм, ценностей, форм взаимодействия и деятельности, которые она должна освоить	Высокий уровень приживаемости. Психологическая удовлетворенность этой средой, в том числе отсутствие дис- криминации по любому признаку	Эмиграция. Нарушения правового и ценностно-социального характера. Проявление этноцент- ризма
Пассивная	Этнические мигранты не стремятся воздействовать и изменить общественную среду		Депортация

Главными признаками активной этнической адаптации является «принятие норм и ценностей новой социально-этнической среды (культурно-языковых, хозяйственно-культурных, политических, нравственных, бытовых и др.), сложившихся форм межэтнического взаимодействия (формальных и неформальных связей, стиля поведения, семейных и соседских отношений и т.п.), а также форм предметной деятельности (способов профессионального выполнения работ или семейных обязанностей)» (Тавадов, 2004, с. 215). Показатели результативности адаптации могут быть позитивные или негативные для обеих форм адаптации. В первом случае наблюдается «высокий уровень приживаемости в данной национально-этнической среде, а также психологическая удовлетворенность этой средой (например, отсутствие расовой и национальной дискриминации, равные возможности и условия устройства на работу, свобода выбора языка обучения и пользования и т.п.)» (Тавадов, 2004, с. 216). Неудовлетворенность социально-бытовыми и экономическими условиями, проявляющаяся в отсутствии мотивации к трудовой деятельности, нарушениях правового и социального характера (например, рост преступности, вовлечение в нелегальные виды деятельности и т.п.), приводит к низкой адаптивности и, в конечном итоге, к эмиграции или депортации.

Целью данного исследования является изучение адаптационной модели иммиграционной политики Франции и оценка ее эффективности.

В 2004 г. в докладе Счетной палаты по приему и интеграции иммигрантов впервые были перечислены официально следующие явные признаки кризиса процесса адаптации: высокая концентрация иммигрантов в неблагополучных районах, ухудшение их социального и экономического положения, дискриминация, подозрительное отношение местных жителей к иммигрантам, нелегальная миграция (Imprimerie partager sur Facebook..., 2017). Осознание необходимости корректировки адаптационного этапа для мигрантов ускори-

лось после беспорядков, всколыхнувших французское общество осенью 2005 г.

Начались институциональные и законодательные преобразования, коснувшиеся всех сторон экономической и общественной жизни мигрантов. Изменились некоторые особенности деятельности и взаимоотношений друг с другом государственных и общественных структур, занимающихся различными вопросами управления миграционными потоками. В настоящее время главная роль в осуществлении политики по отношению к иммигрантам по-прежнему отводится разным государственным органам и структурам, но и неправительственные организации активнее стали принимать в ней участие (табл. 2).

Несмотря на разную ведомственную подчиненность программ адаптации, в стране выстроена модель, включающая обязательное знание французского языка и истории страны, знакомство с системой образования и общественным устройством, помощь с жильем, трудоустройством и медицинское обслуживание.

Одной из ключевых сфер адаптации мигрантов во французское общество является система образования, через которую реализуются все необходимые ценности и нормы поведения – информационные, коммуникативные, адаптивные, социальные и просветительские. Первостепенная задача системы образования для мигрантов – языковая адаптация.

Франция – многонациональное государство, на территории которого проживает около 150 этносов (*Le contrat d'accueil et d'intégration*, 2015, с. 1). Не все их представители владеют французским языком, что связано с географией иммиграции.

По данным на 2013 г., мигранты были представлены в основном выходцами из стран Африки – 43,5% (особенно стран Магриба – 30%), ЕС – 31,8% и Азии – 14,5% (*Étrangers – Immigrés*, 2017, с. 1).

Типы адаптационных программ для иммигрантов во Франции

Организации и государственные органы, реализующие программы	Типы адаптационных программ для новых мигрантов (1-го поколения) для мигрантов 2-го и 3-го поколений
Правительственные организационные структуры <i>Министерство внутренних дел</i>	
Бюро по вопросам иммиграции и интеграции (OFII)	«Контракт Республики» (с 2007 г.): языковая, социальная и информационная поддержка. Краткосрочные курсы языковой подготовки для лиц по линии «воссоединение семьи» (с 2008 г.) Программа «Французская языковая интеграция» (с 2011 г.)
Управление по приему, интеграции и гражданству (DAIC, до 2015 г. – DAAEN)	Трудоустройство иммигрантов, помощь по обустройству в стране. «Социально-лингвистические мастерские» (с 2009 г.): языковая, общественная и социальная адаптация
<i>Министерство национального образования и научных исследований</i>	
Центр по интеграции и ориентации (CIO) Академический центр по школьному обучению детей, говорящих на другом языке, и путешественников (CASNAV)	Тестирование для выявления уровня владения языком. Обязательное изучение языка в школе для лиц с 6 до 16 лет

Продолжение табл. 2

Организации и государственные органы, реализующие программы	Типы адаптационных программ	
Совместная программа Министерства внутренних дел и Министерства образования	для новых мигрантов (1-го поколения)	для мигрантов 2-го и 3-го поколений
Генеральная комиссия по обеспечению равенства территорий (CGET)	Программа образовательных достижений (PREs, с 2006 г.): менторство и наставничество. Обучение в ведущих школах-интернатах для детей «приоритетных районов» (с 2009 г.). Обучение по грантам в ведущих вузах страны	Трудоустройство жителей «приоритетных районов» (с 2015 г.)
<i>Министерство труда, занятости, профессиональной подготовки и социального диалога</i>		
Служба занятости (PE)	Программа профессиональной переподготовки. Обучение для трудоустройства. Специальные подготовительные курсы для желающих поступить на государственную гражданскую службу, открытые для национальных меньшинств	
Фонд солидарности жилищного строительства	Программы финансовой помощи лицам, испытывающим трудности в обеспечении своих жилищных расходов	
Национальное Агентство по обновлению города (ANRU)	Программа привлечения жителей районов с повышенной преступностью, а также неблагополучных территорий к работам, осуществляемым для улучшения жизни в этих районах	

Окончание табл. 2

Организации и государственные органы, реализующие программы	Типы адаптационных программ	
	для новых мигрантов (1-го поколения)	для мигрантов 2-го и 3-го поколений
Неправительственные организации		
Кадровое агентство Mozaik RH	Трудоустройство молодых выпускников-мигрантов	
Ассоциация по развитию гражданских инициатив (ADICE)		Программа «Школа второго шанса» (с 2011 г.): социальная и профессиональная адаптация
Компании и организации разных форм собственности	Обучение языку на рабочем месте (с 2004 г.)	

Стоит отметить, что 76% иммигрантов являются франкоговорящими или имеют достаточные знания, чтобы быть освобожденными от языковой подготовки. Для остальных мигрантов (как недавно прибывших, так и длительно проживающих в стране) разработано более 10 программ и курсов по содействию языковому обучению (см. табл. 2).

Одной из таких программ является «Контракт по приему и интеграции», который с 2007 г. подписывает каждый иммигрант, обязуясь знать французский язык и ценности страны. А уже с 1 января 2012 г. в силу вступил закон, предусматривающий обязательное получение аттестации по французскому языку, а также истории и культуре Франции (*Le contrat d'accueil et d'intégration*, 2015). В марте 2016 г. этот контракт был ужесточен, и теперь посещаемость занятий и уровень владения языком теснее связаны с возможностью дальнейшего пребывания во Франции. Целью правительства является получение иммигрантом после одного года проживания знаний по французскому языку уровня A1 (по общеевропейским компетенциям владения иностранным языком, CEFR), а после 5 лет – уровня A2. Такими мерами власти намерены усилить лингвистическую подготовку иммигрантов, особенно детей и молодежи, чтобы они лучше и свободнее ориентировались в стране (*Projet de loi relatif au droit des étrangers en France*, 2017). Для достижения этих целей необходимо устранить некоторые недостатки, которые были выявлены в ходе анализа реализуемых программ и отмеченные нами (Ромашова, 2016, с. 48).

Во-первых, это географическая неравномерность образовательных инициатив для мигрантов, так как многие из них доступны лишь в крупных городах.

Во-вторых, неполный охват всех желающих пройти обучение из-за бюрократического длительного ожидания очереди для прохождения тестов в школу. В связи с этим обучение детей-мигрантов откладывается, и поэтому со своими сверстниками-французами в начальной школе учат-

ся 64% от всех обучающихся детей-мигрантов этого возраста, в средней – 35%, а в старшей – только 23%. Остальные попадают в классы с учениками-французами младшего возраста. Есть и такой контингент, которому приходится обучаться с детьми моложе на 2 года (4% обучающихся мигрантов в младшей школе, 17% – в средней школе, 25% – в старшей школе) или на 3 года и более (1, 5 и 9%, соответственно) (Robin, Touahir, 2015, с. 4).

В-третьих, из-за отсутствия погружения в языковую среду учеников-иммигрантов по причине социальной и этнической сегментации, слабой заинтересованности и информированности о дополнительных учебных занятиях и дальнейшем обучении не оканчивают обучение в школе 24% всех детей-иммигрантов (Robin, Touahir, 2015, с. 1).

В-четвертых, невозможно отследить адресную финансовую помощь на образование неблагополучной молодежи, поскольку не ясно, какое количество иммигрантов и по каким различным программам поддержки получили бюджетные средства. Это связано с тем, что с 1978 г. во Франции существует закон о запрете сбора и использования этнической статистики, несоблюдение которого имеет уголовное наказание (Statistiques et fichiers ethniques..., 2017, с. 1).

Для совершенствования системы общей и языковой подготовки необходимо введение инноваций в школах и системе образования в целом. Основной задачей обучения иностранцев является их включение в обычные классы. Однако по прибытии только 11% детей смогли учиться вместе с французами без дополнительной подготовки в 2014/2015 учебном году. Предлагается создавать дополнительные учебные центры на базе школ, которые смогут посещать все желающие, в том числе во время каникул. Реализация данной идеи возможна через конкурсную программу правительства, на которую в 2015–2019 гг. планируется выделить 400 млрд евро – по 100 тыс. евро на проект (Agacinski, Boisson-Cohen et les auteurs, 2015, с. 2). Первоочередность будет у проек-

тов, которые будут реализоваться в «приоритетных» (*quartier prioritaire*) и «чувствительных» (*la ZUS, zone urbaine sensible*) районах с плохими жилищными условиями и высоким уровнем безработицы среди населения. Требуется уменьшить школьную сегрегацию путем реструктуризации школ и усиления связей между школами внутри районов. Кроме детских садов и школ необходимо развитие детских библиотек, образовательных центров и иных мест, где ученики могут совершенствовать свои способности. Школа должна также предоставлять информационные консультации родителям, объясняя важность посещения занятий, этапы обучения, дополнительные возможности для учеников и т.п. Такие меры будут способствовать установлению дружественной атмосферы в коллективах, а также усиливать взаимодействие между детьми и родителями.

В рамках национальной программы «Открытая школа для родителей» (см. табл. 2) уже предлагаются курсы по французскому языку как иностранному, информатике, праву, устройству школы и системы образования. Однако пока лишь 3% родителей-иммигрантов принимают участие в этой программе (Escafré-Dublet, 2014, с. 10).

Возможность трудоустройства для иммигрантов также является одной из важнейших составляющих их социального приспособления к обществу. Помощь мигрантам по обучению, профессиональной переподготовке и устройству на работу осуществляют разные ведомства (см. табл. 2). Анализ включенности иммигрантов в экономико-трудовую жизнь Франции свидетельствует об их заметной дискриминации на рынке труда. Дискриминация проявляется, прежде всего, по половозрастному признаку: все иммигранты мужского пола (за исключением выходцев из стран Южной Европы) имеют меньше шансов быть нанятыми французскими работодателями, чем коренные французы, а женщины-иммигрантки сталкиваются с еще большим количеством проблем, чем мужчины. Трудоустройство зависит от региона и

страны происхождения иммигранта, а также времени выхода мигранта (мигранты первого или второго поколения). Так, вероятность не найти работу на французском рынке труда у девушек-иммигранток во втором поколении, имеющих африканские корни, в сравнении с иммигрантками первого поколения – 20 и 31,4%, соответственно, а у девушек азиатского происхождения – 14,4 и 20,5%, соответственно (Algan, Dustmann, Glitz, Manning, 2010, с. 20).

Шансы устроиться на работу также зависят от места проживания кандидатов. Например, в крупных городах, таких как Париж, Лион, Марсель, вероятность остаться без работы выше, чем в небольших населенных пунктах. Имеет значение и религиозная принадлежность – при прочих равных условиях (возраст, образование, семейное положение, опыт работы) после отправки резюме у кандидата-христианина в 2,5 раза выше шансы получить желаемую работу, чем у соискателя-мусульманина (Cusset, Garner et les auteurs, 2015, с. 4). В целом возможность устроиться на работу у иммигрантов в 2015 г. была в 3 раза меньше, а уровень безработицы в 2,6 раза выше, чем у коренных жителей (24,8 и 9,4%, соответственно) (Étrangers – Immigrés, 2017, с. 2). Почти половина иммигрантов занимается низкоквалифицированным физическим трудом, что в 1,8 раза больше подобной занятости у коренных французов (46 и 26%, соответственно) (Nombre de chômeurs..., 2016, с. 1).

Неблагополучная ситуация на рынке труда по отношению к мигрантам отражается на уровне их доходов, поэтому около 40% иммигрантов являются бедными. Правительство пытается бороться с ущемлением прав в области трудоустройства. Одной из лучших практик на национальном уровне по борьбе с дискриминацией, по мнению Европейской комиссии, является стимулирование частных и государственных компаний принимать на работу представителей разных этносов (Il faut développer l'«affirmative action»..., 2017, с. 1). Также запущено несколько программ (см. табл. 2) по вовле-

чению безработных в рынок труда, поскольку уверенность в своей работе и экономическая занятость приводят к социализации иммигрантов, их экономической независимости, а также к снижению расходов государства на социальные выплаты и пособия.

Важным фактором, формирующим социально-этническую среду мигрантов, является пространственное размещение, территориальная концентрация, а также жилищные условия. По территории страны мигранты расселились неравномерно: доля их в столичном регионе Иль-де-Франс составляет 37%, в районе Рона–Альпы – 11%, в районе ПАКА (Прованс–Альпы–Лазурный берег) – 10% от их общего числа (Франция..., 2007, с. 47). Место проживания играет важнейшую роль в жизни людей. Оно формирует как окружение, так и отношение к жизни. Иммигранты, имеющие контракт на работу, могут бессрочно проживать в специальных общежитиях для трудовых мигрантов. Также они могут претендовать на социальное жилье. Значительным просчетом правительства было массовое заселение иммигрантов в социальные кварталы, что повлекло за собой высокую локальную концентрацию приезжих, сформировав так называемые «приоритетные» и густонаселенные неблагополучные районы, где проживает 19% иммигрантов, 14% их потомков и только 4% французов (Cusset, Garner et les auteurs, 2015, с. 12). На данный момент эффективно действующим механизмом государственной помощи бедному населению являются жилищные пособия, компенсирующие часть затрат на оплату аренды. Нерешенной проблемой пока остается дискриминация мигрантов в доступе к съему жилья. Все эти факторы осложняют процесс адаптации иммигрантов.

По словам министра внутренних дел Франции, основная цель миграционной политики заключается не в запрете на въезд иностранцам, а в том, чтобы новые граждане смогли успешно «вписаться» в профессионально-общественную

жизнь страны (*Nombre de chômeurs...*, 2016, с. 1). Поэтому политика по отношению к иммигрантам в действительности носит адаптивный, а не интеграционный характер.

Проведенный анализ показал, что адаптационная политика во Франции в последние 15 лет постоянно корректировалась и совершенствовалась. Даже ужесточение отдельных требований к мигрантам не уменьшило их поток во Францию: в 2015 г. право на пребывание в стране получили 212 000 человек, а французское гражданство – 87 000 иностранцев (*Миграционная статистика во Франции...*, 2016, с. 1). Это свидетельствует о том, что страна остается привлекательной для иммигрантов, а адаптационная модель государственной политики по отношению к ним эффективна. Наличие 20 обучающих программ и курсов, предназначенных для разных возрастных и статусных категорий иммигрантов, позволяют им освоить разговорный уровень французского языка, познакомиться с национальными ценностями, трудоустроиться и использовать социальные навигаторы в повседневной жизни. Последним нововведением стало издание в мае 2016 г. справочника «Основные права иностранцев во Франции», в котором собрана самая необходимая информация о прибытии, размещении и жизни в стране. Тем не менее для устранения препятствий на адаптационном пути иммигрантов и повышения эффективности адаптационной политики было бы целесообразно выполнение следующих условий: обеспечить полный пространственный охват программами, включая низовые административные единицы; создать банк данных участников миграционных программ по этнической принадлежности и вести их социальное сопровождение; снизить дискриминацию иммигрантов в жилищной, трудовой и медицинской сферах; активизировать культурную интеграцию.

В конечном итоге реализация всех программ и инициатив позволяет смягчить остроту миграционной обстановки во Франции и устранить разрыв в социально-экономичес-

ком положении между иммигрантами и коренными французами.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Миграционная статистика во Франции за 2015 г. против Марин Ле Пен. – URL: <http://ru.rfi.fr/frantsiya/20160116-migrationsion-naaya-statistika-vo-frantsii-za-2015-god-protiv-marin-le-pen> (16.01.2016) (дата обращения: 30.03.2017).

2. Ромашова А.Г. Адаптационная политика Франции по отношению к иммигрантам в XXI веке: выпускная бакалаврская работа по направлению подготовки: 41.03.05 – Международные отношения. – Томск, 2016. – URL: <http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vital:2316>

3. Тавадов Г.Т. Этнология: учебник для вузов. – М.: Проект, 2004. – 352 с.

4. Франция. В поисках новых путей / отв. ред. Ю.И. Рубинский. – М.: Весь Мир, 2007. – 624 с.

5. Agacinski D., Boisson-Cohen M., Deprez-Boudier V., Garner H, Harfi M., Lainé F., Maigne G. Favoriser l'insertion économique des jeunes issus de l'immigration. La note d'analyse // France Stratégie. – 2015. – URL: http://www.strategie.gouv.fr/sites/strategie.gouv.fr/files/atoms/files/na2015_hors_serie2_insertion_jeunes_issus_immigration-web.pdf (дата обращения: 15.04.2015).

6. Algan Y., Dustmann C., Glitz A., Manning A. The Economic situation of first and Second-generation immigrants in France, Germany and the United Kingdom // The Economic Journal. – 2010. – № 120. – URL: <http://www.ucl.ac.uk/~uctpb21/Cpapers/AlganDustmannGlitzManning2010.pdf> (дата обращения: 11.04.2015).

7. Comment sont attribués les logements sociaux? // La Direction Régionale et Interdépartementale de l'Hébergement et du Logement. – URL: <http://www.drihl.ile-de-france.developpement-durable.gouv.fr/comment-sont-attribues-les-logements-sociaux-a2230.html> (дата обращения: 30.03.2017).

8. Cusset P., Garner H., Harfi M., Lainé F., Marguerit D. Jeunes issus de l'immigration: quels obstacles à leur insertion économique. La note d'analyse // France Stratégie. – 2015. – URL: http://www.strategie.gouv.fr/sites/strategie.gouv.fr/files/atoms/files/na26_27022015_bat12_0.pdf (дата обращения: 15.04.2015).

9. *Escafré-Dublet A.* Mainstreaming Immigrant Integration Policy in France: Education, Employment, and Social Cohesion Initiatives. – Brussels: Migration Policy Institute Europe, 2014. – 24 p. – URL: <http://www.migrationpolicy.org/research/mainstreaming-immigrant-integration-policy-france-education-employment-and-social-cohesion> (дата обращения: 25.03.2015).

10. Étrangers – Immigrés. – URL: www.insee.fr/fr/statistiques/2569332?sommaire=2587886 (дата обращения: 05.04.2017).

11. French Integration Policy: Old Goals in New Bottles? / Migration Policy Institute. – URL: <http://www.migrationpolicy.org/article/french-integration-policy-old-goals-new-bottles> (дата обращения: 01.04.2017).

12. Imprimer partager sur Facebook partager sur Twitter partager sur Google+ Le Contrat d'accueil et d'intégration: un parcours obligatoire, condition d'une installation durable / Direction de l'information légale et administrative. – URL: <http://www.vie-publique.fr/actualite/dossier/integration/contrat-accueil-integration-parcours-obligatoire-condition-installation-durable.html> (дата обращения: 01.04.2017).

13. Il faut développer l'«affirmative action» en France // Le Monde. – URL: http://www.lemonde.fr/societe/chat/2009/04/03/discriminations-faut-il-des-statistiques-ethniques_1176462_3224.html (дата обращения: 01.04.2017).

14. Le contrat d'accueil et d'intégration (CAI) // Immigration, asile, accueil et accompagnement des étrangers en France. Ministère de l'Intérieur. – URL: <http://www.immigration.interieur.gouv.fr/Accueil-et-accompagnement/L-accueil-des-primos-arrivants/Le-contrat-d-accueil-et-d-integration> (дата обращения: 25.03.2015).

15. Nombre de chômeurs et taux de chômage des immigrés et des non-immigrés selon le sexe et l'âge en 2014 / Institut National de la Statistique et des Études Économiques. – URL: http://www.insee.fr/fr/themes/tableau.asp?reg_id=0&ref_id=NATnon03346 (дата обращения: 15.05.2016).

16. Projet de loi relatif au droit des étrangers en France // Le Sénat. – URL: <http://www.senat.fr/rap/a15-002/a15-0021.html> (дата обращения: 01.04.2017).

17. *Robin J., Touahir M.* Année scolaire 2014–2015: 52 500 élèves allophones scolarisés dont 15 300 l'étaient déjà l'année précédente / Direction de l'évaluation, de la prospective et de la perfor-

mance // La note d'information. – 2015. – № 35. – URL: http://cache.media.education.gouv.fr/file/2015/79/2/depp-ni-2015-35-eleves-allo-phones-2014-2015_486792.pdf (дата обращения: 15.04.2015).

18. Statistiques et fichiers ethniques: ce que dit la loi // Le site de l'Assemblée nationale. – URL: <http://www.lcp.fr/afp/statistiques-et-fichiers-ethniques-ce-que-dit-la-loi> (дата обращения: 01.04.2017).

REFERENCES

1. *Agacinski D., Boisson-Cohen M., Deprez-Boudier V., Garner H, Harfi M., Lainé F., Maigne G.* Favoriser l'insertion économique des jeunes issus de l'immigration. La note d'analyse // France Stratégie. – 2015. – URL: http://www.strategie.gouv.fr/sites/strategie.gouv.fr/files/atoms/files/na2015_hors_serie2_insertion_jeunes_issus_immigration-web.pdf (data obrashcheniya: 15.04.2015).

2. *Algan Y., Dustmann C., Glitz A., Manning A.* The Economic situation of first and Second-generation immigrants in France, Germany and the United Kingdom // The Economic Journal. – 2010. – № 120. – 30 p. – URL: <http://www.ucl.ac.uk/~uctpb21/Cpapers/AlganDustmannGlitzManning2010.pdf> (data obrashcheniya: 11.04.2015).

3. Comment sont attribués les logements sociaux? // La Direction Régionale et Interdépartementale de l'Hébergement et du Logement. – URL: <http://www.drhl.ile-de-france.developpement-durable.gouv.fr/comment-sont-attribues-les-logements-sociaux-a2230.html> (data obrashcheniya: 30.03.2017).

4. *Cusset P., Garner H., Harfi M., Lainé F., Marguerit D.* Jeunes issus de l'immigration: quels obstacles à leur insertion économique. La note d'analyse // France Stratégie. – 2015. – 16 p. – URL: http://www.strategie.gouv.fr/sites/strategie.gouv.fr/files/atoms/files/na_26_27022015_bat12_0.pdf (data obrashcheniya: 15.04.2015).

5. *Escafré-Dublet A.* Mainstreaming Immigrant Integration Policy in France: Education, Employment, and Social Cohesion Initiatives. Brussels: Migration Policy Institute Europe, 2014. – 24 p. – URL: <http://www.migrationpolicy.org/research/mainstreaming-immigrant-integration-policy-france-education-employment-and-social-cohesion> (data obrashcheniya: 25.03.2015).

6. Étrangers – Immigrés. – URL: www.insee.fr/fr/statistiques/2569332?sommaire=2587886 (02.03.2017) (data obrashcheniya: 05.04.2017).

7. Franciya. V poiskah novyh putej / otv. red. Yu.I. Rubinskij. – M.: Ves' Mir, 2007. – 624 s.

8. French Integration Policy: Old Goals in New Bottles? / Migration Policy Institute. – URL: <http://www.migrationpolicy.org/article/french-integration-policy-old-goals-new-bottles> (data obrashcheniya: 01.04.2017).

9. Il faut développer l'«affirmative action» en France // Le Monde. – URL: http://www.lemonde.fr/societe/chat/2009/04/03/discriminations-faut-il-des-statistiques-ethniques_1176462_3224.html (data obrashcheniya: 01.04.2017).

10. Imprimer partager sur Facebook partager sur Twitter partager sur Google+ Le Contrat d'accueil et d'intégration: un parcours obligatoire, condition d'une installation durable / Direction de l'information légale et administrative. – URL: <http://www.vie-publique.fr/actua-lite/dossier/integration/contrat-accueil-integration-parcours-obligatoire-condition-installation-durable.html> (data obrashcheniya: 01.04.2017).

11. Le contrat d'accueil et d'intégration (CAI) // Immigration, asile, accueil et accompagnement des étrangers en France. Ministère de l'Intérieur. – URL: <http://www.immigration.interieur.gouv.fr/Accueil-et-2.Migracionnaya-statistika-vo-Francii-za-2015-god-protiv-Marin-Le-Pen>. – URL: <http://ru.rfi.fr/frantsiya/20160116-migratsionnaya-statistika-vo-frantsii-za-2015-god-protiv-marin-le-pen> (16.01.2016) (data obrashcheniya: 30.03.2017).

12. Nombre de chômeurs et taux de chômage des immigrés et des non-immigrés selon le sexe et l'âge en / Institut National de la Statistique et des Études Économiques. – 2014. – 2 p. – URL: http://www.insee.fr/fr/themes/tableau.asp?reg_id=0&ref_id=NATnon03346 (data obrashcheniya: 15.05.2016).

13. *Tavadov G.T.* Ehtnologiya. Uchebnik dlya vuzov. – M.: Proekt, 2004. – 352 s.

14. Projet de loi relatif au droit des étrangers en France // Le Sénat. – URL: <http://www.senat.fr/rap/a15-002/a15-0021.html> (data obrashcheniya: 01.04.2017).

15. *Robin J., Touahir M.* Année scolaire 2014–2015: 52 500 élèves allophones scolarisés dont 15 300 l'étaient déjà l'année précédente / Direction de l'évaluation, de la prospective et de la performance // La note d'information. – 2015. – № 35. – 4 p. – URL: <http://cache.media.education.gouv.fr/file/2015/79/2/depp-ni-2015-35->

eleves-allophones-2014-2015_486792.pdf (data obrashcheniya: 15.04.2015).

16. *Romashova A.G.* Adaptacionnaya politika Francii po otnosheniyu k immigrantam v XXI veke: vypusknaya bakalavrskaya rabota po napravleniyu podgotovki: 41.03.05 – Mezhdunarodnye otnosheniya. – Tomsk, 2016. – URL: <http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vital:2316>

17. Statistiques et fichiers ethniques: ce que dit la loi / Le site de l'Assemblée nationale. – URL: <http://www.lcp.fr/afp/statistiques-et-fichiers-ethniques-ce-que-dit-la-loi> (data obrashcheniya: 01.04.2017).

НОВЫЕ ПОДХОДЫ К СОВЕРШЕНСТВОВАНИЮ МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ*

С.В. Рязанцев

*Институт социально-политических исследований РАН,
Российский университет дружбы народов,
МГИМО (Университет) МИД России
(Москва, Россия)*

В статье рассматриваются особенности формирования миграционной политики России от распада СССР до настоящего времени. Отмечается важная роль миграционных процессов в демографическом развитии на протяжении новейшей истории. Дается характеристика миграции на постоянное место жительства, в том числе географии происхождения мигрантов, масштабов миграционных потоков и их социально-демографической структуры. Проанализированы официальные прогнозы численности мигрантов, которых может получить России при

* Исследование выполнено за счет гранта Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 16-33-00051 «Внешняя миграционная политика России: концептуальное обоснование и направления реализации»).

определенных сценариях. Отмечается адекватность времени концептуальных положений современной миграционной политики России, но при этом подчеркивается, что практика реализации решений в миграционной сфере противоречит концепции миграционной политики и потребностям демографического и социально-экономического развития страны. Предлагаются направления совершенствования миграционной политики России на среднесрочную перспективу.

Ключевые слова: *Россия, миграционная политика, трудовая миграция, миграция на постоянное место жительства.*

NEW APPROACHES TO IMPROVING RUSSIA'S MIGRATION POLICY

S.V. Ryazantsev

*Institute for Social and Political Studies of the RAS,
Peoples' Friendship University of Russia,
MGIMO (Moscow State Institute (University)
for International Relations) under the RF Foreign Ministry
(Moscow, Russia)*

The article considers the peculiar features of forming Russia's migration policy in the period from the USSR disintegration up to date, depicts the crucial role of migration processes in the demographic development during the period of modern history, gives account of migration to the permanent place of residence, including the geography of migrants' origin, the scale of migratory flows and their socio-demographic structure. It also analyses official forecasts as to the migrants number that might enter Russia under certain scenarios. The author emphasizes the adequacy of Russia's modern migration policy concept-based ideas, yet, underlining that the practice of implementing solutions in the migration sphere runs counter to the concept of migration policy and the needs of the demographic and socio-economic development of the country. The article comes

out with the areas to improve the migration policy of Russia in the medium term.

Key words: *Russia, migration policy, labour migration, migration to the permanent place of residence.*

Введение. В советский период Россия была практически закрытой для внешней миграции, мало кто прибывал в страну на работу и постоянное место жительства. Распад СССР привел к кардинальным изменениям миграционной ситуации в России – страна стала практически открытой с точки зрения въезда иностранцев. Появился безвизовый режим с большинством стран СНГ, а затем и с некоторыми странами дальнего зарубежья для краткосрочных поездок. Однако, несмотря на видимую открытость, в России остаются достаточно сложными процедуры регистрации и получения разрешения на работу, которые по-прежнему довольно жестко регулируют миграцию иностранных граждан. Вместе с тем в условиях неблагоприятной демографической ситуации и определенного дефицита трудовых ресурсов на российском рынке труда назревает необходимость использования миграции как ресурса демографического и миграционного развития России. Однако пока миграционная политика, а также структуры, ее реализующие, и депутаты, принимающие законы, ее регулирующие, в основном рассматривают миграцию, скорее, исключительно как угрозу национальной безопасности России, но не как компонент развития (Ryazantsev, 2011). В результате многие категории мигрантов, полезные для страны, попадают в рамки миграционных правил, которые порой являются необоснованно жесткими, а иногда и просто противоречат здравому смыслу. Несмотря на это миграционные процессы на протяжении всей новейшей истории России играли важную роль в формировании населения и трудового потенциала страны.

Источники информации и методы исследования. В российской национальной статистике выделяются несколько видов международной миграции, важнейший из которых – миграция на постоянное место жительства. Этот вид миграции фиксируется на основе постановки мигрантов на миграционный учет, а также снятия с миграционного учета. Правила регистрации в стране несколько изменились, и с 2011 г. Росстат считает мигрантами тех, кто прибывает в Россию на 9 и более месяцев. До этого момента мигрантами считались только те, кто регистрируется постоянно (по месту жительства). И вроде бы это изменение улучшило фиксируемость миграционных потоков (были включены временные долгосрочные мигранты), но в то же время нарушило преемственность и сопоставимость статистики с предыдущими годами.

С учетом сказанного отметим, что миграция на постоянное место жительства в 1991–2015 гг. пополнила население Российской Федерации почти на 6,3 млн человек (сальдо миграции), а количество прибытий в страну (иммиграция) была и того выше – на уровне около 10,4 млн человек (Демографический ежегодник, 2015). При этом на всем протяжении 25 лет миграционный прирост оставался положительным и компенсировал частично или полностью сокращение численности населения в результате его естественной убыли, которая отмечалась в стране на протяжении 1992–2012 гг. (Воробьева, Рыбаковский, 2017).

Роль миграции была особенно велика в первое десятилетие после распада СССР. Например, в 1991–1995 гг. Россия получила за счет миграции на постоянное место жительства около 2,1 млн человек, а в следующем пятилетии (1996–2000 гг.) – еще 1,4 млн человек. В 2001–2005 гг. отмечалось сокращение миграционного прироста до 330 тыс. человек. А в последующем снова произошло восстановление миграционного прироста до уровня миллиона человек в пятилетие: за 2006–2010 гг. – 1 млн человек, а за 2011–

2015 гг. – 1,4 млн человек (Численность и миграция населения, 2016).

Главным образом миграционные потоки в Российскую Федерацию происходили из стран бывшего СССР – Украины, Казахстана, Центральной Азии и Закавказья. Роль отдельных стран менялась в разные годы, но в целом в 1990-е гг. это была возвратная миграция этнических русских и представителей российских народов в Россию, а с середины 2000-х гг., по мере исчерпания миграционного потенциала этнических русских в странах СНГ, усилился приток представителей титульных народов бывших союзных республик в Россию (Рыбаковский, 2005).

Основной поток мигрантов приходится на 1990-е гг., причем в тот период особенно велики были масштабы обратного выбытия мигрантов из России. Из более чем 7 млн прибывших в Россию в 1991–2000 гг. обратно выбыло 3,5 млн человек, т.е. примерно половина прямых мигрантов. Среди этих мигрантов преобладали титульные народы России, прежде всего, русские. Сколько прибыло за весь период русских и других титульных для России народов, можно судить лишь по данным до 2007 г., после которого учет мигрантов по национальности был исключен. Так, русских оказалось в миграционном приросте за 18 лет (1990–2007 гг.) свыше 3,6 млн человек. Их наибольший прирост пришелся на 1993–1998 гг. В эти 6 лет он составил 2150 тыс. человек, или почти 60% всего миграционного прироста русского населения (Рязанцев, Письменная, 2017). В 1990-е гг. самый большой миграционный прирост русских оказался из Казахстана – около 2040 тыс. человек, Центральной Азии – около 1400 тыс., Украины – 710 тыс., Закавказья – 440 тыс., Прибалтики – 260 тыс. и Молдовы – 90 тыс. человек. В свою очередь, в тот период Беларусь получила из России свыше 50 тыс. русских. Всего в 1991–2007 гг. русских поселилось в России примерно 6 млн человек (5960 тыс.), а весь миграционный прирост в те годы превысил 6,6 млн человек.

Следовательно, в каждой сотне миграционного прироста тех лет 90 человек были русскими, возвращавшимися на свою историческую родину. Однако в одни только 1990-е гг. примерно 2 млн прибывших русских покинули Россию (Рязанцев, Богданов и др., 2017).

В результате реэмиграционных процессов в России сформировались крупные диаспоры из стран бывшего СССР. Необходимо также отметить, что на протяжении 2001–2011 гг. более 1,6 млн человек только из стран Центральной Азии получили российское гражданство (Рязанцев, Письменная, 2017). Многие из них перешли из категорий трудовых и учебных мигрантов в число постоянных жителей Российской Федерации, пополнив демографический и трудовой потенциал страны (Картирование нерегулируемой миграции, 2015).

Благодаря миграции на постоянное место жительства из стран бывшего СССР в Российской Федерации были в значительной мере «погашены» масштабы депопуляции. Максимальный миграционный прирост в России был зафиксирован в 1994 г. и составил почти 850 тыс. человек. Однако миграция не могла полностью нивелировать естественную убыль населения в России в 1993–2010 гг., в результате чего в эти годы население страны сокращалось. В общей сложности в 1991–2015 гг. естественная убыль населения составила в России более 13 млн человек, из которых 6,3 млн человек компенсировал миграционный прирост населения за эти годы (Рязанцев, Гафурова и др., 2017). Таким образом, внешняя миграция перекрыла половину потерь населения России в результате депопуляции, или, по другим данным, 70% (Демографический ежегодник, 2015).

Тенденции миграции в Россию: факторы, масштабы, регионы-доноры. Прогнозирование миграции населения как компонента демографического развития является наиболее сложным аспектом прогнозов. Основные проблемы прогнозирования вызваны тем, что миграционный при-

рост населения страны формируется в результате взаимодействия иммиграции и эмиграции, которые, в свою очередь, обусловлены различными факторами. Объемы иммиграции в Россию, как и объемы эмиграции из России, обуславливаются межгосударственными различиями в условиях жизни населения и многими другими факторами (привлекательность рынка труда, состояние экономики, социально-политическая обстановка в стране и т.д.) (Рязанцев, Богданов и др., 2017).

С одной стороны, в странах происхождения трудящихся-мигрантов выезд значительного количества трудоспособного населения стимулировали спад производства, низкий уровень заработной платы, высокий уровень безработицы, отсутствие рабочих мест, распространение бедности, избыток трудовых ресурсов. С другой стороны, в России как принимающей стране имеется объемный рынок труда, относительно диверсифицированная экономика, потребность в рабочих во многих отраслях экономики и регионах, более высокий уровень заработной платы, лучшее качество жизни. Такие же различные условия, лежат в основе эмиграции населения из России в развитые страны Европы и Америки.

В 1990-е гг. иммиграцию, а точнее, реэмиграцию в Россию определяла целая группа этнополитических факторов. В Россию прибывало русское и русскоязычное население из стран Центральной Азии и Закавказья. Причинами были гражданские войны, межнациональные конфликты, бытовой национализм, а также сокращение сферы использования русского языка, невозможность карьерного роста, отсутствие перспектив и т.д. В некоторых странах люди преследовались за несогласие с курсом официальных властей, за политические убеждения и пр. Политические конфликты, революции и войны в Кыргызстане, Грузии, Узбекистане и Украине стимулировали миграцию в Россию, прежде всего, этнических русских (Рязанцев, Письменная, 2017).

Самым крупным миграционным донором России на протяжении 1990–2015 гг. являлась Украина, на территории которой проживала значительная численность русского населения. Конфликт между Россией и Украиной, начавшийся в 2014 г. стимулировал приток русского населения в Россию, более миллиона украинских граждан в короткий срок переехали в российские регионы, многие остались в России.

Еще одним крупным миграционным донором для России является Центральная Азия. Миграция из этого региона не только имеет значительные масштабы, но и несет серьезные социально-экономические и демографические последствия. Крупным миграционным потоком из Центральной Азии в Россию является трудовая миграция. В ней ежегодно участвуют от 3 до 4 млн человек (10–16% экономически активного населения региона) (Рязанцев, Письменная, 2017).

Также нужно отметить, что трудовая миграция стала реальной формой экономической интеграции стран Центральной Азии и Российской Федерации, во многом способствовав образованию Евразийского экономического союза (ЕАЭС), включившего Российскую Федерацию, Республику Казахстан, Республику Беларусь, Киргизскую Республику. Потенциально в интеграционное объединение могут войти Республика Таджикистан и Социалистическая Республика Вьетнам. Следует отметить, что беспрецедентные масштабы миграции существенно изменяют ценности, жизненные установки, демографическое поведение населения стран региона, причем населения как посылающих, так и принимающих государств.

По данным ООН, в 2015 г. уже 8,2% населения Российской Федерации было рождено за рубежом, т.е. являлось иммигрантами. Конечно, Россия пока еще далека от многих европейских стран: в Швейцарии эта цифра составляет 29,6%, в Австрии – 17,4%, в Швеции – 16,9%, в Ирландии – 15,8%, в Германии 14,5%. Между тем темпы роста численности иммигрантов в России были на уровне некоторых ев-

ропейских стран, составив в 2010–2015 гг. +0,4%. Это соответствует, например, Германии и Болгарии и близко к показателям Франции (+0,5%) и Бельгии (+0,7%), хотя, конечно, меньше, чем в Норвегии (+3,6%), Швейцарии (+2,9%), Нидерландах (+2,7%), Австрии (+2,2%), Швеции (+2,1%). Мигранты стали заметной частью российского населения. Российская экономика и общество активно извлекают пользу из миграции. Около 2,7 млн разрешений на работу в 2015 г. было выдано иностранцам. Даже там, где есть нулевая квота на привлечение иностранцев (например, в торговле), все равно иностранцы присутствуют. В российских вузах обучаются более 170 тыс. иностранных студентов (Рязанцев, Письменная, 2017).

Более 30 млн русскоговорящего населения, живущего за пределами страны, создали «русскоязычную экономику», масштабы которой сопоставимы с ВВП самой России. Многие из русских мигрантов живут на две страны, имеют два паспорта, но еще сохраняют российское гражданство. В 2007 г. была начата реализация Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению соотечественников, проживающих за рубежом (была утверждена Указом Президента РФ от 22 июня 2006 г.). Это не только важный, но и практически единственно реально работающий механизм привлечения иммигрантов в Россию.

Президентом РФ 14 сентября 2012 г. был подписан Указ, содержащий новую редакцию программы, сделавший ее бессрочной. Целевые параметры объемов иммиграции в Россию были озвучены Президентом страны в одном из посланий: «Нужно будет обеспечить миграционный приток на уровне порядка 300 тыс. человек в год, в первую очередь, за счет привлечения на постоянное жительство в Россию наших соотечественников, проживающих в ближнем и дальнем зарубежье, квалифицированных иностранных специалистов, перспективной молодежи... На новом этапе развития страны мы должны... разработать гораздо более действенный и масштабный набор мер поддержки людей, которые

хотят вернуться на свою историческую Родину...» (Послание Президента РФ, 2015).

Перспективные направления миграционной политики России. В новом столетии российская миграционная политика сконцентрировалась в большей степени на регулировании иммиграции, а также на проблемах вокруг иммигрантов в стране. В основном документе, определяющем стратегию регулирования миграции в России – Концепции государственной миграционной политики РФ на период до 2025 г., подписанной 13 июня 2012 г. Указом Президента РФ, проблема эмиграционного оттока не рассматривалась в принципе. Единственным упоминанием стало предложение во втором разделе документа: «продолжается эмиграционный отток из страны», а «эмигранты» упоминаются только вскользь в контексте возвратной миграции. Между тем Россия является не только крупной принимающей иммигрантов страной, но и государством оттока эмигрантов, прежде всего, ученых и высококвалифицированных специалистов. Таким образом, в перспективе миграционный прирост в России будет зависть от соотношения объемов иммиграции в страну и эмиграции из страны.

Несмотря на наличие двух концепций регулирования миграции (Концепция регулирования миграционных процессов в Российской Федерации от 1 марта 2003 г. и Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 г. от 13 июня 2012 г.), ни в одной из них не содержится конкретных параметров прогнозов по объемам миграционного прироста. В последней концепции в качестве задач декларируется создание условий и стимулов для переселения в Российскую Федерацию на постоянное место жительства соотечественников, проживающих за рубежом, эмигрантов и отдельных категорий иностранных граждан; разработка дифференцированных механизмов привлечения, отбора и использования иностранной рабочей силы; содействие образовательной миграции и поддержка академической мобильности и пр. Но в

этих документах нет конкретных прогнозных параметров иммиграционного прироста в страну.

Демографической политикой миграционный прирост рассматривается только как фактор частичной компенсации потерь населения в результате естественного движения, поэтому его прогнозные оценки носят достаточно ограниченный характер как с точки зрения своих значений, так и с точки зрения представленности в государственных документах. Федеральная служба государственной статистики в демографическом прогнозе до 2030 г. предлагает три варианта прогноза миграционного прироста: низкий – около 200–230 тыс., средний – 300–340 тыс., высокий – 400–500 тыс. человек (табл. 1) (Рязанцев, Богданов, 2017).

Таблица 1

**Варианты прогноза миграционного прироста
Российской Федерации (2017–2030 гг.)**

Год	Низкий вариант прогноза	Средний вариант прогноза	Высокий вариант прогноза
2017	235,8	293,7	375,0
2018	231,3	300,0	393,4
2019	227,5	305,6	408,6
2020	224,7	310,0	421,4
2021	222,1	314,1	432,5
2022	219,7	317,7	442,2
2023	217,6	321,0	451,0
2024	215,6	323,8	458,9
2025	215,0	326,5	466,1
2026	213,4	328,9	472,7
2027	211,9	331,2	478,9
2028	210,6	333,3	484,6
2029	209,2	335,4	490,0
2030	208,1	337,4	495,1

Источник: Федеральная служба государственной статистики. – URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography

В Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 г. (утв. Указом Президента РФ от 9 октября 2007 г.) предполагается обеспечить миграционный прирост на уровне более 300 тыс. человек ежегодно.

Но не только абсолютные величины миграционного прироста важны для демографического развития России. Не менее важны и соотношения параметров иммиграции и эмиграции, а также структура миграционного прироста (географическая, этническая, религиозная, возрастная, квалифицированная). Более предпочтительным для демографической ситуации в России является миграционный прирост, сформированный за счет низкого показателя эмиграции, а структуре иммиграции желательное преобладание мигрантов из стран бывшего СССР, русских и представителей народов России молодых и средних возрастов, квалифицированных специалистов. Однако подобных официальных прогнозов в стране пока не существует, да их при теперешней системе управления миграционными процессами и не может быть.

Очевидно, что нужно «вмонтировать» миграционную политику в стратегию развития российского государства и привести в соответствие с концептуальными посылами миграционной политики практические процедуры и инструменты ее реализации. В том числе следует реализовать следующие направления мер:

– во-первых, нужно увязать миграционную политику с демографической политикой. Демографическая политика новейшего времени направлена на стабилизацию и рост численности населения России. Значит, миграция должна стать одним из компонентов увеличения численности российского населения. Для этого нужно четко выделить целевые группы иммигрантов, которые нужны государству и регионам, и снять бюрократические препятствия на пути предоставления вида на жительство и гражданства. Прежде всего, это соотечественники; трудовые мигранты, давно живущие и хорошо интегрированные в российское общество;

выпускники российских вузов; жены и мужья российских граждан и другие группы мигрантов. Резервы здесь колоссальны. По нашим оценкам, единомоментно мы можем увеличить численность населения страны на 15–20 млн человек за счет легализации этих категорий мигрантов. Некоторые люди живут в России по 20 лет, но не могут приобрести жилье, получить регистрацию, легализоваться, стать полноценными российскими гражданами (Рязанцев, 2017);

– во-вторых, нужно увязать миграционную политику с экономической стратегией развития России. Необходимо четко оценить потребность в иностранной рабочей силе и с учетом внутренних резервов трудовых ресурсов ввести трудовую миграцию в регулируемое русло, используя каналы организованного и целевого набора иностранных трудящихся-мигрантов в странах-донорах. Необходимо снять барьеры на пути трудоустройства иностранных высококвалифицированных специалистов, профессионалов и ученых. Опыт Российской империи (например, при Екатерине Великой) показывает, что привлечение иностранцев (в то время немцев) стимулировало развитие экономики и помогло государству совершить социально-экономический прорыв. В ситуации ухудшения экономики и миграционной обстановки в Европейском Союзе нужно открыть ворота российской миграционной политики для бизнесменов, представителей среднего класса, ученых, специалистов из Европы. Пусть они едут в России, это поможет совершить инновационный прорыв, о котором так долго мечтали наши руководители. А если параллельно улучшить инвестиционный климат, увеличить оплату труда, то могут вернуться еще и многие ранее уехавшие российские квалифицированные специалисты и ученые. Разумно открытая миграционная политика в отношении квалифицированных специалистов в сочетании с привлекательной инвестиционной политикой может стимулировать настоящий модернизационный и инновационный прорыв в развитии экономики России (Рязанцев, 2017);

– в-третьих, необходимо связать миграционную политику с внешней политикой России. Можно даже сказать, что время требует перехода в новое измерение – к концепту «внешней миграционной политики». Под «внешней миграционной политикой» понимают идеологию и механизм активного формирования миграционных потоков, необходимых для социально-экономического и демографического развития России, прежде всего, использование потенциала иммигрантов и ресурса «русскоговорящих сообществ» за рубежом. Первыми «ласточками» «внешней миграционной политики» можно считать программу стимулирования возвращения соотечественников, а также проекты распространения русского языка и развития диалога с диаспорой через структуры Россотрудничества и Фонда «Русский мир». К сожалению, пока элементы данного механизма не всегда эффективны и требуют совершенствования. В вопросах регулирования иммиграции до перехода к идеям «внешней миграционной политики» и вовсе далеко. Пока российское государство только фиксирует потоки и пытается контролировать общины иммигрантов, но отнюдь не формирует иммиграционные потоки и деятельность диаспор в конструктивном направлении (Рязанцев, 2017). К сожалению, растут социально-экономические издержки, связанные с интеграцией иммигрантов в российское общество (возникают конфликты между мигрантами и местным населением, увеличиваются затраты на обучение мигрантов русскому языку и т.д.). Между тем, можно сократить часть издержек по интеграции, перенеся фокус действий миграционной политики за пределы России. Например, можно договариваться со странами – донорами трудовых мигрантов о предвыездной подготовке профессии и русскому языку, а также более тщательно отбирать трудовых мигрантов на конкретные рабочие места в России. Возможно, следует использовать отечественный и зарубежный опыт продвижения русского языка за рубежом, создавать опорные пункты для рекрутинга и

подготовки трудовых и учебных мигрантов. На первом этапе в качестве приоритетных стран для реализации «внешней миграционной политики» России могли бы стать страны Центральной Азии, Закавказья и Вьетнам. Все они являются нашими традиционными миграционными партнерами, исторически и геополитически ориентированы на Россию (Рязанцев, 2017);

– наконец, в-четвертых, России необходимо понять, что реализацией миграционной политики должна заниматься только специализированная самостоятельная структура по управлению миграцией. Причем в качестве сотрудников данная структура должна включать дипломатов, экономистов, специалистов по миграции. Поэтому передача функций по управлению миграцией МВД и ликвидация ФМС как самостоятельной структуры в 2016 г. может рассматриваться «шагом назад» в развитии миграционной политики России. Более эффективно и идеологически верно, если миграцией будет управлять не МВД, а специальное Министерство миграции или миграционная служба.

Заключение. В современной России трансформация миграционной политики и институтов, ее реализующих, существенно отстает от изменений общественной системы, сохраняя значительные черты архаичности, и находится по-прежнему в «силовом» и «коррупционном» полях (Riazantsev, 2013). Несмотря на принятие в целом адекватной времени Концепции миграционной политики в 2012 г., практика реализации миграционной политики выстроена вокруг ограничений и запретов, создания искусственных административных и экономических барьеров на пути получения мигрантами разрешительных документов на работу и гражданство. Между тем российская экономика нуждается в иностранных рабочих и специалистах, система образования – в иностранных студентах, а инновационное развитие требует высококвалифицированных специалистов и профессионалов из-за рубежа. Требуется и население в некото-

рых регионах страны. Социально-экономические и демографические условия в стране требуют более эффективной и адекватной времени миграционной стратегии (Рязанцев, 2017).

Россия занимает шестую часть суши и является первой по площади страной в мире. А по населению она занимает только девятое место на планете. Например, численность населения России в два раза меньше численности населения США. Даже если не рассматривать как потенциальные зоны расселения Север и приравненные к нему территории, наша страна располагает огромными площадями для расселения и развития экономики. Пример Канады показывает, что население можно расселять в более благоприятных зонах, а вахтовыми формами миграции развивать регионы со сложными условиями жизни. В свою очередь, из опыта США видно, что расселение в относительно комфортных районах может иметь равномерный рисунок, охватывая множество городов и агломераций. В России же на этапе перехода от командной экономики к рыночной сложилась система расселения, которая существенно деформирована, а население «сбито» в европейскую часть и несколько крупных городов. При этом гибель промышленности и производства приводит к миграционному оттоку населения из восточных регионов (Сибири и Дальнего Востока) (Рязанцев, 2017).

Многие страны мира извлекли и продолжают извлекать из миграции массу положительных эффектов. А некоторые сделали миграционную политику частью стратегии своего социально-экономического развития. Австралия, Новая Зеландия, ЮАР, США, Канада, Бразилия, Аргентина – это далеко не полный перечень стран, которые возникли и развивались благодаря внешней миграции как принимающие страны. А Испания, Италия, Португалия, Великобритания, Нидерланды, Франция благодаря эмиграции создали целые «диаспоральные государства» за своими пределами и до сих пор используют миграционный фактор в интересах своего дальнейшего развития.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Воробьева О.Д., Рыбаковский Л.Л.* Доминанта миграционной политики современной России // Социологические исследования. – 2017. – № 8. – С. 59–65.
2. Демографический ежегодник России – 2015: статистический сборник. – М.: Росстат, 2015. – 155 с.
3. Картирование неурегулированной миграции в Центральной Азии. – Астана: Международная организация по миграции, 2015. – 220 с.
4. *Рязанцев С.В.* Внешняя миграционная политика как фактор демографического развития России // Социологический альманах ИС НАН Беларусь. – 2017. – № 1. – С. 63–71.
5. *Рязанцев С.В., Богданов И.Я., Храмова М.Н.* Прогнозирование миграции в контексте формирования внешней миграционной политики России // Научное обозрение. Серия 1: Экономика и право. – 2017, февраль. – № 1. – С. 5–12.
6. *Рязанцев С.В., Гафурова Ш.Ш., Смирнов А.В., Тютяев П.П., Филатов И.А.* Иммиграция и эмиграция как компоненты демографического развития России // Научное обозрение. Серия 1: Экономика и право. – 2017. – № 2-3. – С. 16–28.
7. *Рязанцев С.В., Письменная Е.Е.* Результативность внешней миграционной политики и подходы к оценке возможных объемов привлечения мигрантов // Научное обозрение. Серия 2: Гуманитарные науки. – 2017, апрель. – № 2. – С. 7–13.
8. *Рыбаковский Л.Л.* Демографическое будущее России и миграционные процессы // Социологические исследования. – 2005. – № 3. – С. 72–80.
9. Численность и миграция населения Российской Федерации в 2015 году: статистический бюллетень. – М.: Росстат, 2016. – 135 с.
10. *Ryazantsev S.V.* The lingual integration of migrants in Russia: declarations and realities // Life Science Journal. – 2011. – № 11. – P. 139–145.
11. *Riazantsev S.* Russia Needs a New Migration Policy // Russian Politics and Law. – 2013, May-June. – Vol. 51. – Is. 3. – P. 80–85.

REFERENCES

1. Chislennost i migratsiya naseleniya Rossiyskoy Federatsii v 2015 godu: Statisticheskiy byulleten. – M.: Rosstat, 2016. – 135 s. (In Russ.)
2. Demograficheskiy ezhegodnik Rossii 2015: Statisticheskiy sbornik. – M.: Rosstat, 2015. – 155 s. (In Russ.)
3. Kartirovanie neuregulirovannoy migratsii v Tsentralnoy Azii. – Astana: Mezhdunarodnaya organizatsiya po migratsii, 2015. – 220 s. (In Russ.)
4. *Ryazantsev S.* Russia Needs a New Migration Policy // *Russian Politics and Law*. – 2013, May-June. – Vol. 51. – Is. 3. – P. 80–85.
5. *Ryazantsev S.V.* Vneshnyaya migratsionnaya politika kak faktor demograficheskogo razvitiya Rossii // *Sotsiologicheskiy almanah IS NAN Belarus*. – 2017. – № 1. – S. 63–71. (In Russ.)
6. *Ryazantsev S.V., Bogdanov I.Ya., Hramova M.N.* Prognozirovaniye migratsii v kontekste formirovaniya vneshney migratsionnoy politiki Rossii // *Nauchnoe obozrenie. Seriya 1: Ekonomika i pravo*. – 2017. – № 1, Fevral. – S. 5–12. (In Russ.)
7. *Ryazantsev S.V., Gafurova Sh.Sh., Smirnov A.V., Tyutyayev P.P., Filatov I.A.* Immigratsiya i emigratsiya kak komponentyi demograficheskogo razvitiya Rossii // *Nauchnoe obozrenie. Seriya 1: Ekonomika i pravo*. – 2017. – № 2-3. – S. 16–28. (In Russ.)
8. *Ryazantsev S.V., Pismennaya E.E.* Rezultativnost vneshney migratsionnoy politiki i podhody k otsenke vozmozhnykh ob'emov privlecheniya migrantov // *Nauchnoe obozrenie. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*. – 2017, April. – № 2. – S. 7–13. (In Russ.)
9. *Ryazantsev S.V.* The Lingual Integration of Migrants in Russia: Declarations and Realities // *Life Science Journal*. – 2011. – № 11. – P. 139–145.
10. *Ryibakovskiy L.L.* Demograficheskoe budushee Rossii i migratsionnyie protsessyi // *Sotsiologicheskie issledovaniya*. – 2005. – № 3. – S. 72–80. (In Russ.)
11. *Vorobeva O.D., Ryibakovskiy L.L.* Dominanta migratsionnoy politiki sovremennoy Rossii // *Sotsiologicheskie issledovaniya*. – 2017. – № 8. – S. 59–65. (In Russ.)

**IMPORTANCE OF THE ECONOMY
AND LABOR MARKETS FOR THE MANAGING
OF IMMIGRATION AND MIGRANT INTEGRATION –
APPROACHES AND EXPERIENCES
IN GERMANY AND THE EU**

Hans Dietrich von Loeffelholz

*Economic Research
at the Federal Office for Migration and Refugees
(Essen, Germany)*

This paper is presenting the introduction and nation-wide implementation of language courses in Germany as one of the most important aspects of a paradigm change of the immigration and integration policy that was launched twenty years ago. Since 2005, decisive approaches have been followed: managing immigration and integration via learning of and training in the German language and political and social system as well are «two sides of one coin». The results of the new policies are presented: better profiles of the immigrants and better proficiency in German and performance in the labor market. This was also the result of simultaneous harmonization with the labor market and other relevant policy areas. Holding on this reform-course, Germany and the EU seem able to cope with the economic as well as demographic challenges in the future, and also offer an encouraging example for other EU-countries and beyond.

***Key words:** immigration, integration, economy, demography, labor market, policy harmonization.*

Introduction. As the immigration of asylum seekers from the West Balkans and refugees from the war-torn countries around the Mediterranean Sea into Germany reached new peaks with 477,000 persons in 2015 and 746,000 in 2016 (BAMF 2017), the issues of immigration and integration, as well as its demographic and labor market implications, have moved into the center of the political debate.

The policy makers have come more and more under pressure, not only by the public, but also by the German corporate economy and the important Mittelstand. These stakeholders – having been always involved together with the trade unions in the legislation and practice of managing immigration since the WWII – are demanding a new immigration law for economic and particularly short term as well as long term labor market reasons with respect to the increasing global competition of their export-oriented businesses. The Federal Länder and its municipalities are requested to adapt and adjust their social and educational policies to the new wave of immigration into Germany. This indicates the importance of the economy in general, the labor markets, and the social and educational policies, in particular, for the managed migration and language-specific integration of newcomers. In the following, the new approaches and some experiences in Germany and the EU are presented.

The paper is organized as follows: in the next chapter (2), the managed immigration via profound modifications of the German immigration law and the involvement of the economy will be sketched out, with particular respect paid to the learning of and training in the German language. It is followed by the new approach, in place since the middle of the past decade, when immigration and integration have been treated as «two sides of one coin» (3). Then references are made to the harmonization of the inclusive immigration and integration policy with the economic and labor market policy, as well as other important policy areas. Those areas have accompanied the paradigm shift in the migration and integration area (4). The paper closes with a short summary of the results, and with some conclusions for the immigration and integration policy on the national and EU levels (5).

Managed Immigration and the Economy in the short and long-term perspective. With respect to the economic regulation of immigration into Germany, it seems interesting that in the 45 years up to the turn of the millennium, the political meas-

ures have (more or less successfully) managed the in- and out-flows strictly according to the particular requirements of the business cycles* and of the structural change of the industries. This short-term ad-hoc-approach entailed also the so-called «rotation-principle» of labor immigration until the recruitment-stop in the fall of 1973; it terminated the guest worker recruitment program with Italy and Turkey and other countries having been enacted since 1955 (graph 1).

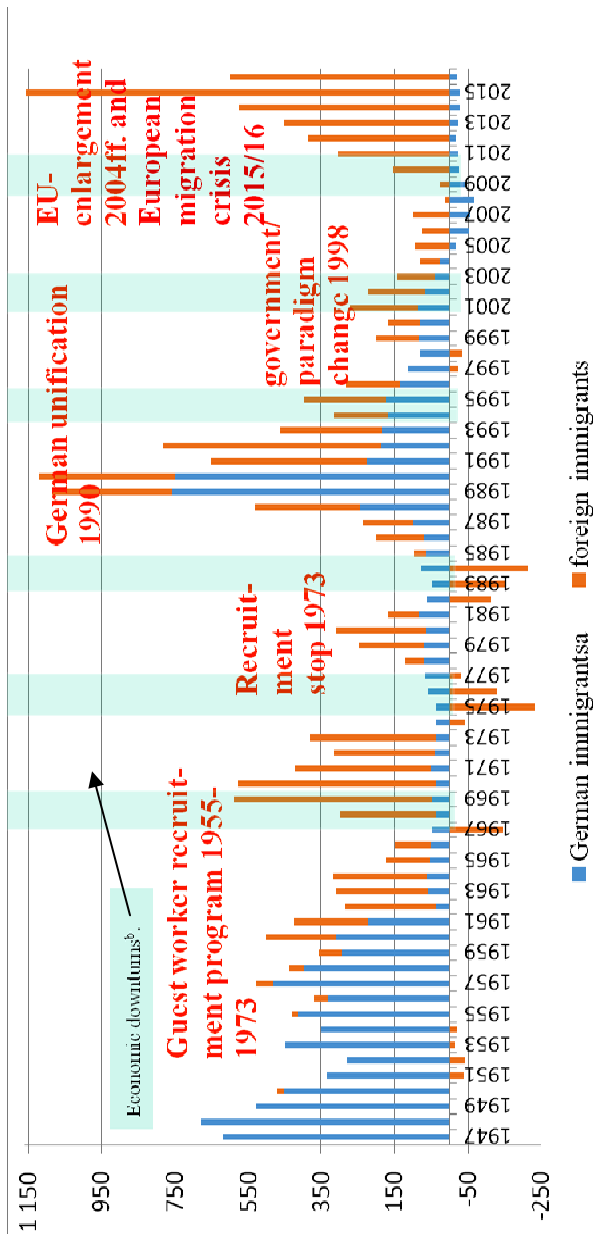
In 1998, an important paradigm-shift took place with the change of the government from Chancellor Kohl to Schröder.

The new government recognized and acknowledged, together with the stakeholders of the economy, that for the first time Germany needed both permanent immigration and integration of mostly highly qualified immigrants from outside the EU. It introduced the Green Card in March 2000 for IT and communication experts in the wake of the dot-com boom, and proposed afterwards a new immigration law that the Bundestag passed in 2004. The legislation contained two important topics:

For the first time, country-wide language integration courses for newcomers, as well as for immigrants already living in the country, were introduced. The policy realized and underlined that the command of the German language is the «key of integration», not only at the workplaces, but also in other areas like kindergarten, schools, and universities. From then, immigration and integration have been seen as belonging together and therefore treated as «two sides of one coin».

Scientifically independent, evidence-based research for evaluating the new law and for advising the policymakers to improve the legislation and to accomplish the targets was introduced. Therefore, the access to more statistical data of immigrants processed by the public administration was opened – an important progression for evaluating the legislative and political measures.

* To the definition and the upswings and downturns in the past 70 years cf. Heilemann/Schnorr-Bäcker, 2017, p. 29ff.

Graph 1. Net-Immigration (immigration minus emigration) into Germany 1947–2016 in the context of the economic and political developments; in 1000 persons

Source: Authors' own exhibit based on the migration statistics, political and economic data. German immigrants have been refugees after the WW II up to the erecting of the Berlin Wall 1961. Between 1985 and 1995 many Ethnic Germany emigrated from the former Soviet Union and other countries of the Eastern Block.

Additionally, there have been many research projects since 2005 under the supervision of the author of this paper (see in detail: <http://www.bamf.de/EN/DasBAMF/Forschung/Ergebnisse/ergebnisse.html?nn=1448616>).

The government played also an active role on the European level; more and more EU-directives for the better management of immigration of highly skilled persons and other immigrants for the labor market, and for scientific, educational, and vocational reasons into the European Union, have been negotiated and passed. Since 2007, more than one dozen of directives proposed by the European Commission according to its responsibility since the EU-summit of Tampere, Finland 1999, have been unanimously confirmed in Brussels by the European Council, i.e. the Heads of States, and Parliament. They have been transposed and implemented in the German legislation, as well in other national laws, within two years each. Since 2012, hundreds of visas for researchers and thousands of EU-Blue Cards for very highly skilled immigrants, students, and entrepreneurs from outside the EU have been issued by German authorities. The procedures for obtaining the required permits have been improved and hastened, by joining the applications for visa and work permits in one hand dubbed «One-Stop-Government». A marketing campaign via the internet portal «Make it in Germany» was launched and implemented in 2012; it addresses the mobile skilled workers from all around the world (<http://www.make-it-in-germany.com>). Each year about 30,000 highly qualified immigrants have taken jobs in Germany and boosted its economy.

It seems remarkable as to what extent the educational, social, and demographic profiles of these immigrants have been studied and analyzed through research in Germany. Interesting particularly are their willingness to stay, to settle down, and to naturalize together with their families, and to what extent there are differences between the highly qualified immigrants from industrialized (i.e. OECD) countries compared with countries from the emerging markets in Europe and Asia. Meanwhile, the immigration and integration research in Germany has been es-

tablished; it has delivered and published important contributions to the political practice through its evaluation by relevant research projects. It contributed to the advising of both the immigration and integration policy by evidence-based studies. The addressees are policy makers, legislators, and executives on the national, as well as on the EU levels.

In the recent public discussion, the topic of the German labor market and social system as magnets for immigrants emerged once more as a very important topic: «Stealing the jobs» and «having their snouts in our trough» (Legrain 2007, p. 133ff) are the usual prejudices. However, detailed cost-benefit-analyses have been carried out in the past two decades, showing that the German society as a whole is profiting by a remarkable surplus of the contributions and taxes paid by immigrants measured against the transfers to them and their using of public goods; the excess of revenues and benefits becomes higher the more qualified the immigrants coming in the country are (Loeffelholz et al., 2004; Hagist et al., 2011 for Germany; Chojnicki, Defoort, Drapier, Ragot, 2011 for France). Therefore, the managing of immigration has been strengthened by the sketched legislation. For securing and enlarging the mentioned surplus, the German anti-discrimination law provides equal treatment in the workplaces, independent of the nationality of the orderly (i.e. authorized) employed employees; it also forbids discrimination for ethnic, religious, gender, and sexual reasons (Kaas, Manger, 2012; Weichselbaumer, 2015).

This also seems necessary because the long-term demand for (highly) qualified employees in the demographic change in Germany is expected to rise remarkably; without immigration, the labor force potential could already decrease in the next 10–20 years, from almost 46 million persons today to only slightly more than 38 million persons in 2027–2037 (more than 6½ million less and -15 percent respectively). It depends on the further digitalization and automatization of the workplaces in the usually strong industry and the development of immigration. Increasingly scarce in Germany are already today the employees

of MENT professions (Mathematical, Engineering, Nature, Technical). The regional, professional and specific bottlenecks are narrowing and the labor shortages for small- and medium-sized enterprises are on the increase.

In order to cope with these challenges, there are internal and external options available. The former consists of better integrating the unemployed, underemployed, and early retirement employees into the labor market, and removing other obstacles for more employment and employability of German and foreign people; the latter, for instance, includes the recruitment of good and high qualified immigrants from in and outside the EU offering attractive labour conditions, dual career programs, and easy access to German citizenship. The relation between the two options should and could be 9:1 for political reasons. It seems noteworthy that Russia is also facing the very serious demographic challenges of the shrinking and ageing of its workforce – the decrease of the population in the working age of 10 million people up to 2030 could be compensated by 5 million labor immigrants according to the medium-scenario projection of the Russian Federal State Statistics (Rosstat; Mokumel, p. 25).

Even in the German case the relatively small part of the equation is difficult to fulfill according to the experience of the past ten years (Loeffelholz, 2016, p. 59 ff). To attract more immigrants, the legislation alleviates the recognition of foreign qualifications since 2012, as an important step and tool to better integration in the labor market. Since the beginning up to 2016 included about 85 500 full and partly recognitions has been certificated. It is an important contribution to the cushioning of the demographically increasing qualified labor shortages in the above mentioned professional MENT-areas or – with other words – a remarkable contribution for avoiding huge cost of non-integration of immigrants who are otherwise under- or unemployed.

Immigration and Integration as «two sides of one coin» and the decisive role of evidence based research. As shown in the graph 1 above, since 2005 more than 3,7 million immigrants have

been arrived and settled in Germany on balance of inflows and outflows. They increased the immigration population in the country – already one sixth of the population as a whole – to almost one fifth (16 million). Having realized and acknowledged that most of these newcomers are settling for a long time and are to remain in the country permanently, the policy learned through scientific studies and projects that the inaction in the decades before means eventually a huge cost of non-integration. It concerns not only the immigrants themselves, but also the whole economy and society. Therefore the policy introduced integration, i.e. language and so called orientation courses that are teaching not only the German language but also information about the social life and the political system in the country. So it was recognized that most of the new as well as older migrants – having been witnessed in the past phases of immigration into Germany since the WW II – will become immigrants into Germany in the shorter or longer time of five to 10 years.

Therefore the new policy obliged every new immigrant and also former immigrants with integration deficits to participate, particularly these persons with difficulties of finding a «normal» job on the labor market. They must earn certification following a successful exam – otherwise they are facing restrictions of their settlement status and of the social transfers.

Since its introduction in 2005 almost 2,3 million participation entitlements for these more and more differentiated language and orientation courses have been issued to the immigrants for participating voluntarily and to such persons obliged by the authorities (cf. table 1).

New immigrants attending by choice got the entitlements, foreigners having been lived for longer time in Germany to participate also by choice as well as Germans, Ethnic Germans having been moved into Germany from the former Soviet Union to participate also voluntarily. Vouchers have also been distributed to new immigrants obliged by the authorities to participate, such as foreigners having been lived in Germany since some years and transfer recipients.

Table 1

**Entitlements for and Participants in Language and Orientation Courses
for Integration and Exams 2005–2016 in 1,000**

Settings	2013	2014	2015	2016	2005–2016
New entitlements for courses	167,5	211,3	283,4	534,6	2262,4
Of which:					
to new immigrants participating by choice	11,3	12,7	19,7	24,3	170,9
to foreigners having been lived for longer time in Germany by choice	87,6	110,9	127,2	222,2	995,3
to Germans participating by choice	5,3	4,5	3,9	2,8	83,4
to Ethnic Germans participating voluntarily	1,5	3,2	3,6	3,9	66,9
to new immigrants obliged to participate	40,3	58,4	104,4	200,8	702,2
to foreigners having been lived in Germany since some years obliged to participate	1,5	1,9	1,7	2,7	76,8
to transfer recipients obliged to participate	19,7	19,5	22,6	78,0	266,8
New participants in the courses	117,3	142,4	179,4	339,6	1658,6
of which attending:					
general courses	91,8	113,9	139,7	249,7	1258,6
general courses for alphabetizing	10,9	13,1	22,0	62,6	198,2
courses for parents and women respectively	9,6	8,5	8,4	8,6	133,6
courses for the integration of young people	3,5	5,3	7,5	15,5	44,5
intensified courses	0,6	0,7	1,0	1,2	5,0
courses for new immigrants obliged to participate	29,3	37,6	60,6	152,1	588,1

Settings	2013	2014	2015	2016	2005–2016
courses for foreigners having been lived in Germany since some years obliged to participate	1,2	1,2	1,4	1,5	58,1
courses for transfer recipients obliged to participate	17,8	14,8	15,8	46,0	184,9
Courses for EU-citizens participating by choice	50,4	65,6	75,0	60,3	280,3a
Participants in the exams	92,6	89,1	114,1	169,8	1049,8
Of which successful	72,1	84,5	98,6	133,1	934,8
with degree					
B1	53,7	50,7	69,0	99,4	589,3
A2	31,3	30,7	36,4	56,9	297,1
B1 degrees in percent of the participants of exams	58,0	56,9	60,5	58,8	56,1
Proportion of females in percent of the new participants in the courses	59,6	56,6	50,8	47,1	60,6
New female participants in the courses in total	70,0	80,6	91,1	115,3	923,8
Public expenditures on the federal level in million EURO	22,5b	28,5b	360b	650b	3,350b

Source: Own compilation based on the Federal Statistics of Integration Courses of the Federal Office for Migration and Refugees (BAMF). Accessible since 2012 roughly estimated based on official budget data and information.

The number of attendees amounted to almost 1,7 in the time observed. They attended general courses or such for alphabetizing, or intensified courses or such for parents and women respectively. Furthermore courses for the integration of young people are offered, courses for furthering the immigrants, courses for new immigrants obliged by virtue of an order from the immigration authorities to attend because of receiving welfare transfers by the state.

A comprehensive infrastructure has been built up by the appropriate institutions of the intermediate education facilities; almost 2,000 institutions have conducted more than 100,000 courses funded by the Federal government. About 275 million EURO per year, on average, has been spent since the launching of the program in the middle of the past decade. Up to 2016 included it amounted altogether 3,35 billion EURO paid for by the Federal Government. One million immigrants participated in the exams and 935,800 closed it successfully with the B1-degree (589,300) or the A2-degree (297,100) of the Common European Framework of Reference for Languages. It was and is a huge investment in the human capital of the immigrants according the leitmotif since the mid of the past decade: «Integration means Investment» coined by the author together with his colleague (Loeffelholz/Köpp, 1997).

As to the refunding of the mentioned investment of 3,35 billion EUR it is important regarding the nearly 950,000 immigrants who have successfully closed their language and orientation exams. It takes indeed some years – estimating between three and five years and depending on their participating in and performance on the labor market in the coming years, before the state is getting back its money by additional taxes, let alone the benefits the social security it getting through higher revenues of social security contributions of the worker and their employers. Already this narrow section of the whole picture refutes the widespread prejudices about the alleged burden for the taxpayers exerted by the immigrants. The experience in Germany is

that after one year ten percent of the immigrants are integrated in the labor market, 50 percent after five years and 70–80 percent after ten years with remarkable ethnic and gender differences.

With respect to the taxpayers who spent the above mentioned 3,35 billion EURO for the numerous courses independent, evidence-based research for the evaluation of the effectiveness and sustainability of the program is essential. Pursuant to the Residence Act as of 2004, the BAMF is also obliged to conduct scientific research on integration issues. At the end of 2006 it established an Integration Panel in order to study the medium- and long-term effects of integration courses. As a result, the research group of the BAMF conceived the project «Integration of participants in integration courses (Integration Panel)» as an empirical longitudinal study. The Panel is the first representative data set which permits to analyze integration processes of participants in integration courses and to further develop integration courses. The most important results include courses that are successful and sustainable, as far as the better labor market participation, employment, and employability of the successful participants are concerned (Schuller et al., 2011).

Importance of economic and labor market policy, as well as other policy areas. The previously mentioned «success story» of the «new» approach in Germany, namely of treating immigration and integration simultaneously, only became possible by the consistency and non-contradictoriness of the migration and integration policy with other concerned policy areas. It concerns foremost the labor market, social, and educational policy, in addition to the citizenship policy. In other words, it makes little sense to offer implementing and conducting integration courses for the immigrants and simultaneously to preserve the rigid labor market for the «insiders» (mostly the resident, domestic people with longer professional careers) and build up high barriers for the «outsiders» (the immigrants and

the youth, particularly with migration background). As to the social policy, the incentives to work should not be hampered by high transfer income in the case of un- or non-employment. As to the educational policy, it seems necessary to invest more in the potentials of the youth, in order to make the young resident people more able than in the past to compete with the newcomers, who are very ambitious and flexible in coping with the challenges of their new environment. In this situation, they require a wage that is lower (so-called reservation wage) compared with the «normal» contracts between the employers and worker and their unions, respectively. Furthermore, is also important to tune the citizenship policy so that the awarding of the German nationality* and the avoidance of dual or multi-citizenship, if possible, is the climax of the successful integration process. The easy and therefore early awarding of the citizenship as in other European states entails the danger of a more or less remarkable non-integration due to the now possible long-term dependence from transfers and benefits (Koopmans 2010, p. 55 ff.).

The German nationality has been awarded in 2015 to 107,317 immigrants into Germany (table 2), of which 79,527 persons came from the indicated countries. The naturalization share with respect to the total foreign population of certain nationality amount to 1,2 percent on average with some remarkable differences between Lebanon (4 percent), Iran and Marocco (3,5 percent each) on the one side and Turkey (1,3 percent) as the most

* According to the German Constitution, Art. 116 the ethnic Germans (in German (*Spät-)Aussiedler*) who have been immigrated into Germany since the mid 1980s (see graph 1 as «German Immigrants») and foremost – after the Iron Curtain broke down and in the wake of the German Unification in 1990 – leaving the former Soviet Union and other east- and south-east European countries in its realm have been recognized as Germans together with their family members independent where they came from. In 2014 almost 3 million persons with this migration background out of 70 million persons with German nationality are living in Germany.

Table 2

Naturalizations in Germany 2015 in total and with holding on to the citizenship of the country of origin

Country of Origin	German Naturalization		Acceptance of Holding on to the Citizenship of the Country of Origin	Acceptance of Dual-Citizenship in percent
	total	Percent of population		
Total	107,317	1,2	58,168	54,2
of which country of origin:				
Turkey	19,695	1,3	3,451	17,5
Poland	5,957	0,8	5,955	100
Ukraine	4,168	3,1	565	13,6
Kosovo	3,822	1,8	307	8,0
Iraq	3,450	2,5	2,743	79,5
Italy	3,406	0,6	3,405	100
Croatia	3,328	1,1	3,280	98,6
Greece	3,058	0,9	3,058	100
Romania	3,001	0,7	2,961	98,6
Afghanistan	2,572	2,0	2,571	100
Morocco	2,551	3,5	2,551	100
Iran	2,533	3,5	2,533	100
Russian Federation	2,329	1,0	219	22,3
Syria	2,027	0,6	2,027	100
Serbia	1,941	0,8	807	41,6
Vietnam	1,929	2,2	117	6,1
Bosnia-Herzegovina	1,719	1,0	135	7,9

Country of Origin	German Naturalization		Acceptance of Holding on to the Citizenship of the Country of Origin	Acceptance of Dual- Citizenship in percent
	total	Percent of population		
Bulgaria	1,619	0,7	1,580	97.6
Lebanon	1,485	4,0	1,484	100
Israel	1,481	n.a.	1,384	93.4
Pakistan	1,393	2,3	157	11.3
India	1,343	1,6	24	1.8
Kazakhstan	1,311	2,9	65	5.0
Brazil	1,174	3,1	1,170	100
Thailand	1,136	2,0	1,120	98.6
Nigeria	1,099	3,0	1,099	100

Source: Federal Office of Statistics.

populous nationality in Germany on the other. The limited interest of EU-citizens in the naturalization in Germany (mostly less than 1 percent) seems to be an indicator that it is not necessary for them because of their legal status with all the rights of equal treatment stipulated in the EU-treaties.

It is remarkable that in more than half of the cases (54,2 percent) the taking on of the German citizenship is taking place without giving up the citizenship of the country of origin. This dual citizenship having been established and accepted by the authorities and the electorate resp. since many years is meanwhile fiercely discussed in the political for also with respect to the campaign for the federal election in Germany in September 2017. The Conservatives are today more than in the past against the dual citizenship for avoiding not only conflicts of loyalties within the immigrants between Germany and their country of origin. It concerns also particularly the about 2,5 million Turkish people in 2015, of which are 1,5 million Turkish citizens and almost 1 million Germans with Turkish migration background when and if «their» country of origin develops to a more authoritarian state neglecting the fundamental human and political rights for which Germany and the whole EU are standing.

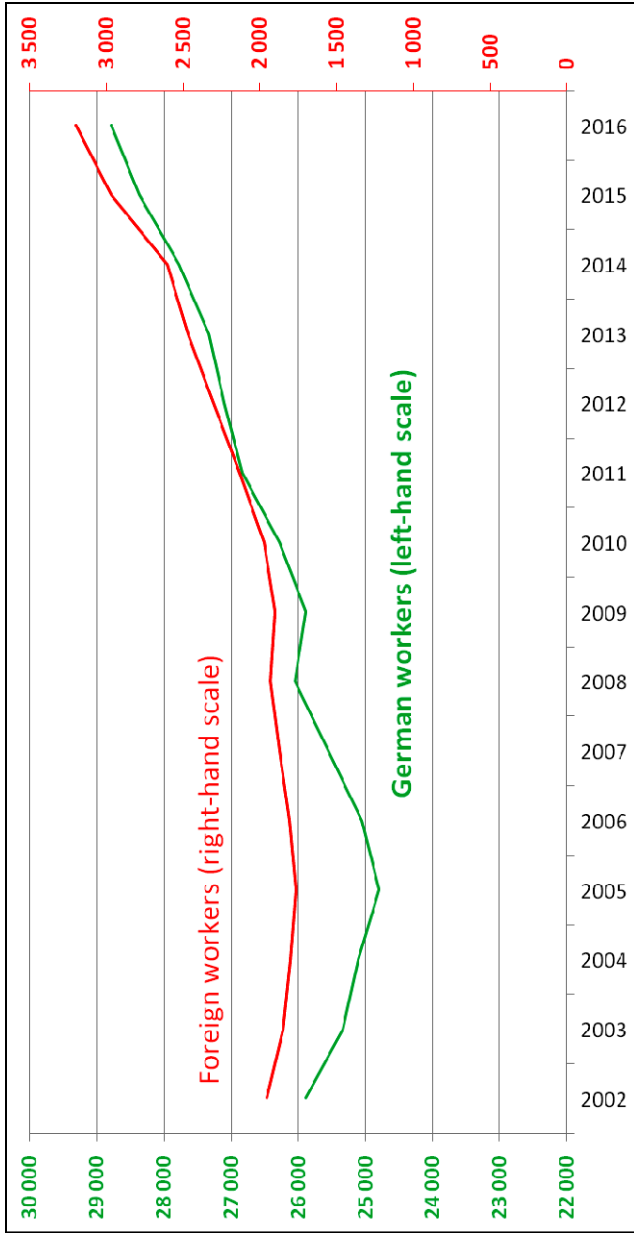
It depends on the performance of the labor market (itself dependent of the national. EU-wide and global short-term business cycle, and the long-term macro-economic and demographic perspectives of the economies) whether and to what extent the (new) immigrants – also with the highest competence in the demanded national language – are competing with resident workers and former immigrants and their children already born and raised in the destination country. In the case of flexibility of the labor market and lots of opportunities and workplaces for new participants there is complementarily of immigrants in addition to the resident workers than their substitutionality and displacement of indigenous people through workers from abroad (see MIPEX 2015 indicating the labor market mobility of immigrants increased from the score of 75 – out of 100 – in 2007 to 86 in

2015^{*}). This is also the main reason for more employment and lower unemployment in Germany where the labor market has expanded to a post-war record peak (jobs) and trough (unemployed persons), respectively, despite the huge influx of immigrants in the past two years (cf. graph 2). And this concerns, above all, the normal labor market (ca. 80 percent of all jobs in Germany) whereas the remaining labor market with precarious unstable low-paid and temporary employments and workplaces is stable with about one fifth of a decade earlier.

The upward mobility from the primary to the secondary sections of the labor market and its higher rungs of the social ladder has been boosted by the so-called «elevator effect»; the resident workers and employees are moving upwards and taking better jobs with more responsibility, supervision and higher wages.

Responsible for the favorable results witnessed in Germany since the decisive «structural» reforms of the Schröder-government 2004/05 are also the macro-economic impulses of the most recent immigration. In 2016 more than one fifth of the real GDP growth of 1,9 percent has resulted from the expenditures of the federal, state and local governments for the accommodation, maintenance, and language training of the refugees and asylum-seekers.

* The MIPEX described the policy changes in its last report of 2015: Since 2011, DE's integration policies have taken 3 steps forward on integration, boosting DE's total MIPEX score by a significant +3 points. DE has taken the lead in Europe to facilitate and support the recognition of foreign qualifications and skills, thanks to its much-praised 2012 Recognition Act. Contrary to earlier assumptions, the labor market integration challenges for high-educated immigrants are not less than for low-educated, but different and, perhaps, even greater... In 2014, DE took the near-final step to embrace dual nationality for the 2nd generation born DE citizens since the 1999 landmark citizenship reform recognized that DE was a country of immigration. DE was the only country with such a restriction for the 2nd generation and is now the only major destination country not yet embracing dual nationality for all immigrants (accessed 24.4.2017).

Graph 2. More employment for all in Germany 2002–2016 in 1,000 workers on the first labor market

Source: Authors' own exhibit based on the labor market statistics.

The mentioned economic impact and the upward movement are also the reasons for remarkable wage increases of the resident people who are enjoying the improvement of their economic situation and perspectives (Legrain, 2007, p. 133 ff). However, many people in Germany, and even more in other EU-countries, especially the «old ones» France, Great Britain, or the Netherlands – bar the most people in the new ones in Eastern Europe like Poland, Hungary, Slovakia and Czech Republic (the «Visegrad»-countries) – are thinking otherwise: They are complaining the economic and societal «cost» of immigration and the increased heterogeneity of their societies but neglecting and suppressing its huge benefits. Such an attitude is partly also the consequence not only of inconsistencies and contradictoriness of the national migration and integration policy but with other concerned policy areas. However, it is also the lack of the evidence-based migration and integration research reaching, addressing, and advising the policy makers and evaluating the concerned legislation that fails to overcome the vested interests.

All in all the German labor market performed very well also because of the immigration of foreign workers. After a deep trough in the middle of the last decade it generated more employment for all for the resident as well for the foreign people (cf. graph 2). Meanwhile it reached every month new record-high levels having never been seen since almost 30 years since the German unification.

Results and conclusions. This paper displays the change of attitudes and paradigm shift in Germany toward an active and inclusive immigration and integration policy born out of the cognition and realization of the policymakers almost twenty years ago that – according to the scientific research – inaction bears great economic and social risks, and high cost of non-integration. It holds not only for the concerned immigrants themselves but also for society as a whole in Germany. Therefore, integration via more differentiated language courses has been treated and funded by the taxpayers, in the magnitude of 3,35 billion EURO since 2005 as a

huge «investment in the future.» The research conducted in the 1990 ff. by the author (Loeffelholz, 1996) hinted and advised the policy makers that the economic and social cost of non-integration will be inevitably be remarkable higher.

The establishment of an evidence-based research and the improvement of the data base and further statistical amendments for evaluating the language courses were an essential part of the introduction and implementation of a rational and efficient migration and integration policy since 2005 and a responsibility against the taxpayer. Simultaneously, structural reforms in the Germany labor market and in the context of social policy have been carried out in order to alleviate and facilitate the integration of the «outsiders» in the society. Therefore immigrants became more complementary to the resident workers instead of mere substitutes. This was and is one important reason for the favorable performance of the German labor market. It seems that the sketched development remains sustainable in the respect to the most recent migration wave into Germany in 2015/16 and also with respect to the populist, digital, and demographic challenges that are surfacing in Germany in the time being and in the next two decades.

The important conclusions drawn from the paper are:

- Following the course of the migration and integration policy of managing the immigration according to economic interests of Germany and the EU accompanied by wide-spread and differentiated integration courses.

- The successful language courses should be expanded and deepened. as well as evaluated by the evidence-based research for better advice of the policy makers and legislators.

- Harmonization of these policy areas with highly relevant areas, particularly with the labor market and social policy, as well as more investment in the educational and professional structures and institutions are needed. Additional investment in the young people brought up inside and outside the country is vital as the technical/digital and demographic challenges in Germany are expected to increase hugely in the next two decades.

▪ For upholding the attractiveness of Germany and the EU as a destination country and the whole region respectively in the increased competition with Asia and the Americas it appears necessary to develop and establish a culture and widespread attitude of recognition and welcoming of ambitious and often qualified immigrants in the societies without neglecting the democratic and humanitarian commitments for asylum-seekers and refugees.

REFERENCES

1. BAMF (Bundesamt für Migration und Flüchtlinge – Federal Office for Migration and Refugees) 2017: Schlüsselzahlen Asyl. – URL: http://www.bamf.de/SharedDocs/Anlagen/DE/Publikationen/Flyer/flyer-schluesselfzahlen-asyl-2016.pdf?_blob=publicationFile (accessed: 16.4.2017).

2. *Chojnicki X., Defoort C., Drapier C., Ragot L.* Migrations et protection sociale, étude sur les liens et les impacts de court et long terme. 2010. – URL: http://droit.univ-lille2.fr/uploads/media/Rapport_Drees_EQUIPPE_V3_02.pdf (accessed: 19.4.2017).

3. *Hagist Ch., Moog S., Raffelhüschen B.* Die fiskalische Nachhaltigkeit der Zuwanderung in Deutschland – Eine Analyse anhand der Generationenbilanzierung // Zeitschrift für Wirtschaftspolitik. – 2011. – № 60 (1). – P. 24–47.

4. *Heilemann U., Schnorr-Bäcker S.* Could the start of the German recession 2008–2009 have been foreseen? Evidence from Real-Time-Data // Journal of Economics and Statistics. – 2017. – № 237 (1). – P. 29–62.

5. *Kaas L., Manger Ch.* Ethnic Discrimination in Germany's Labor Market: A Field Experiment // Germany Economic Review. – 2012. – № 13 (1). – P. 1–20.

6. *Koopmans R.* Der Zielkonflikt von Gleichheit und Diversität // Integration von Zuwanderern, Erfahrungen, Konzepte, Perspektiven / S. Luft, Schimany P. (Hrsg.). – Bielefeld: transcript Verlag, 2010. – S. 55–94.

7. *Legrain Ph.* Immigrants. Your Country Need Them. – London: Little, Brown, 2007.

8. *Loeffelholz H.D. von.* Social and Labor Market Integration of Ethnic Minorities in Germany // Ethnic Diversity in the European La-

bor Markets: Challenges and Solutions / K.F. Zimmermann, M. Kahanec (eds.). – Cheltenham, UK; Northampton, USA: Edward Elgar, 2010. – P. 109–136.

9. *Loeffelholz H.D. von*. Managing Highly Skilled Labor Migration in Germany: Law and Practice // Labor Migration and Migrant Integration Policy in Germany and Russia / M. Rozanova (ed.). – St. Petersburg: St. Petersburg State University, 2016. – P. 59–76.

10. *Loeffelholz H.D. von, Thränhardt D.* Kosten der Nichtintegration ausländischer Zuwanderer. – Düsseldorf: Ministerium für Arbeit, Gesundheit und Soziales, 1996.

11. *Loeffelholz H.D. von, Köpp G.* Integrieren heißt Investieren, Ökonomische Bedeutung der ausländischen Bevölkerung in Rheinland-Pfalz. – Mainz, 1997.

12. *Loeffelholz H.D. von, Bauer Th., New J.H. de, Schmidt Ch.M.* Fiskalische Kosten der Zuwanderung. Endbericht um Forschungsvorhaben des Sachverständigenrates für Zuwanderung und Integration. – Essen: RWI, 2004.

13. *Malahkov V.S.* The phenomenon of New Immigration Countries: Russia's Case in the European Context // Labor Migration and Migrant Integration Policy in Germany and Russia / M. Rozanova (ed.). – St. Petersburg: St. Petersburg State University, 2016. – P. 11–22.

14. MIPEX (Migration Policy Index). 2017. – URL: <http://www.mipex.eu/germany> (accessed: 24.4.2017).

15. *Mokumel V.I.* Labor Migrants in the Context of Russian Demographic, Economic, and Social Development Problems // Labor Migration and Migrant Integration Policy in Germany and Russia / M. Rozanova (ed.). – St. Petersburg: St. Petersburg State University, 2016. – P. 23–31.

16. Labor Migration and Migrant Integration Policy in Germany and Russia / M. Rozanova (ed.). – St. Petersburg St. Petersburg State University, 2016.

17. *Schuller K., Lochner S., Rother N.* Integration Panel, Results of a longitudinal study on the effectiveness and sustainability of integration courses. Federal Office for Migration and Refugees Nuremberg. 2011. – URL: http://www.bamf.de/SharedDocs/Anlagen/EN/Downloads/Infothek/Forschung/Forschungsberichte/fb11-integrations_panel-kurzfassung.pdf?__blob=publicationFile (accessed 17.04.2017).

18. Weichselbaumer D. Beyond the Veil: Discrimination against Female Migrants Wearing a headscarf in Germany // Working Paper. – University of Linz. – 2015.

ФИНАНСОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ТРАНСГРАНИЧНЫХ ДЕНЕЖНЫХ ПОТОКОВ, СВЯЗАННЫХ С МИГРАЦИЕЙ

М.К. Султанова

*Московский государственный
гуманитарно-экономический университет
(Москва, Россия)*

Ш.Ш. Султанова

*Российский университет дружбы народов
(Москва, Россия)*

В статье рассматриваются основные финансово-экономические аспекты трансграничных денежных потоков, связанных с миграцией. На основе сравнительной характеристики положительных и негативных последствий миграции предпринята попытка оценки значимости денежных переводов мигрантов для социально-экономического положения развивающихся стран. В русле основных тенденций мировой экономической системы дана оценка экономическим последствиям миграции из ряда стран Центральной Азии как наиболее чувствительных к внешним шокам. Отмечена необходимость разработки и реализации единой межгосударственной стратегии в области миграции для получения синергетического эффекта в управлении трудовыми ресурсами.

***Ключевые слова:** миграция, денежные переводы, трансграничные переводы, внешние шоки.*

FINANCIAL AND ECONOMIC ASPECTS OF CROSS-BORDER CASH FLOWS, CONNECTED WITH MIGRATION

M.K. Sultanova

*The Moscow State Humanitarian and Economic University
(Moscow, Russia)*

Sh.Sh. Sultanova

*Peoples' Friendship University of Russia
(Moscow, Russia)*

This articles reviews the main financial and economic aspects of cross border cashflow tied to migration. An attempt to evaluate the importance of international money transfers to local economic and social institutions in poor countries, has taken place by comparing pros and cons of the migration cash flow. Based on the trend of the world economics, an assessment on number of Central Asian countries has shown as they are the most sensitive to the world economic changes. Need for developing and implementing unified interstate strategy for migration to obtain synergetic effect in managing workforce has been noted.

Key words: *migration, international money transfers, external factors.*

Введение. Развитие процессов глобализации наряду с ускорением движения финансового капитала и технологий, расширения рынков труда усиливает миграционные процессы. Возрастание миграционных потоков и постоянное увеличение трансграничных денежных переводов физических лиц для экономик развивающихся государств становятся все более значимым фактором наряду с прямыми иностран-

ными инвестициями или зарубежной помощью в целях развития.

Тема миграции носит универсальный характер, она не только системна, но и интегративна по своей природе. Это в большей степени касается внешней миграции, исследование которой актуально как для развитых государств с демографически «стареющим» населением, так и для менее благополучных стран и территорий с избыточными трудовыми ресурсами (Dolzjikova, Moseikina, Vladimirsky, 2016).

В связи с этим чаще происходит перемещение населения из бедных стран в более развитые, а движение личных переводов мигрантов – преимущественно в обратном направлении. Мировой опыт свидетельствует, что данное явление, сопровождаемое встречным движением трудовых и финансовых ресурсов между странами с разным уровнем развития, способно породить и острые социально-экономические проблемы. Хотя правительства стран достигли некоторого прогресса в ориентировании потоков мигрантов и их денежных переводов на благо развития, эти усилия могли бы быть более значительными. Особенно это касается реализации государственного подхода к финансовым аспектам миграции и регулированию денежных трансфертов мигрантов.

В то же время проблемы миграции решаются странами преимущественно собственными усилиями и только с учетом решения внутренних краткосрочных задач. До сих пор не разработана и не проводится единая миграционная межгосударственная стратегия, механизмы и инструменты которой должны быть логически встроены в миграционную политику стран и рассматриваться сквозь призму основных целей финансовой стратегии. Такой подход позволит выявить наиболее выгодные направления межгосударственного сотрудничества и акцентировать усилия в достижении синергетического эффекта (Арефьев, Султанова, 2017).

Обзор литературы. Несмотря на достаточно обширные исследования проблем миграции, социально-экономические аспекты движения трансграничных денежных потоков, связанных с данным явлением, остаются практически малоисследованными.

В фундаментальных трудах, авторами которых, в частности, являются Ж. Зайченковская и В.А. Ионцев, освещаются в основном социально-экономические аспекты миграции с точки зрения ее влияния на рынок труда и демографическую ситуацию. Например, в трудах С.В. Рязанцева и А.В. Топилина, как правило, дается описание социокультурной среды и политико-правового положения мигрантов и изменений законодательства с целью регулирования потока мигрантов в принимающей стране.

Ведущими западными исследователями Дж. Саймоном, В. Бенингом, Д. Берксом и др. международная миграция населения в большей мере рассматривается с точки зрения регулирования рынка труда, ее экономических, демографических и социальных аспектов. Но практически не исследуются последствия миграции в условиях финансиализации экономики, в частности, влияние трансграничных потоков денежных переводов физических лиц на макроэкономические показатели бедных стран.

Целью данной статьи является рассмотрение роли трансграничных денежных переводов мигрантов как панацеи от бедности или ловушки, в которые загоняют себя страны – поставщики рабочей силы. В соответствии с этим в основу решения поставленной задачи положены методы сравнительного анализа статистики денежных переводов физических лиц.

Оценка эффекта трансграничных денежных переводов. В области статистики денежных переводов, начиная с середины 2000-х гг., произошли существенные концептуальные изменения, связанные, во-первых, с заметным увеличением потоков разных форм миграции; во-вторых, рас-

пространением и удешевлением денежных переводов. Эти изменения сопровождаются становлением и повышением качества учета трансграничных денежных переводов.

Тем не менее для организации качественного статистического наблюдения за переводами мигрантов использование подходов, применяемых в научных работах, затруднительно по ряду причин.

Во-первых, в различных странах для раскрытия причинно-следственной взаимосвязи в миграционных процессах используют разные пространственно-временные и социальные критерии.

Во-вторых, существуют объективные трудности, связанные с выделением потоков в денежной и неденежной форме, а также с учетом расходов мигрантов в стране пребывания и различных трансакций, связанных с потоками, идущими через неформальные каналы, личными покупками через родственников, получением подарков и т.п.

Для построения платежного баланса стран используют данные источники информации о денежных переводах физических лиц, среди которых выделяют международные системы учета, основанные на отчетности операторов денежных переводов, баков и других финансовых институтов. В то же время эти источники не включают блок вопросов, связанных с определением объемов переводов в неденежной форме, выявлением особенностей предпринимательских трансфертов, установлением цели расходов домохозяйств и др.

Эти вопросы, как правило, включаются в косвенные оценки, выполняемые на основе обследования бюджетов домашних хозяйств и привлечения данных об использовании рабочей силы с применением математических моделей.

По методологии Всемирного банка показатель «трансферты денежных переводов» формируется из трех компонентов платежного баланса:

1) денежные переводы работников, в частности, трудовых мигрантов, проживающих в принимающей стране более одного года, независимо от их иммиграционного статуса;

2) оплата труда работников и другие платежи в пользу сезонных, временных и приграничных рабочих, пребывающих в принимающей стране;

3) трансферты, связанные с миграцией, представляющие собой денежный эквивалент стоимости имущества и финансовых активов мигрантов, перемещаемых через границу.

Согласно ежегодной статистике Всемирного банка, число мигрантов в 2008 г. составило 3% от населения планеты, а к 2015 г. – 4% (250 млн чел.). При этом общая сумма денежных переводов мигрантов достигла новой рекордной отметки – около 600 млрд дол., из которых 70% ушло в развивающиеся страны. По оценкам того же источника, при сохранении такой тенденции вполне ожидаемо удвоение числа международных переселенцев к 2050 г.

В роли основных источников средств выступают такие центры притяжения мигрантов, как США, Канада, Россия, Австралия, страны Западной Европы, Азиатско-Тихоокеанского региона, нефтедобывающие страны Ближнего Востока и ряд других.

Важным аспектом миграционных процессов является их неоднозначное влияние на социально-экономическую обстановку стран и назревание проблем, которые без специальных исследований невозможно своевременно обнаружить и дать им оценку (Топилин, 2016).

Тем не менее истории известны и случаи совпадения интересов стран и достижение гармонии в их взаимоотношениях. Классическим примером является освоение Нового Света. Сложившиеся обстоятельства в тот момент (избыток трудовых ресурсов в Европе и потребность Америки в них, а также мотивация мигрантов в более высоком уровне жизни) полностью отвечали интересам сторон.

Обращают на себя внимание масштабы переводов мигрантов из развивающихся стран. По своему объему они превосходят другие источники внешнего финансирования и даже в период кризиса резко не сокращаются, в отличие, например, от прямых иностранных инвестиций или внешней помощи (рис. 1).

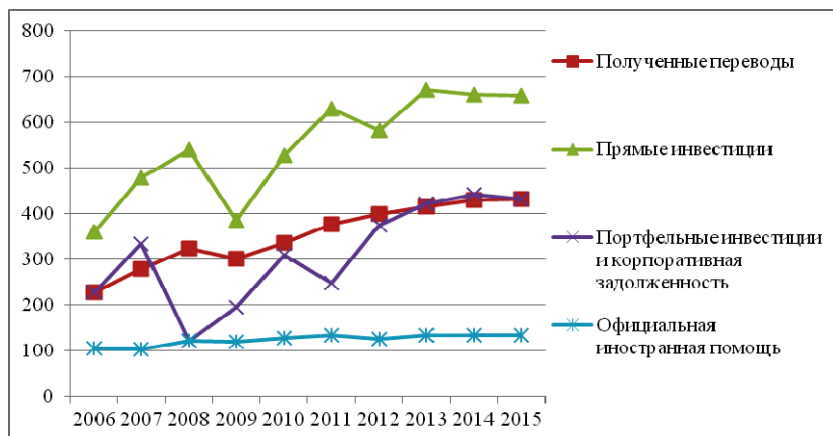

Рис. 1. Денежные переводы и другие источники внешнего финансирования развивающихся стран

Источник: составлено авторами на основе данных Всемирного банка // Всемирный банк 2006. – URL: <http://www.vsemirnyjbank.org/ru/news/feature> (дата обращения 09.05.2017).

Для большинства стран денежные переводы как важный источник валютных поступлений, превосходят их доходы от основных статей экспорта и покрывают значительную часть импорта. Так, по данным Всемирного банка, в 2013 г. в Эквадоре объем поступающих денежных переводов в 2,3 раза превышает объем валютных резервов, в Индии – эквивалентен почти 25% валютных резервов, во Вьетнаме приближается к выручке от экспорта нефтепродуктов, в Филиппинах – превышает выручку от экспорта.

С точки зрения социально-экономического эффекта, растущая трансграничность денежных переводов физических лиц имеет как положительный эффект, так и негативные стороны.

В табл. 1 приведены некоторые факторы двойственности миграции для принимающих и предоставляющих рабочую силу стран.

Таблица 1

**Социально-экономические последствия миграции
и трансграничных денежных перечислений**

Страна	Положительные последствия	Негативные последствия
Предоставляющая рабочую силу мигрантов	Снижение бедности и социальной напряженности в обществе	Поощрение культуры иждивенчества, увеличение экономического неравенства и коррупции
	Увеличение потребления и стимулирование совокупного спроса	Отсутствие стимулов к развитию внутреннего производства и созданию рабочих мест
	Возможность привлечения новых инвестиций	Непродуктивное использование трудовых и денежных ресурсов
	Увеличение инвестиций в человеческий капитал	Заметное влияние негативных внешних шоков на динамику денежных переводов
	Как стабильный источник поступления иностранной валюты в условиях открытости рынков денежные переводы компенсируют спрос на валюту	Вместо создания рабочих мест и условий достойного труда государство поощряет экспорт рабочей силы
	Расширение банковских услуг и страхования денежных переводов	Девальвация полученных доходов из-за снижения денежных переводов в долларовом выражении

Страна	Положительные последствия	Негативные последствия
Принимающая рабочую силу (реципиент)	Компенсация естественной убыли населения и смягчение тяжелых последствий дефицита экономически активного населения	Усугубление проблем бедности и экономического неравенства
	Импорт налогоплательщиков и облегчение налогового бремени	Увеличение объемов вывозимого из страны денежного капитала
	Снятие региональных и отраслевых диспропорций в социально-экономическом развитии	Замедление роста экономики
	Развитие звеньев финансовой системы (банковской, страховой)	Социальная напряженность в обществе

Источник: составлено авторами на основе обзора литературы.

Таким образом, исследования миграции теснейшим образом связаны не только с экономическими, но и с социальными, политическими, духовными, культурными, идеологическими и другими аспектами общественной жизни.

В связи с этим важно отметить, что в странах, представляющих трудовых мигрантов, культура миграции, подпитывая культуру иждивенчества, вызывает сильную зависимость не только у населения, но и у экономики страны в целом. Из-за отсутствия у экономических агентов возможности выбора рабочих мест, да и не желая работать за плату, которая намного ниже в принимающих странах, происходит еще большее замедление экономического роста и усиление миграции.

Миграционные процессы в странах СНГ. Наиболее интенсивно миграционные процессы происходят в бывших

союзных республиках. Половина из них вошла в число лидеров по объемам полученных денежных переводов или их доле в ВВП, а Россия – в список стран – источников переводов.

Учитывая негативные социально-экономические последствия структурных реформ, проводившихся в последние 30 лет, следует отметить проциклическую зависимость экономики этих стран от внешних факторов, в частности, снижение экспортного потенциала страны, зависимой от мировых цен на энергоносители, от иностранной рабочей силы или денежных переводов, негативно влияет на занятость, стимулирует инфляцию и усиливает экономический спад (Цветков, Мусаев, Горина, 2011).

Для России финансово-экономические эффекты миграции становятся все более актуальными, так как она является страной и посылающей мигрантов в более развитые страны, и принимающей их от стран СНГ и дальнего зарубежья.

По материалам Банка России, в 2016 г. трансграничные переводы из страны выросли на 2,3% в годовом выражении и составили почти 36 млрд дол., в том числе более 10 млрд – переводы в страны СНГ. Из-за границы Россия получила переводы на сумму 18,4 млрд дол., что на 1,1% меньше, чем в предыдущем году. Из этой суммы переводы из стран СНГ составили 2,8 млрд дол., а из дальнего зарубежья – 15,6 млрд дол.

Рассмотрим более подробно динамику денежных переводов из России за период с 2008 по 2016 г. (табл. 2).

Как видно из табл. 2, резкое сокращение переводов в страны дальнего зарубежья (более чем в два раза по сравнению с 2008 г. (3,452 млрд дол.)) произошло в 2015 г. (7,761 млрд дол.). На долю этих стран в предкризисный период (до 2015 г.) приходилось более половины всех переводов. После 2015 г. по этому показателю страны СНГ вышли вперед, и их доля за последние два года достигла почти 70% от всех переводов.

Трансграничные денежные перечисления физических лиц из России
(сумма переводов нерезидентов, млн дол.)

Страна	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2012 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.
Всего по странам	15 489,3	10 672, 0	12 685,0	18 327,1	19 163,0	10 508,0	11 116,2
Страны дальнего зарубежья	7761,0	5641,3	6781,5	6613,1	6633,0	3452,0	4328,8
Страны СНГ	7728,4	5030,6	5903,5	11 714,0	12 529,0	7056,0	6787,3
Киргизия	690,7	497,5	575,8	694,2	1195,0	838,0	1170,7
Молдова	645,3	402,4	438,6	798,1	860,0	405,0	273,7
Таджикистан	1460,7	931,0	1142,2	2548,9	3009,0	1669,0	1547,9
Узбекистан	1725,7	1109,1	1464,9	4879,6	4893,0	2625,0	2413,4

Источник: составлено авторами на основе данных Банка России // Банк России 2008/2016. – URL: <https://www.cbr.ru/statistics> (дата обращения: 08.10.2017).

Тем не менее вследствие кризиса и ужесточения миграционной политики переводы в страны СНГ сократились в 2015 г. на 43,7%, а в 2016 г. на – 3,4%. Ухудшение ситуации в России было вызвано серьезным ужесточением миграционного законодательства, падением цен на нефть, высоким уровнем девальвации рубля и рядом структурных факторов экономики.

В результате внешние шоки значительно сократили денежные переводы мигрантов из Молдавии и стран Центральной Азии. Пик переводов в эти страны приходится в докризисный 2014 г.: Киргизия – 1,2 млрд дол., Таджикистан – 3,0 млрд, Узбекистан – 4,89 млрд дол. В 2015 г. денежные переводы в Таджикистан сократились на 44,3%, в Узбекистан – на 46,0%, в Киргизстан – на 30,0%, а в 2016 г. в Таджикистан – на 7,3%, в Узбекистан – на 8,1%.

В целом, несмотря на влияние финансово-экономических кризов 2008 и 2014–2015 гг., денежные переводы из России имеют тенденцию к возрастанию.

Влияние миграции на макроэкономические показатели стран Центральной Азии. О масштабах влияния миграции на макроэкономические показатели можно судить по уровню денежных переводов к ВВП страны. По данному показателю среди стран СНГ устойчивое лидирующее положение занимают Таджикистан и Киргизия. Так, по данным Банка России, в отдельные годы доля денежных переводов в ВВП Таджикистана достигала 49,6%, Киргизии – 31,1%.

Высокая чувствительность макроэкономических показателей в этих странах внешним проциклическим трендам вызвана, прежде всего, низким объемом ВВП в целом и на душу населения в частности. Мощным индикатором экономической ситуации здесь становится динамика мировых цен на базовые ресурсы и обменного курса национальной валюты принимающей страны. Социально-экономические проблемы общества (наличие рабочих мест, удовлетворение по-

требительского спроса и др.) решаются за счет массовой миграции и импорта товаров. Иными словами, базовые и потенциальные ресурсные возможности страны направлены на поддержание экономики зарубежных государств. Несомненно, эти обстоятельства несут серьезную угрозу не только экономической безопасности, но и политическому суверенитету стран.

По оценкам Всемирного Банка, с ростом денежных переводов мигрантов связано, по крайней мере, снижение доли показателей бедности в Таджикистане с 72% в 2003 г. до 54% в 2007 г., а в Киргизстане с 50 до 35% за тот же период, а также резкий рост ВВП в странах Центральной Азии.

В целом степень положительного влияния денежных перечислений мигрантов зависит от того, каким образом они перераспределяются в стране – поставщике рабочей силы. С оптимистической точки зрения следует ожидать, что переводы стимулируют инвестиции, а с пессимистической – используются в текущем потреблении домохозяйств.

Изучению экономического эффекта миграции посвящен ряд работ, в частности, исследования Национального банка Киргизстана в 2015 г., экспертной группы Gallup по Центральной Азии в 2012 г., работы М. Клемента по Таджикистану в 2011 г.

На основе выборочного исследования домохозяйств Национальным банком Киргизстана сделан вывод о том, что в стране инвестиционный потенциал денежных переводов мигрантов реализуется частично (строительство – 1%, образование и здравоохранение – 0,7%, товары длительного пользования – 2%), что значительно ниже, чем в таких странах, как Китай, Мексика, Колумбия и Гватемала (iom.kg).

Исследования М. Клемента показали, что переводы увеличивают долю текущего потребления домохозяйств на 1,7% и уменьшают долю инвестиций в той же пропорции, а расходы на образование и здравоохранение зависят в основном от внутренних денежных переводов (Clément, 2011).

Такие же выводы получены и группой Gallup: доходы в виде денежных переводов используются непродуктивно с точки зрения развития человеческого капитала в странах Центральной Азии. Так, 63% респондентов ответили, что деньги в основном идут на текущее потребление: на образование – 2%, на открытие своего дела – 3%, на сбережения – 3% (news.gallup.com).

Заключение. В теории и на практике денежные переводы трудовых мигрантов рассматриваются как важнейший элемент, связывающий экономику и миграцию в мировом масштабе. Они выступают крупным, устойчивым и антициклическим источником внешнего финансирования для многих бедных стран, имеют колоссальное значение для сокращения безработицы и борьбы с бедностью. Однако их развивающая роль крайне низка, прежде всего, потому, что миграция имеет краткосрочный эффект и рассчитывать на решение стратегических задач развития стран с ее помощью не приходится.

Несмотря на то что трудовая миграция преимущественно представляет собой возвратный поток рабочей силы, ее определенная часть остается в принимающей стране. Именно эта часть зачастую имеет стабильный и растущий трудовой, интеллектуальный и денежный потенциал, который вряд ли будет инвестирован в поставляющую мигрантов страну.

Кроме того, существует некий оптимальный минимум количества мигрантов как для передающей, так для принимающей страны, при достижении которого, согласно эффекту масштаба, начинает преобладать влияние негативных последствий миграции (см. табл. 1).

На основе вышеизложенного следует вывод о том, что проблемы миграции имеют комплексный характер, и страны в одиночку эффективно решать проблемы нехватки рабочей силы или денежного капитала для развития своего потенциала не смогут. Во главу угла поставлен человек с его потребностями и способностями. Поэтому пока правительства стран не найдут способ эффективного использова-

ния человеческого капитала во имя его же воспроизводства, говорить о росте и уж тем более о социально-экономическом развитии сложно.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Арефьев А.А., Султанова Ш.Ш.* Программно-целевое планирование в системе региональной политики государства // Вектор экономики. – 2017. – № 3 (9). – С. 16–23.

6. Банк России: Официальный сайт. – URL: <https://www.cbr.ru/statistics/?prtid> (дата обращения: 08.10.2017).

3. Всемирный банк: Официальный сайт. – URL: <http://www.vsemirnyjbank.org/ru/news/feature/2013/10/02> (дата обращения: 09.08.2017).

2. Кыргызстан: расширенный миграционный профиль. – URL: <http://iom.kg/wp-content/uploads/2016/09/Migration-Profile-Extended-Kyrgyzstan-Rus-2010-2015.pdf> (дата обращения: 19.07.2017).

4. Рынок международных денежных переводов. – URL: <https://dcenter.hse.ru/data/2017/01/31/1114338513> (дата обращения: 18.08.2017).

5. *Топилин А.* Миграция и внутренний рынок труда: анализ и проблемы регулирования // Экономист. – 2014. – № 11. – С. 73–82.

7. Трудовая миграция не всегда окупается для мигрантов СНГ. – URL: <http://news.gallup.com/poll/159572> (дата обращения: 16.06.2017).

8. *Цветков В.А., Мусаев Э.Т., Горина С.А.* Основные тенденции социально-экономического развития России: проблемы и перспективы // Модернизация России: социально-гуманитарные измерения / под ред. Н.Я. Петракова; Российский гуманитарный научный фонд. – СПб, 2011. – С. 238–248.

9. *Clément M.* Remittances and Household Expenditure Patterns in Tajikistan: A Propensity Score Matching Analysis // Asian Development Review. – 2011. – № 2. – P. 58–87.

10. *Dolzikhova A.V., Moseikina M.N., Vladimirsky I.* The educational policy strategy on foreign citizens coming to the Russian Federation, as a factor of their socio-cultural adaptation and integration // International Journal of Environmental and Science Education. – 2016. – № 9. – Vol. 11. – P. 2619–2634.

REFERENCES

1. *Arefyev A.A., Sultanova Sh.Sh.* Program and target planning in the system of regional policy of the state // *An economy Vector*. – 2017. – № 3 (9). – P. 16–23.
2. Bank of Russia: Official site. – URL: <https://www.cbr.ru/statistics/?prtid> (date of the address: 10.8.2017).
3. *Clément M.* Remittances and Household Expenditure Patterns in Tajikistan: A Propensity Score Matching Analysis // *Asian Development Review*. – 2011. – № 2. – P. 58–87.
4. *Dolzhikova A.V., Moseikina M.N., Vladimirsky I.* The educational policy strategy on foreign citizens coming to the Russian Federation, as a factor of their socio-cultural adaptation and integration // *International Journal of Environmental and Science Education*. – 2016. – № 9. – Vol. 11. – P. 2619–2634.
5. Kyrgyzstan: expanded migration profile. – URL: <http://iom.kg/wp-content/uploads/2016/09/Migration-Profile-Extended-Kyrgyzstan-Rus-2010-2015.pdf> (date of the address: 7.19.2017).
6. Labor Migration not always pay off for migrants of the CIS. – URL: <http://news.gallup.com/poll/159572> (date of the address: 6.16.2017).
7. Market of the international money transfers. – URL: <https://dcenter.hse.ru/data/2017/01/31/1114338513> (date of the address: 8.18.2017).
8. *Topilin A.* Migration and domestic market of work: analysis and problems of regulation // *Economist*. – 2014. – № 11. – P. 73–82.
9. *Tsvetkov V.A., Musayev E.T., Gorina S.A.* Main tendencies of social and economic development of Russia: problems and prospect // *Modernization of Russia: social and humanitarian measurements* / ed. by N.Ya. Petrakov's; Russian humanitarian scientific fund. – St. Petersburg, 2011. – P. 238–248.
10. World Bank: Official site. – URL: <http://www.vsemirnyjbank.org/ru/news/feature/2013/10/02> (date of the address: 8.09.2017).

Раздел 3
**ИНТЕГРАЦИЯ И АДАПТАЦИЯ МИГРАНТОВ:
ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ И ЯЗЫКОВОЙ АСПЕКТЫ**

**ИНТЕГРАЦИЯ ДЕТЕЙ МИГРАНТОВ
В ОБРАЗОВАТЕЛЬНУЮ СРЕДУ
МОСКОВСКОГО РЕГИОНА**

А.В. Должикова, Л.А. Букалерева

*Российский университет дружбы народов
(Москва, Россия)*

В настоящее время в школах Москвы, как и в других российских мегаполисах, 30–50% обучающихся составляют дети мигрантов. Несмотря на протяженную по времени дискуссию, до сих пор не достаточно урегулирован вопрос правового положения детей мигрантов, в том числе право таких детей на образование. В целом дети мигрантов имеют одинаковые права с детьми российских граждан, однако наличие языковых, организационных проблем у родителей таких детей и учителей в школах усложняют социокультурную, образовательную адаптацию детей новых соотечественников. В статье описан опыт ряда школ Москвы и РУДН, который может быть полезен образовательным регионам страны.

Авторами сформулированы предложения, направленные на повышение эффективности оказания помощи детям мигрантов в соответствии с целями Федеральной целевой программы «Русский язык» на 2016–2020 гг.

Ключевые слова: интеграция, дети мигрантов, образовательные ориентации детей мигрантов, онлайн курс.

MIGRANTS CHILDREN INTEGRATION INTO THE MOSCOW REGION EDUCATIONAL ENVIRONMENT

A.V. Dolzhikova, L.A. Bukalerova

*Peoples' Friendship University of Russia
(Moscow, Russia)*

Currently, schools in Moscow, as well as in other Russian metropolitan cities, educate students, 30–50% of whom are the children of migrants. Despite the lengthy debate, the migrants children legal status issue has not yet been put to rest. This also refers to the right of such children to education. On the whole, migrants children have the same rights as the Russian citizens children, yet, the linguistic and organizational challenges available among the parents of such children and school teachers hinder the socio-cultural and educational adaptation for the children of new compatriots. The article covers the experience of some Moscow schools and Peoples' Friendship University of Russia (PFUR), which can be useful for the educational regions of the country.

The authors have come out with proposals aimed at enhancing the assistance to the migrants children pursuant to the goals of the «Russian Language» Federal Target Program for 2016–2020.

Key words: *integration, children of migrants, migrants children educational focus, online course.*

Введение. По разным оценкам, школы российских мегаполисов на 30–50% состоят из детей мигрантов (Вьжutowич, Андреева, 2016). Одна из основных проблем интеграции таких детей в образовательную среду – недостаточный уровень владения русским языком.

Прогноз долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 г., разработанный Минэкономразвития России, декларирует обеспече-

ние 100% доступности дошкольного образования для детей в возрасте от 3 до 7 лет, при этом в данные закладывается увеличение доли детей трудовых мигрантов (Прогноз долгосрочного социально-экономического развития..., 2013). Следует согласиться с В. Мишиной, что дети, владеющие русским языком на низком уровне, становятся серьезной проблемой при организации обучения для учителей. Из-за незнания языка между детьми россиян и детьми новых соотечественников возникают языковые и психологические барьеры, что препятствует созданию условий для позитивной социализации всех детей (Мишина, 2016).

Не достаточно урегулирован вопрос правового положения детей мигрантов, в том числе право таких детей на образование. Проблема была описана в работах А.И. Борновицкой (Борновицкая, 2011), Е.В. Гурченкова (Гурченков, 2010) и др.

Обзор законодательства. Правовая основа для обучения детей иностранных граждан в нашей стране сформирована в Конституции Российской Федерации. Статья 43 Конституции гарантирует, что каждый человек в России имеет право на образование, при этом декларируется общедоступность и бесплатность дошкольного, основного общего и среднего профессионального образования в государственных или муниципальных образовательных учреждениях и на предприятиях.

Федеральный закон № 124-ФЗ от 24.07.1998 «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» предусматривает, что при осуществлении деятельности в области образования ребенка в семье или в организации, осуществляющей образовательную деятельность, не могут ущемляться права ребенка.

Статья 5 Федерального закона № 273-ФЗ от 29.12.2012 «Об образовании в Российской Федерации» также гарантирует право каждого человека на образование. При этом право на образование в Российской Федерации возможно не

зависимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного, социального и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств.

В соответствии законодательством Российской Федерации права и свободы граждан не подлежат ограничению на основе регистрации по месту жительства. Основная образовательная программа дошкольного образования для ребенка, в том числе иностранного гражданина, реализуется бесплатно.

Целесообразно выделить в рамках системы школьного образования детей мигрантов как категорию детей с особыми образовательными потребностями.

Согласно п. 7 ст. 2 Федерального закона № 273-ФЗ от 29.12.2012 «Об образовании в Российской Федерации», уровень образования – завершённый цикл образования, характеризующийся определенной единой совокупностью требований (Федеральный закон № 273-ФЗ 2012 г.).

Прием детей на обучение по образовательным программам дошкольного образования осуществляется в соответствии с Порядком приема на обучение по образовательным программам дошкольного образования (приказ Минобрнауки России № 293 от 8 апреля 2014 г., зарегистрирован Минюстом России 12 мая 2014 г., регистрационный № 32220), в котором сказано, что прием иностранных граждан и лиц без гражданства, в том числе соотечественников за рубежом, в образовательные организации производится за счет бюджетных ассигнований федерального бюджета, бюджетов субъектов Российской Федерации и местных бюджетов. Таким образом, при наличии мест в дошкольном учреждении дети из семей мигрантов могут быть зачислены. Учет детей, подлежащих обучению по образовательным программам дошкольного образования, и прием их на обучение организован в соответствии с Письмом Минобрнауки России № 08-1908 от 01.12.2014. Од-

нако в данном документе ничего не сказано про детей мигрантов. Считаем, что необходим государственный учет таковых и особенно нуждающихся в дошкольном образовании.

Письмо Минобрнауки России № 08-859 от 09.07.2014 «Об обучении детей, прибывающих с территории Украины» предусматривает принятие первоочередных мер по обеспечении прав детей, прибывающих с территории Украины, имеющих статус беженца, вынужденного переселенца или временно находящихся на территории России, на получение общедоступного и бесплатного дошкольного, начального общего, основного общего и среднего общего образования в образовательных организациях Российской Федерации.

Департамент государственной политики в сфере общего образования рекомендовал, в частности, обеспечить возможность преподавания русского языка как неродного при организации работы с детьми в возрасте от 3 до 7 лет. При этом надо учитывать, что дошкольное образование может быть получено в группах кратковременного пребывания и иных формах, а нуждающиеся в присмотре и уходе могут быть обеспечены местами в дошкольных образовательных организациях (Вестник образования, 2014).

В настоящее время, по разным опросам ЦМИ, только 15–25% мигрантских детей-дошкольников ходят в России в детский сад, при этом доля российских дошкольников, охваченных детскими дошкольными учреждениями, колеблется от 50 до 80% (в зависимости от региона) (Арефьев, 2015). Причина такого положения связана как с отсутствием мест в детских садах, от которой в равной степени страдают и российские дошкольники, так и с недостатком информации о самой процедуре постановки детей в очередь, отсутствием у мигрантов средств для оплаты сада, со сложностями сбора документов на детей, включая необходимость наличия регистрации у родителей и требование покупки специального медицинского полиса, без которого ребенок не сможет пройти диспансеризацию, поэтому в сад его не возьмут

(около четверти мигрантов, живущих в России с детьми дошкольного возраста, хотели бы отдать своих детей в сады, но не могут их туда устроить по разным причинам) (Флоринская, 2012). В настоящее время приблизительно 80% детей мигрантов не состоят в детских садах в связи со сложностями при регистрации ребенка, а каждый третий ребенок-мигрант не имеет доступа к российскому образованию из-за отсутствия необходимых документов о законном нахождении в России.

В ряде регионов РФ приняты нормативные акты, регулирующие аспекты социокультурной адаптации семей мигрантов. Вместе с тем отмечается тревожная тенденция сокращения институтов адаптации детей-мигрантов в г. Москве при одновременном росте количества детей-мигрантов. Это уже сегодня сказывается на уровне владения русским языком, а завтра это может трансформироваться в узбекские и китайские кварталы в г. Москве.

В 2011 г. были опрошены дети мигрантов в 12 школах Москвы (330 детей мигрантов 6–11 классов). Было выявлено наличие языкового барьера, но при этом высокая мотивационная заинтересованность в изучении русского языка (Программа поддержки работающих родителей, 2011).

На муниципальном уровне есть значимые акты о приеме в образовательные учреждения. Так, в п. 4 Постановления администрации городского округа Троицк в г. Москве № 612 от 17.06.2013 «Об утверждении административных регламентов по предоставлению муниципальных услуг в сфере образования городского округа Троицк в г. Москве» (в новой редакции) указано, что получателями муниципальной услуги являются все заинтересованные лица – граждане Российской Федерации, иностранные граждане и лица без гражданства (Городской ритм, 2013).

Только в школах и детских садах Москвы около 28 тыс. детей не имеют российского гражданства, из них около 15 тыс. не владеют русским языком. Для детей, плохо го-

ворящих по-русски, предусмотрена расширенная программа обучения русскому языку. При этом для учеников, вообще не говорящих по-русски, в ряде школ были открыты курсы интенсивной языковой подготовки. Введение интенсивной языковой подготовки помогает детям мигрантов преодолеть не только языковой, но и культурный барьер и способствует их успешному обучению (В Москве насчитали..., 2011).

Ключевым положением в языковой и образовательной интеграции детей мигрантов в школах является акцентирование важности языка при изучении любого предмета в школе.

Образовательные ориентации детей мигрантов играют важную роль в формировании их дальнейшей социальной траектории. Одно из исследований было посвящено установкам выпускников школ на получение высшего образования (исследование в трех регионах России с небольшой выборкой в 411 учеников и 330 родителей). Довольно большое количество опрошенных планировало поступить в вуз, об этом заявили 2/3 респондентов. Любопытно, что подавляющее большинство собиралось проходить обучение в государственных вузах (Положение детей мигрантов, 2011).

Напомним, что ранее власти предприняли ряд мер по социальной адаптации приезжих. В частности, они намерены продолжить открывать для иностранцев школы русского языка, которые уже работают на протяжении 7 лет. Также проводится мониторинг образовательных потребностей детей из семей иностранцев.

Значительная часть детей мигрантов аккумулируется в Москве и Московской обл. – регионах, наиболее привлекательных для мигрантов с экономической точки зрения. Возросшая интенсивность миграционных перемещений порождает многочисленные проблемы адаптации переселенцев к условиям иноэтнической и инокультурной среды. Социо-

культурная интеграция мигрантов, а также налаживание их конструктивного и толерантного взаимодействия с принимающим обществом становится актуальной задачей не только для экономической и политической сфер, но и для образования. Хорошие результаты может дать интеграция элементов культуры этнических меньшинств в образовательную программу и внеучебную деятельность, а также привлечение к работе по адаптации детей мигрантов самих представителей этнических меньшинств, уже сумевших успешно интегрироваться в принимающем сообществе. Требуется освоение опыта привлечения волонтеров из благотворительных ассоциаций, национально-культурных центров, земляческих и диаспоральных сетей, мигрантских общин, спортивных и культурных учреждений по организации работы с талантливыми детьми из мигрантской среды. Сети взаимодействия должны не только конструировать культурные поля в социальном пространстве, но и связывать их с историческим и реальным временем, организуя присутствие детей мигрантов в повседневной жизни школы, внеучебных центров, а не от праздника к празднику один или два раза в год.

Статья 5 Закона г. Москвы № 14 от 10.03.2004 «Об общем образовании в г. Москве» предусматривает наличие специализированных образовательных учреждений с этнокультурным (национальным) компонентом (Латвии, Армении и др.). Так, в Москве функционируют детские сады с этнокультурным (национальным) компонентом образования, средние общеобразовательные школы с этнокультурным (национальным) компонентом образования. При этом средняя общеобразовательная школа с этнокультурным (национальным) компонентом образования – вид государственного общеобразовательного учреждения, реализующего основные общеобразовательные программы начального общего, основного общего и среднего (полного) общего образования и дополнительные образовательные программы по изучению национальных языков, истории, куль-

туры и традиций народа – носителя языка (Вестник мэра и Правительства Москвы, 2004).

Значительное внимание Правительством Москвы уделяется образованию и социально-культурной адаптации детей-мигрантов. Так, в Постановлении Правительства Москвы от 25.03.2008 № 195-ПП «О Стратегии Правительства Москвы по реализации государственной политики в интересах детей “Московские дети” на 2008–2017 гг.» указано, что в настоящее время в образовательных учреждениях Москвы обучаются, по самым примерным оценкам, около 25 тыс. таких детей. Для большинства из них характерны слабое знание русского языка, отсутствие достаточных для социализации знаний об основах российского законодательства, культуры, истории, традиций, норм поведения в быту. Эффективность социально-психологической и культурно-языковой адаптации детей мигрантов снижают психологически небезопасная образовательная среда, отсутствие специальных психолого-педагогических технологий, направленных на помощь в освоении необходимых поведенческих навыков, эмоциональный дискомфорт педагогов и низкий уровень их правовой культуры.

В целях создания условий для интеграции таких детей в образовательную среду Москвы работают 243 группы по изучению русского языка на базе 152 образовательных учреждений всех учебных округов. В этих группах обучаются около 3 тыс. детей. Организована подготовка учителей русского языка для работы с детьми-мигрантами; разработаны рекомендации по обучению детей, не владеющих или слабо владеющих русским языком; подготовлено к изданию учебно-методическое пособие «Учимся говорить по-русски» для учащихся начальных классов. В то же время необходимо проводить дальнейшую работу по расширению охвата данной группы детей различными формами культурно-образовательной и психолого-педагогической поддержки, вести системный учет, мониторинг и анализ положения детей ми-

грантов в российской столице (Вестник мэра и Правительства Москвы, 2008).

Во многих российских регионах, в частности, в Москве, проблему с русским языком пытаются решать с помощью дополнительных занятий. Так, если ребенок владеет русским языком, но не достаточно хорошо, если ему трудно без дополнительной помощи включиться в образовательный процесс, то для таких, как он, во второй половине дня открываются специальные группы – РКИ (русский как иностранный). Два года назад около 300 школ в Москве имели такие группы. В принципе, это может сделать каждый директор, если у него в школе учатся мигранты с недостаточным знанием русского языка. На это выделяются средства из бюджета города – на дополнительные 2 ч русского языка в неделю. Но эти 2 ч в неделю могут помочь только тем детям, кто все-таки русский знает, хотя и не достаточно хорошо. А вот те, кто вообще приходит с нулевыми знаниями языка (первоклассники, которые не посещали детский сад в России, и старшие школьники, которые не учились в русских школах на родине), нуждаются в специальной подготовке по русскому языку. Для них в Москве были открыты структурные подразделения общеобразовательных школ – «Школы русского языка», организованные Департаментом образования Правительства Москвы. Такие школы существуют в каждом административном округе Москвы (и еще 2 вечерние школы, в которых могут также обучаться взрослые мигранты). Дети мигрантов проходят языковую подготовку в течение одного учебного года, после чего они поступают в соответствующий их возрасту и уровню класс общеобразовательной школы.

Школы в Москве самостоятельно формируют программы для детей мигрантов. Так, например, Государственное бюджетное общеобразовательное учреждение г. Москвы «Школа № 1450 “Олимп”» (ГБОУ «Школа № 1450

“Олимп”») разработала модель социокультурной интеграции детей мигрантов (Государственное бюджетное..., 2015).

Основные мероприятия по реализации открытой образовательной политики:

– формирование в рамках действующего законодательства распределенной базы данных о детях, ориентированной на обеспечение образовательных потребностей детей (включая индивидуальные учебные работы и достижения); обеспечение взаимодействия этой базы с базами, формируемыми в других структурах;

– разработка и внедрение механизмов выявления детей, не зачисленных в общеобразовательные школы (дети, занимающиеся бродяжничеством, дети мигрантов), их подготовка к школе. Использование с этой целью электронных данных ЗАГСов, МВД, структур здравоохранения, органов местного самоуправления;

– создание окружных школ русского языка для социокультурной интеграции детей мигрантов;

– развитие и поддержка программ образовательной, социокультурной и психолого-педагогической адаптации детей из семей мигрантов.

Проблемой является неоднозначная позиция родителей мигрантов, не желающих отдавать своих детей в школу в России. Чаще всего это выходцы из Центральной Азии. На вопрос о том, где находятся дети, пока родители работают, некоторые граждане Таджикистана и Узбекистана отвечают, что дети находятся с ними на рынке и там подрабатывают или помогают по дому. Позитивный опыт, который можно с успехом применить у нас в стране, – это снижение возрастной планки и начало адаптации детей мигрантов уже в первые годы жизни на базе детских садов, социальных служб и специальных адаптационных центров. Необходимо вести работу не только с самими детьми, но и с их родителями для того, чтобы мотивировать их дать детям образование и обеспечить уверенный жизненный старт. Принимаю-

щая сторона должна быть заинтересована в достижительной стратегии поведения всего мигрантского детско-родительского сообщества.

Мы согласны с А.А. Парфеновым, что в текущей ситуации в сфере языковой и социокультурной интеграции детей мигрантов в российское общество можно сделать вывод о том, что на сегодняшний день в Российской Федерации отсутствует единый подход к интеграции и адаптации детей мигрантов. Более того, существует острая необходимость проведения всероссийского комплексного исследования условий и уровня интеграции детей иностранных граждан в российское общество, учитывающего все аспекты адаптации и интеграции, с привлечением специалистов различных профилей (юристов, филологов, психологов и др.) (Парфенов, 2016).

Следует отметить, что работа с детьми мигрантов находится в русле целей Федеральной целевой программы «Русский язык» на 2016–2020 гг.: создание новых условий для изучения русского языка и получения образования на русском языке; развитие всестороннего применения, распространения и продвижения русского языка как фундаментальной основы гражданской самоидентичности, культурного и образовательного единства многонациональной России, эффективного международного диалога; совершенствование условий для полноценного функционирования и развития русского языка как государственного языка Российской Федерации и как языка межнационального общения народов России; развитие открытого образования на русском языке и обучения русскому языку.

Заключение. В этой связи важным и своевременным начинанием считаем проект РУДН, разработанный совместно с Министерством образования РФ, направленный на создание дистанционных онлайн-курсов по русскому языку и на русском языке для детей мигрантов. Планируемые результаты проекта будут востребованы как детьми мигран-

тов, так и их родителями. Будут созданы: учебные дистанционные онлайн-курсы по русскому языку и на русском языке для детей из семей мигрантов и их родителей; комплекс учебно-методических материалов для образовательного контента учебных дистанционных онлайн-курсов по русскому языку на русском языке для детей из семей мигрантов и их родителей, а также системы оценки освоения материала. Учебные дистанционные онлайн-курсы будут внедрены в виртуальную образовательную среду на русском языке. К учебным дистанционным онлайн-курсам будет предоставлен открытый доступ посредством виртуальной образовательной среды (образовательной платформы).

В результате будут созданы учебные дистанционные онлайн-курсы, предназначенные для детей из семей мигрантов дошкольного и школьного возраста: «Добрые слова. Начальная школа русского этикета»; «Россия на карте мира»; «Знай свои права»; «История России в образах великих соотечественников»; «Учимся грамоте вместе» (информационно-методическая поддержка родителей детей-мигрантов); «Изучаем культуру России (на литературном материале)».

Основным социальным эффектом проекта является укрепление интереса к русскому языку и повышение его значимости со стороны семей мигрантов.

В качестве ожидаемых социальных эффектов также можно отметить расширение межкультурного диалога, популяризацию русской литературы и культуры, повышение познавательного интереса к русской литературе, расширение целевой аудитории иностранцев, изучающих русский язык, в частности, дистанционно с использованием виртуального образовательного пространства.

Создание таких курсов соответствует в полной мере целям и задачам Федеральной целевой программы «Русский язык» на 2016–2020 гг.», Концепции «Русская школа за рубежом», Концепции государственной поддержки и продвижения русского языка за рубежом, способствует развитию

открытого образования на русском языке через расширение возможности онлайн-школ на русском языке.

Важным инструментом управления миграционными процессами является выделение в самостоятельное направление подготовку и переподготовку квалифицированных педагогов для работы с детьми мигрантов. Подготовка кадров, обладающих теоретическими знаниями и практическими навыками в организации работы с такими детьми, должна закладываться в учебные программы педагогических вузов и в организации педагогической практики в обучении студентов.

В этой связи для интеграции детей мигрантов в образовательную среду московского региона считаем необходимым создание инфраструктуры адаптации детей иностранных граждан за счет средств бюджета региона, поступающих от оформления патентов на ведение трудовой деятельности иностранными гражданами.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Арефьев А.Л.* Обучение детей из семей иностранных граждан в школах Москвы // Вестник РУДН. Серия: Вопросы образования. Языки и специальность. – 2015. – № 5. – С. 149–160.
2. *Борновицкая А.И.* Нарушение прав детей беженцев, мигрантов и внутриперемещенных лиц // Конституционализм и государственное право. – 2011. – № 5. – С. 162–167.
3. Вестник мэра и Правительства Москвы. – 19.04.2004. – № 24.
4. Вестник мэра и Правительства Москвы. – 09.04.2008. – № 21.
5. Вестник образования. – 2014, август. – № 15.
6. *Выжубович В., Андреева Т.* Когда дети мигрантов и русские дети учатся вместе, это на пользу и тем и другим? // Российская газета. Федеральный выпуск. – 2016. – № 6915 (47). – URL: <https://rg.ru/2016/03/03/reg-urfo/komu-na-polzu-sovmestnoe-obuchenie-detej-migrantov-i-russkih.html>
7. В Москве насчитали 15 тыс. не знающих русского языка школьников // LENTA.RU. – URL: <https://lenta.ru/news/2011/09/29/children> (дата обращения: 03.09.2017).

8. Городской ритм. – 23.06.2013. – № 29 (спецвыпуск).
9. Государственное бюджетное общеобразовательное учреждение г. Москвы «Школа № 1450 “Олимп”»: Официальный сайт. – URL: <http://sch1450u.mskobr.ru> (дата обращения: 03.09.2017).
10. *Гурченков Е.В.* Роль языка в интеграции детей мигрантов в московское общество // Социологические исследования. – 2010. – № 4. – С. 134–137.
11. *Мишина В.* По всей строгости школьной программы // Коммерсант. – 23.05.2016. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2994220> (дата обращения: 03.09.2017).
12. Федеральный закон № 273-ФЗ от 29.12.2012 «Об образовании в Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 03.09.2017).
13. *Парфенов А.А.* Нормативные основы интеграции и социокультурной адаптации детей мигрантов в странах Европы и России // Право и политика. – 2016. – № 11. – С. 1359–1365.
14. Положение детей мигрантов в Санкт-Петербурге. – М.: Детский фонд ООН (ЮНИСЕФ), 2011. – 166 с.
15. Прогноз долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 г. / Министерство экономического развития РФ. – URL: <http://www.economy.gov.ru> (дата обращения: 03.09.2017).
16. Программа поддержки работающих родителей. – URL: <http://mamanarabote.ru> (дата обращения: 03.09.2017).
17. *Флоринская Ю.* Дети мигрантов в России: доступ к образованию и медицине // Демоскоп Weekly. – 15.05.2015. – URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2012/0515/analit02.php> (дата обращения: 03.09.2017).

REFERENCES

1. *Arefiev A.L.* Teaching children from foreign families in Moscow schools // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Education. Languages and specialty. – 2015. – № 5. – P. 149–160.
2. *Bornovitskaya A.I.* Violation of the rights of children of refugees, migrants and internally displaced persons // Constitutionalism and government. – 2011. – № 5. – P. 162–167.

3. Bulletin of the Mayor and the Government of Moscow. – 19.04.2004. – № 24.

4. Bulletin of the Mayor and the Government of Moscow. – 09.04.2008. – № 21.

5. City rhythm. – 06.23.2013. – № 29 (special issue).

6. Education bulletin. – 2014, August. – № 15.

7. Federal Law № 273-FZ of December 29, 2012 «On Education in the Russian Federation» // Official Internet Portal of Legal Information. – URL: <http://www.pravo.gov.ru> (reference date: 03.09.2017).

8. *Florinskaya J.* Children of migrants in Russia: access to education and medicine // Demoscope Weekly. – 15.05.2015. – URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2012/0515/analit02.php> (reference date: 03.09.2017).

9. Forecast of the long-term socio-economic development of the Russian Federation for the period until 2030 // Ministry of Economic Development of the Russian Federation. – URL: <http://www.economy.gov.ru> (reference date: 03.09.2017).

10. *Gurchenkov E.V.* The role of language in the integration of migrant children into Moscow society // Sociological research. – 2010. – № 4. – P. 134–137.

11. In Moscow counted 15 thousand students who did not know Russian language // LENTA.RU. – URL: <https://lenta.ru/news/2011/09/29/children/> (reference date: 03.09.2017).

12. *Mishina V.* In all strictness of the school curriculum // Kommersant Newspaper. – 23.05.2016. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2994220> (reference date: 03.09.2017).

13. *Parfenov A.A.* Normative bases of integration and socio-cultural adaptation of migrant children in Europe and Russia // Law and Politics. – 2016. – № 11. – P. 1359–1365.

14. Program for support of working parents. – URL: <http://mamanarabote.ru> (reference date: 03.09.2017).

15. The site of the State Budgetary Educational Institution of Moscow «School № 1450 “Olympus”». – URL: <http://sch1450u.mskobr.ru> (reference date: 03.09.2017).

16. The situation of migrant children in St. Petersburg. – Moscow: United Nations Children's Fund (UNICEF), 2011. – 166 p.

17. *Vizhutovich V., Andreeva T.* When the children of migrants and Russian children learn together, is it beneficial for both? // Rossi-

yskaya Gazeta. – 2016. – № 6915 (47) (Federal issue). – URL: <https://rg.ru/2016/03/03/reg-urfo/komu-na-polzu-sovmestnoe-obuchenie-detej-migrantov-i-russkih.html>

ЭВОЛЮЦИЯ ЭКЗАМЕНАЦИОННЫХ ТЕСТОВ ПО ИСТОРИИ И ОСНОВАМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РФ В КОНТЕКСТЕ ИЗМЕНЕНИЯ ОТНОШЕНИЯ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ К ИНТЕГРАЦИОННОМУ ЭКЗАМЕНУ ДЛЯ МИГРАНТОВ

А.В. Должикова, М.Н. Мосейкина

*Российский университет дружбы народов
(Москва, Россия)*

В статье анализируется эволюция экзаменационно-тестовых заданий для иностранных граждан в контексте изменения отношения в российском обществе к комплексному экзамену для мигрантов. Показано, как проходило общественное обсуждение модели комплексного экзамена, как воспринималось в обществе его введение. Авторы отмечают особую роль в процессе адаптации иностранных граждан в новом для них сообществе изучения и восприятия его истории, традиций, духовных ценностей, образа жизни. В этой связи анализируются материалы пособий и содержание экзамена, дающие возможность иностранным гражданам изучить основы русского языка, истории и права, лучше узнать принимающее их общество. В результате авторы приходят к выводу, что система экзамена становится эффективным инструментом не только оценивания знаний, но и социокультурной интеграции мигрантов.

Ключевые слова: модернизация контрольно-измерительных материалов, адаптация, комплексный экзамен, мигранты, миграционное законодательство, общественное мнение.

**EVOLUTION OF EXAMINATION TESTS
IN HISTORY AND THE RF LEGISLATION
FUNDAMENTALS IN TERMS
OF THE RUSSIAN SOCIETY
SHIFTING ATTITUDES TOWARDS
INTEGRATION EXAM FOR MIGRANTS**

A.V. Dolzhikova, M.N. Moseikina

*Peoples' Friendship University of Russia
(Moscow, Russia)*

The article analyzes the evolution of examination and test tasks for foreign citizens in terms of the Russian society shifting attitudes towards the comprehensive exam meant for migrants. It covers the public debate as to the comprehensive exam model and the way its introduction was received by the society. The authors emphasize the discrete role of studying and perceiving the history, traditions, spiritual values, and lifestyle of the host community for the foreign citizens localization process. In this regard, the article analyses the content of the education guidances and the exam, enabling foreign citizens to learn the basics of the Russian language, history and law, and to better understand the host society. Hence, the authors come to the conclusion that the examination system is becoming an effective tool both to assess the knowledge level, and to help the migrants integrate socially and culturally.

Key words: *testing and assessment materials updating, adaptation, comprehensive examination, migrants, migration legislation, public opinion.*

Введение. В свете последних событий в мире проблема мигрантов и их адаптации занимает важное место в работах таких отечественных исследователей, как В.А. Волох (Волох, 2015), Т.Н. Дмитриева (Волох, Дмитриева, 2017), В.Ю. Леденева (Леденева, 2016), а также в трудах зарубежных авторов (McCarry, 2014; Dovalil, 2015; Roos,

Zaun, 2016; Resnyansky, 2016), которые с различных позиций анализируют практики интеграции иностранных граждан в регионах России и Европы в условиях продолжающегося миграционного кризиса в европейских странах.

Авторы приходят к общему заключению о том, что слабое знание языка страны пребывания, культурные и конфессиональные различия служат препятствием на пути адаптации и интеграции мигрантов в принимающий социум. Применительно к России, где основной поток мигрантов составляют граждане из стран Центрально-Азиатского региона, по мнению В.Ю. Ледневой, трудовые мигранты ощущают себя «людьми второго сорта, им, как правило, достается непрестижная работа, во многом ограничен доступ к качественному образованию и к социальным лифтам. Временные мигранты не могут социализироваться, и, как следствие, их пребывание/проживание и трудовая деятельность часто становятся для них тяжким бременем» (Леденева, 2014). На пути интеграции стоят и незаконные действия некоторых представителей правоохранительных органов, та коррупционная атмосфера, которую они создают, формируя, помимо прочего, пренебрежительное отношение к закону со стороны трудовых мигрантов.

И все же наиболее весомым фактором отчуждения мигрантов в России является не столько их стремление сохранить свои национальные особенности, сколько незнание культуры, традиций и основных законов страны пребывания. Во многом восприятие частью мигрантов России лишь как источника заработка, сознательное игнорирование духовных ценностей местного населения, нежелание считаться с основами его жизнедеятельности ведет к взаимному неприятию, создает почву для межнациональных конфликтов.

Таким образом, интеграция представляет собой двусторонний процесс, результаты которого зависят не только от желания иностранных граждан стать частью принимающего общества, но и готовности местного населения считаться с этими намерениями.

Цель статьи заключается в исследовании эволюции экзаменационно-тестовых заданий как интеграционных образовательных практик для иностранных граждан в контексте изменения отношения в российском обществе к комплексному экзамену для мигрантов, введенному с 1 января 2015 г.

Достижение обозначенной цели предполагает решение следующих взаимосвязанных научных задач:

– анализ интеграционной модели мигрантов в российское общество;

– выявление международной практики проведения интеграционного экзамена для мигрантов в европейских странах;

– анализ экзаменационно-тестовых заданий для мигрантов и отношения к ним экспертного сообщества в контексте российского опыта проведения комплексного экзамена для мигрантов.

Интеграционная модель иностранных граждан в российское общество. В России в качестве интеграционной модели иностранных граждан в российское общество избрана концепция межкультурного и межнационального согласия.

Для достижения поставленных Президентом задач, начиная с 1996 г., были внесены соответствующие изменения в законодательство Российской Федерации. Концепция государственной миграционной политики и Стратегия государственной национальной политики РФ на период до 2025 г. определили ряд обязательных образовательных процедур для иностранных граждан, желающих жить и работать в России – лингводидактический тест, интеграционный экзамен и собеседование.

Введение интеграционного экзамена как отдельной обязательной образовательной процедуры для иностранных граждан инициировано указом Президента РФ № 602 «Об обеспечении межнационального согласия» (Об обеспечении межнационального согласия..., 2012). В развитие положений

данного указа 20 апреля 2014 г. Президентом России был подписан Федеральный закон № 74-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации”», обязывающий иностранных граждан (за исключением высококвалифицированных специалистов) сдать комплексный экзамен на владение русским языком как иностранным, знание истории России и основ законодательства Российской Федерации (О внесении изменений в Федеральный закон..., 2014).

Международная практика проведения интеграционного экзамена для мигрантов. К тому времени в международной практике уже сложился опыт проведения интеграционных экзаменов, используемых, однако преимущественно в процедурах натурализации иностранцев. В частности, в Германии, США, Голландии, Великобритании, Испании, Чехии, Франции на протяжении последних десятилетий законодательно закреплялись нормы, направленные на культурную и языковую адаптацию мигрантов на своей территории, для чего, наряду с языковыми, в практику тестирования включались страноведческие и правовые тесты в отношении претендентов на гражданство или длительное проживание в стране, частности, в Германии это тест под названием «Жизнь в Германии», сдав который иностранный гражданин получает «Сертификат интеграционного курса» («Zertifikat Integrationskurs»), подтверждающий владение немецким языком и знание основ законодательства и культуры Германии (Парфенов, 2016).

С 1998 г. действует Закон об интеграции в Голландии, с 2000 г. – закон «О правах и свободах иностранцев в Испании и их социальной интеграции» (в настоящее время здесь находится на обсуждении вопрос о введении нового экзамена на «Интеграцию и знание культуры»). В Великобритании все иностранцы, которые хотят жить на постоянной основе в этой стране и получить гражданство, должны сдать тест,

который называется «Жизнь в Великобритании» («Life in the United Kingdom»). Во Франции в соответствии с Законом 2011 г. об иммиграции, интеграции и национальной принадлежности введено новое тестирование, состоящее из 12 вопросов по культуре, истории и географии этой страны (Интеграционный экзамен для иностранных граждан..., 2017).

В последние 4 года в связи с ростом межэтнической и межконфессиональной напряженности в Европе проблема социально-гражданской интеграции (of civic integration) мигрантов в социальную, политическую и культурную жизнь страны приема приобрела особую остроту и актуальность. Степень способности и готовности к интеграции измеряется с помощью специальных страноведческих тестов, которые мигранты сдают в большинстве стран мира. В последние годы наблюдался рост не только числа государств, прибегающих к подобным процедурам, но и количества категорий мигрантов, для которых они становятся обязательными (Киселева, 2014).

Российский опыт проведения комплексного экзамена для иностранных граждан. В РФ с 2015 г. впервые в истории российского законодательства были введены нормы об обязательности прохождения интеграционных тестов для основной доли иностранцев, прибывающих в нашу страну. При этом, как справедливо отмечает А.А. Парфенов, новеллы российского законодательства в отношении обязательности подтверждения знаний государственного языка, истории России и основ законодательства Российской Федерации, соответствуют общеевропейской тенденции миграционной политики (Парфенов, 2016). Но если в обычной школе тесты используются, прежде всего, для контроля и оценки знаний, то в аудитории для иностранцев особую роль приобретает их обучающая функция, которая, во всяком случае, применительно к тематическим тестам выходит на первый план.

В рамках разработки методики тестирования по истории России и основам законодательства РФ была проведена работа по стандартизации каждого тестового задания сначала в группах апробации, затем в сертификационных тестах. Были созданы контрольные варианты типовых тестов. Первоначально они включали в себя два субтеста: первый – с вариативными заданиями, второй – с заданиями в форме «вопрос/ответ».

Так, открытое задание во втором субтесте модуля «История России» выглядело следующим образом: *«В Петрограде Февральская революция началась с мощного подъема стачечного движения. Всеобщая политическая стачка переросла в стихийное вооруженное восстание. 27 февраля восставшие заняли Зимний дворец. После Петрограда революция победила в Москве и далее по всей стране. Это заставило в ночь со 2 на 3 марта отречься от престола российского царя _____ (назовите имя царя)».*

Второй субтест модуля «Основы законодательства РФ» содержал, например, такое задание: *«Документ, подтверждающий право мигранта на временное осуществление на территории Российской Федерации трудовой деятельности, называется «_____».*

По итогам апробации и экспертных обсуждений были внесены изменения в структуру и содержание экзаменационных тестов. В частности, модули «История России» и «Основы законодательства» были приведены в соответствие с лексическим минимумом (элементарным) базового уровня для трудящихся мигрантов. Итогом апробации таких вариантов стало изменение второго субтеста на один открытый вопрос (например: *«При каком русском царе был построен город Санкт-Петербург?»* или *«В каком году в СССР началась Великая Отечественная война?»*), от которого в дальнейшем также пришлось отказаться, оставив в конечном итоге один субтест для всех трех категорий иностранных граждан.

Изначально условия получения патента на работу, разрешения на временное проживание и вид на жительство для мигрантов были практически равны. Дифференциация тестирования мигрантов была связана лишь с процентом сдачи экзамена: для желающих получить патент или разрешение на временное проживание минимум составлял 60%, для тех же, кто хотел получить вид на жительство, этот порог составлял 75%.

Но, как показала практика, нельзя уравнивать эти категории, потому что цели приезда в Россию у иностранцев разные, а значит, степень адаптации в стране и требования к уровню владения русским языком и знаниям по истории и законодательству РФ должны различаться. В дальнейшем Межведомственной комиссией и Федеральной миграционной службой было принято решение сократить количество вопросов по истории и праву для трудовых мигрантов с 20 до 10, а для двух остальных категорий, желающих получить вид на жительство, количество вопросов оставить прежним.

Общественное обсуждение тестовых заданий для мигрантов: аргументы «за» и «против». Содержание исторического и правового модулей экзамена не раз становилось предметом общественного и экспертного обсуждения. Наиболее острая полемика в рамках обсуждения нового экзамена развернулась вокруг модуля «История России» для трудовых мигрантов. Считалось, что подобные знания им не нужны, на это уйдут огромные финансовые ресурсы и это усложнит жизнь не подготовленным к учебе людей. В обсуждении содержания тестовых заданий по историческому и правовому модулям принимали участие представители законодательной власти, Постоянной комиссии по миграционной политике и защите прав человека в сфере межнациональных отношений Совета при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека, Общественной палаты России, Федеральной миграционной службы (ФМС), правозащитники, представители зарубежных диаспор и СМИ.

И даже после принятия Федерального закона № 74 от 20 апреля 2014 г. об интеграционном экзамене у части экспертного сообщества все еще сохранялись сомнения в необходимости изучения истории трудовыми мигрантами.

Разработчики модуля «История России» аргументировали свою позицию следующими факторами. Большинство приезжающих в нашу страну иностранных граждан – это представители стран СНГ, где за годы существования суверенных государств появились учебники по национальной истории, в которых часто с помощью мифов идеализировалась история собственного государства и фальсифицировалась история России и, прежде всего, период совместного существования народов в рамках единого государства (Российской империи и СССР). Так, результаты опроса показали, что в Узбекистане, например, о последнем российском императоре Николае II ничего не слышали 49% граждан в возрасте от 18 до 30 лет и 31% граждан старше 30 лет; о маршале Г.К. Жукове – соответственно, 53 и 30% (Освещение общей истории России..., 2009).

Украинский историк Г.В. Касьянов проанализировал программу истории, преподаваемую в школьных учебниках Украины, начиная с 1991 г. В итоге ученый пришел к выводу, что в них сформировался канон, согласно которому главным творцом истории является своя нация, а все остальные либо отсутствуют, либо игнорируются. Иногда, когда необходимо присутствие другой нации, она служит либо фоном, либо антитезой своей нации, которая мешает своей нации реализовать свою сущность (Касьянов..., 2009).

В качестве примера подобного подхода приведем мнение другого украинского историка – Я. Дашкевича, назвавшего «жалкой ложью» (которой, якобы, до сих пор пользуется российская историография и государственные деятели России, а также «пятая колонна» в Украине) утверждение о том, что Российское государство и российский народ берут начало от великого княжества Киевского; что Киевская Русь –

колыбель трех братских народов – русского, украинского и белорусского; что россияне по закону «старшебратства» имеют право на наследие Киевской Руси (Дашкевич..., 2011). К сожалению, следует признать, что подобный подход в оценках роли и места России в судьбе народов бывшего СССР является типичным для ряда научных школ на постсоветском пространстве.

В результате, как видим, школьные исторические программы ряда постсоветских государств, нацеленные на формирование у учащихся крайне негативных представлений о российском государстве и русском народе, на деле превращают историю в инструмент вражды. Все эти факты еще больше убеждали в правильности выбора модели комплексного экзамена для иностранных граждан с включенностью в него исторической и культурологической составляющих, которые позволяют иностранным гражданам объективно взглянуть на историю России, глубже понять образ жизни ее народов, их культурные и религиозные традиции.

Одновременно в части исторического модуля обсуждался вопрос о том, в каком объеме иностранец должен обладать знаниями по истории России и каково должно быть соотношение материала по древней, новой и новейшей истории России.

Модели тестовых заданий по истории России и основам законодательства РФ. Общественное обсуждение и уже первые апробации тестовых заданий показали повышенный уровень сложности некоторых заданий по истории и основам законодательства РФ, в том числе их формулировок. В результате по истории России были исключены следующие вопросы: *«Какие древние племена Восточной Европы X в. были предками современных украинцев, белорусов, русских?»*; *«На какой реке находилась столица Золотой Орды?»*; *«При каком царе появилось книгопечатание в России?»*; *«Кто руководил французскими войсками, которые*

вторглись в Россию в 1812 г.?»; «Кого называли царем-освободителем в России?» и др. В общей сложности из первоначального варианта тестов было исключено 30 сложных вопросов и, прежде всего, из разделов по Древней, Средневековой Руси и истории России нового времени.

Следует признать, что и некоторые вопросы по современной истории России также были признаны слишком сложными. Например: *«В каком году произошла отставка президента Б.Н. Ельцина?»; «Сколько федеральных округов создано в РФ?»; «Какая партийная система сложилась в современной России?» и др.*

После экспертных обсуждений стало очевидным, что в содержательной части модуля по истории России материал не следует «мельчить», перегружать обилием дат и понятий, второстепенными фактами, именами и незначительными событиями. Язык изложения материала также должен быть понятен и адаптирован для иностранца. При этом особенности аудитории, низкий уровень ее общегуманитарной подготовки заставляли искать свои методические решения. В результате в программу курса были введены видео- и аудиоматериалы, несущие важную правовую и историческую информацию. В качестве дополнительных учебных средств были рекомендованы художественные фильмы на историко-культурную тематику (в их числе «Юрий Гагарин: первый в космосе», «Александр Невский», «Иван Грозный», «Петр Первый» и др.) (Требования к содержанию комплексного экзамена, 2015).

В отличие от модуля «История России», практикоориентированный модуль «Основы законодательства РФ» не вызвал принципиальных возражений. В Российской Федерации большая часть мигрантов слабо представляет себе либо абсолютно не знакома с российским законодательством. Мигранты, пребывающие в Россию, обладают низкой правовой грамотностью (Бессонова, Кошелев, 2013). В случае подготовки к экзамену иностранный гражданин получит определенный объем знаний о своих правах и обя-

занностях на территории РФ, что должно помочь ему в различных повседневных практиках.

В рамках профессионального и общественного обсуждения в модуль по основам законодательства были включены темы гражданского и семейного права, взаимодействия мигрантов с российскими государственными органами и консульскими службами государства гражданства мигрантов. При этом основные замечания по модулю «Основы законодательства РФ» касались, главным образом, сложности терминов, понятий и формулировок вопросов. Важно было привести их в соответствие с требованиями к уровню владения русским языком как иностранным и, как следствие, к ограниченному лексическому минимуму тестируемых.

В связи с этим следует заметить, что все задания, предъявляемые в рамках модулей 2 и 3, строятся на базе лексического минимума, объем которого составляет до 500 единиц, обеспечивающих эффективное общение инофона в рамках тематического и интенционального минимумов, и тестологам при этом рекомендовано опираться на разработанный понятийный аппарат (специальную терминологию) модулей 2 и 3, который представлен в тематических разделах «Требований», а также двуязычных словарях исторических, юридических и культурологических терминов и понятий в переводе на румынский, таджикский, узбекский (кириллица и латиница), вьетнамский, турецкий, китайский, корейский и киргизский языки (Практика организации и проведения экзамена..., 2017).

В этой связи в правовом модуле пришлось отказаться от ряда сложных либо не представлявших практического значения для мигрантов вопросов, например: «Кто утверждает квоты на выдачу разрешений на временное проживание?»; «Кто возглавляет Федеральную миграционную службу РФ?» и др. Были полностью исключены задания по вопросам гражданства, статуса высококвалифицированных специалистов и другие, подобные им.

Таким образом, по итогам обсуждения гораздо большую трансформацию правовой модуль комплексного экзамена претерпел по форме и языку изложения, чем по содержанию.

Важно было учитывать и то, что с момента принятия Федерального закона № 115-ФЗ от 25.07.2002 «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» изменения в него вносились по настоящее время более 70 раз. Поэтому модуль «Основы законодательства РФ» в постоянных условиях реформирования миграционного законодательства также претерпевал обоснованные изменения. Иностранные граждане, въезжающие на территорию Российской Федерации, должны быть в курсе реформирования законодательства, особенно касающегося их правового положения и обязанностей.

Одновременно стало понятно, что необходим дифференцированный подход к разработке экзаменационно-тестовых заданий для разных категорий иностранных граждан. В самом начале эта дифференциация касалась только количества вопросов: 10 – для трудовых мигрантов, 20 – для претендентов на вид на жительство или разрешение на временное проживание. Но с учетом предложения Федеральной миграционной службы России, прозвучавшего в июне 2014 г., была разработана новая спецификация, на основе которой была проделана работа по дифференциации контрольно-измерительных материалов для трех категорий: иностранные рабочие, соискатели получения разрешения на временное проживание и вида на жительство.

Специфика аудитории (большинство граждан – из стран СНГ), низкий уровень ее общегуманитарной подготовки, недостаточное знание русского языка заставляли искать разнообразные методические решения. Кроме того, для молодого поколения граждан Узбекистана ситуация осложняется еще и тем, что там произошел переход с кириллицы на латиницу, и поэтому возвращаться обратно им достаточ-

но сложно. В результате в программу модулей «История России» и «Основы законодательства РФ» были введены видео- и аудио материалы, несущие важную историческую, правовую и культурологическую информацию. В учебных пособиях для подготовки к комплексному экзамену основные темы предварялись лингвистическим введением и глоссарием, изучение которых позволяет лучше понять изложенные факты (История России, 2014).

Вместе с тем, учитывая вызовы времени и предложения экспертов, для иностранных граждан, претендующих на получение вида на жительство, было решено усложнить структуру экзамена, поскольку данный статус является шагом к гражданству. Усложнение экзаменационных тестов для категории иностранных граждан – соискателей вида на жительство потребовало выдвижения более высоких требований как к объему проверяемых знаний, так и к сложности подготовленных заданий. В частности, тест по истории России (как и по основам законодательства РФ) теперь состоит из двух субтестов: первый включает в себя 20 заданий в форме множественного выбора (один верный ответ из трех предложенных), второй – пять заданий со свободно конструируемыми ответами. Апробация и итоги сдачи комплексного экзамена этой категорией иностранных граждан демонстрируют эффективность новой тестовой модели, которая расширяет возможности межкультурных коммуникаций и готовит людей к принятию гражданства РФ.

Основные выводы исследования. В современных условиях, когда миграция стала составной частью жизни российского общества, актуализировались проблемы социокультурной адаптации мигрантов в иную лингвокультурную среду. В этой связи встали задачи разработки научно обоснованных методик адаптации иностранных граждан посредством обучения языку, истории и основам законодательства РФ и практической реализации данных методик. Анализируя зарубежный и российский опыт в области инте-

грации иностранных граждан, следует отметить схожие тенденции в содержательной направленности экзаменационных заданий, переносящих акцент на изучение национального образа жизни, истории страны пребывания, ее национальных традиций и культурных ценностей. С этой точки зрения, подобная общемировая тенденция, характерная для всех миграционно привлекательных стран, является ответом на критику в адрес разработчиков содержательной части исторического и правового модулей комплексного экзамена для иностранных граждан, введенного на территории РФ. Вместе с тем эволюция экзаменационно-тестовых заданий, проанализированная в данной статье, свидетельствует о постоянном совершенствовании методик преподавания и контроля за уровнем знаний, которые получают мигранты в рамках подготовки к сдаче комплексного экзамена для получения разрешения на трудоустройство и временное проживание и вида на жительство в России.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Бессонова В.В., Кошелев М.С.* Правовая адаптация мигрантов как одно из направлений государственной миграционной политики России // Миграционное право. – 2013. – № 4. – С. 27–31.
2. *Волох В.А.* Новая Россия: политика и управление миграционными процессами. – Самара, 2015.
3. *Волох В.А., Дмитриева Т.Н.* Институциональные формы диалога власти и гражданского общества в контексте политики интеграции мигрантов (на примере Москвы) // Теории и проблемы политических исследований. – 2017. – Т. 6. – № 2А. – С. 420–432.
4. *Дашкевич Я.* Как Московия украла историю Киевской Руси – Украины (доклад доктора исторических наук) // Універсум. – 2011. – № 11-12. – URL: <http://universum.lviv.ua/journal/2011/6/dashk.htm>
5. *Должикова А.В., Козьменко В.М., Мосейкина М.Н., Киселева Е.В., Кажяева О.С.* Интеграционный экзамен для иностранных граждан: зарубежный опыт, проблемы и перспективы прове-

дения в России = Integration Exam for Foreign Citizens: Foreign Experience, Problems and Exam Prospects in Russia: монография. – 2-е изд., испр. и доп. – М., 2017.

6. *Касьянов Г.* Национализация истории в Украине // Полит.ru. – 6.01.2009. – URL: <http://polit.ru/article/2009/01/06/ukraine>

7. *Киселева Е.В.* Интеграционные тесты для мигрантов в России и за рубежом: концептуальные проблемы // Государство, политика, социум: вызовы и стратегические приоритеты развития: Международная научно-практическая конференция. Екатеринбург, 27 ноября 2014 г.: сб. статей: в 2 ч. – Ч. 2. – Екатеринбург, 2014. – С. 137–138.

8. *Козьменко В.М., Должикова А.В., Арсланов Р.А., Мосейкина М.Н., Румянцева Н.М., Гусева И.С.* История России: учебное пособие для подготовки иностранных граждан к экзамену. – М.: РУДН, 2014. – 173 с.

9. Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 г. (утв. Президентом РФ от 13 июня 2012 г.). – URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70088244/#ixzz4f5elxR1k> (дата обращения: 23.04.2017).

10. *Леденева В.Ю.* Модели социальной адаптации и интеграции трудовых мигрантов. – М., 2014.

11. *Леденева В.Ю.* Языковые образовательные программы Франции по социальной интеграции иммигрантов // Социология образования. – 2016. – № 9. – С. 29–39.

12. Об обеспечении межнационального согласия: Указ Президента РФ № 602 от 7 мая 2012 г. // Президент России. – URL: <http://base.garant.ru/70170940> (дата обращения: 23.04.2017).

13. О внесении изменений в Федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации»: Федеральный закон Российской Федерации от 20 апреля 2014 г. № 74-ФЗ // Российская газета. – 23.04.2014. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_161939 (дата обращения: 23.04.2017).

14. Освещение общей истории России и народов постсоветских стран в школьных учебниках истории новых независимых государств / под ред. А.А. Данилова, А.В. Филиппова. – М., 2009.

15. *Парфенов А.Ф.* Обзор зарубежного законодательства в сфере языкового тестирования с целью интеграции иностранных

граждан в принимающее общество // Юридические исследования. – 2016. – № 9. – С. 13–40.

16. Практика организации и проведения экзамена по русскому языку как иностранному, истории России и основам законодательства РФ: методич. пособие / науч. ред. Л.А. Вербицкая; сост. А.В. Должикова, Л.П. Клобукова, А.А. Парфенов и др. – СПб: РОПРЯЛ, 2017. – 128 с.

17. Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г.: Указ Президента РФ от 19.12.2012 № 1666. – URL: <http://base.garant.ru/70284810> (дата обращения: 23.04. 2017).

18. Требования к содержанию комплексного экзамена по русскому языку как иностранному, истории России и основам законодательства Российской Федерации: Для иностранных граждан, оформляющих разрешение на работу или патент. – М.–СПб: Златоуст, 2015. – 48 с.

19. Трудовая миграция и политика интеграции мигрантов в Германии и России / ред. и сост. М.С. Розанова. – СПб: Центр гражданских, социальных, научных и культурных инициатив «Стратегия»; Скифия-принт, 2016. – 192 с.

20. *Roos Ch., Zaun N.* The global crisis as a critical juncture? The crisis's impact on migration movements and policies in Europe and the U.S. // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. – 2016. – Vol. 42. – № 10-12. – P. 1579–1589.

21. *McCarry O.* Migration, Integration and Activism in Irland // *Ephemera: Theory + Politics in Organization*. – 2014. – № 14 (3). – P. 583–593.

22. *Resnyansky L.* Scientific justification of social policies: concept of language and immigrant integration // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. – 2016. – Vol. 42. – № 10-12. – P. 2049–2066.

REFERENCES

1. *Bessonova V.V., Koshelev M.S.* Pravovaja adaptatsija migrantov kak odno iz napravlenij gosudarstvennoj migratsionnoj politiki Rossii [The legal adaptation of migrants as one of the directions of the state migration policy of Russia] // *Migratsionnoe pravo*. – 2013. – № 4. – P. 27–31.

2. *Dashkevich J.* Kak Moskovija ukrala istoriju Kievskoj Rusi – Ukrainy [As Muscovy stole the history of Kievan Rus – Ukraine] // Універсум. – 2011. – № 11-12. – URL: <http://universum.lviv.ua/journal/2011/6/dashk.htm>

3. *Dolzhikova A.V., Koz'menko V.M., Mosejkina M.N., Kiseleva E.V., Kazhaeva O.S.* Integratsionnyj `ekzamen dlja inostrannyh grazhdan: zarubezhnyj opyt, problemy i perspektivy provedeniya v Rossii [Integration Exam for Foreign Citizens: Foreign Experience, Problems and Exam Prospects in Russia]. – 2 izd., ispr. i dop. – M.: RUDN, 2016. – 139 p.

4. *Koz'menko V.M., Dolzhikova A.V., Arslanov R.A., Mosejkina M.N., Rumjantseva N.M., Guseva I.S.* Istorija Rossii: Uchebnoe posobie dlja podgotovki inostrannyh grazhdan k `ekzameni [The History of Russia. Training manual for training of foreign nationals for the exam]. – M.: RUDN, 2014. – 173 p.

5. *Kas'janov G.* Natsionalizatsija istorii v Ukraine [Nationalization of history in Ukraine] // Полит.ru. – 6.01.2009. – URL: <http://polit.ru/article/2009/01/06/ukraine>

6. *Kiseleva E.V.* Integratsionnye testy dlja migrantov v Rossii i za rubezhom: kontseptual'nye problemy [Integration tests for migrants in Russia and abroad: conceptual problems] // Gosudarstvo, politika, sotsium: vyzovy i strategicheskie priority razvitiya: Mezhdunarodnaja nauchno-prakticheskaja konferentsija. Ekaterinburg. 27 nojabrja 2014 g.: Sb. statej. – V 2 chastjah. – Ch. 2. – Ekaterinburg, 2014. – P. 137–138.

7. Kontseptsija gosudarstvennoj migratsionnoj politiki Rossijskoj Federatsii na period do 2025 goda [The concept of state migration policy of the Russian Federation for the period until 2025] (utv. Prezidentom RF ot 13 ijunja 2012 g.). – URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70088244/#ixzz4f5elxR1k>

8. *Ledeneva V.Ju.* Jazykovye obrazovatel'nye programmy Frantsii po sotsial'noj integratsii immigrantov [The language of the educational program of French social integration of immigrants] // Sotsiologija obrazovaniya. – 2016. – № 9. – С. 29–39.

9. *Ledenjova V.Ju.* Modeli sotsial'noj adaptatsii i integratsii trudovyh migrantov [Models of social adaptation and integration of labor migrants]. – M.: RANH iGS, 2014. – 144 p.

10. *McCarry O.* Migration, Integration and Activism in Irland // *Ephemera: Theory + Politics in Organization*. – 2014. – № 14 (3). – P. 583–593.

11. Ob obespečenii mezhnatsional'nogo soglasija: Ukaz Prezidenta RF № 602 ot 7 maja 2012 g. [On ensuring interethnic consent: the decree of the President of the Russian Federation № 602 of May 7, 2012]. – URL: <http://base.garant.ru/70170940>

12. O vnesenii izmenenij v Federal'nyj zakon «O pravovom položenii inostrannyh grazhdan v Rossijskoj Federatsii»: Federal'nyj zakon Rossijskoj Federatsii ot 20 aprelja 2014 g. № 74-FZ [On amendments to the Federal law «On legal status of foreign citizens in the Russian Federation» Federal law of the Russian Federation from April 20, 2014 № 74] // *Rossijskaja gazeta*. – 23.04.2014. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_161939

13. Osveschenie obschej istorii Rossii i narodov postsovetskikh stran v shkol'nyh uchebnikah istorii novyh nezavisimyh gosudarstv [Lighting the General history of Russia and peoples of post-Soviet countries in school history textbooks of newly independent States]: *Doklad / pod red. A.A. Danilova, A.V. Filippova*. – M., 2009. – 389 p.

14. *Parfenov A.F.* Obzor zarubezhnogo zakonodatel'stva v sfere jazykovogo testirovanija s tsel'ju integratsii inostrannyh grazhdan v prinimajushee obschestvo [Overview of foreign legislation in the field of language testing with the aim of integrating foreign nationals into the host society] // *Juridicheskie issledovanija*. – 2016. – № 9. – P. 13–40.

15. Praktika organizatsii i provedenija `ekzamena po rusckomu jazyku kak inostrannomu, istorii Rossii i osnovam zakonodatel'stva RF [The practice of organizing and conducting the exam on the Russian language, Russian history and fundamentals of RF legislation]: *metodicheskoe posobie / nauch. red. L.A. Verbitskaja; sost. A.V. Dolzhikova, L.P. Klobukova, A.A. Parfjonov i dr.* – SPb: ROPRJaL, 2017. – 128 p.

16. Strategija gosudarstvennoj natsional'noj politiki Rossijskoj Federatsii na period do 2025 goda: Ukaz Prezidenta RF ot 19.12.2012 № 1666 [Strategy of state national policy of the Russian Federation for the period till 2025: the decree of the President of the Russian Federation]. – URL: <http://base.garant.ru/70284810>

17. Trebovanija k sodержaniju kompleksnogo `ekzamena po russkomu jazyku kak inostrannomu, istorii Rossii i osnovam zakonodatel'stva Rossijskoj Federatsii. Dlja inostrannyh grazhdan, oformlja-juschih razreshenie na rabotu ili patent [Requirements for the content of the comprehensive examination in Russian as a foreign language, history of Russia and fundamentals of legislation of the Russian Federation. For foreign nationals, issuing a work permit or a patent]. – M.–SPb: Zlatoust, 2015. – 48 p.

18. Trudovaja migratsija i politika integratsii migrantov v Germanii i Rossii [Labour migration policy and migrant integration in Germany and Russia] / red. i sost. M.S. Rozanova. – SPb: Tsentr grazhdanskih, sotsial'nyh, nauchnyh i kul'turnyh initsiativ «STRATEGIJa»; Skifija-print, 2016. – 192 p.

19. *Resnyansky L.* Scientific justification of social policies: concept of language and immigrant integration // Journal of Ethnic and Migration Studies. – 2016. – Vol. 42. – № 10-12. – P. 2049–2066.

20. *Roos Ch., Zaun N.* The global crisis as a critical juncture? The crisis's impact on migration movements and policies in Europe and the U.S. // Journal of Ethnic and Migration Studies. – 2016. – Vol. 42. – № 10-12. – P. 1579–1589.

21. *Voloh V.A.* Novaja Rossija: politika i upravlenie migratsionnymi protsessami [The new Russia: politics and the management of migration processes]. – Samara: Izdatel'skij Dom «Bahrah-M», 2015. – 192 p.

22. *Voloh V.A., Dmitrieva T.N.* Institutsional'nye formy dialoga vlasti i grazhdanskogo obschestva v kontekste politiki integratsii migrantov (na primere Moskvy) [Institutional forms of dialogue between the authorities and civil society in the context of the policy of integration of migrants (on the example of Moscow)] // Teorii i problemy politicheskikh issledovanij. – 2017. – Vol. 6. – № 2A. – P. 420–432.

ШКОЛЫ РУССКОГО ЯЗЫКА ВО ФРАНЦИИ КАК СРЕДСТВО АДАПТАЦИИ МИГРАНТОВ И РАСПРОСТРАНЕНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА И КУЛЬТУРЫ

Е.В. Линькова

*Российский университет дружбы народов
(Москва, Россия)*

Статья посвящена распространению русскоязычной культуры и русского языка, которое осуществляется благодаря деятельности и функционированию специализированных школ. Школы русского языка во Франции рассматриваются с точки зрения их вклада в процесс адаптации русскоязычных мигрантов, а также в рамках сохранения и распространения русского языка, традиций, культуры в мире.

Автор отмечает существенную роль русских школ во Франции, которые, опираясь на давнюю историческую традицию своего существования, с одной стороны, поддерживают интерес к русским национальным традициям во французском обществе, способствуют сохранению русского языка, а с другой – помогают успешной интеграции детей мигрантов в условиях страны приема.

Автор рассматривает учебные программы отдельных русских школ во Франции, подчеркивает их тесную связь с французской образовательной средой, а также отмечает несомненную ценность подобных учебных заведений в деле сохранения и распространения русского языка в странах Западной Европы.

Ключевые слова: *миграция, мигранты, русские школы, русский язык, образовательные программы, адаптация мигрантов.*

RUSSIAN LANGUAGE SCHOOLS IN FRANCE AS A TOOL FOR MIGRANTS TO LOCALIZE AND TO DISSEMINATE THE RUSSIAN LANGUAGE AND CULTURE

E.V. Lin'kova

*Peoples Friendship University of Russia
(Moscow, Russia)*

The article is devoted to the dissemination of the Russian culture and the Russian language, effected due to the activities and functioning of specialized schools. Russian language schools in France are considered from the point of their contribution to the process of Russian-speaking migrants localization, and also within the framework of maintaining and disseminating the Russian language, traditions, and culture throughout the world.

The author emphasises the essential role of Russian schools in France, which, basing on the long-standing historical tradition of their existence, on the one hand, keep up interest in the Russian national traditions in the French society, contribute to maintaining the Russian language, and, on the other hand, help the migrants children successful integration in the host country environment.

The author examines the curricula of some definite Russian schools in France, emphasizes their close relationship with the French educational environment, also noting the undoubted value of such educational institutions if we are to maintain and disseminate the Russian language in West European countries.

Key words: *migration, migrants, Russian schools, Russian language, curricula, adaptation/ localization of migrants.*

Введение. История возникновения русских школ во Франции имеет давнюю традицию, которая напрямую связана с миграционными процессами начала XX в. Политические потрясения, российская революция 1917 г., гражданская война – все эти события заставили значительную часть

российского общества покинуть Россию и отправиться в различные страны Западной и Центральной Европы, Северной и Латинской Америки, Азии.

Одной из стран приема русскоговорящих эмигрантов становится Франция, где нашли убежище тысячи выходцев из России. Эмиграция во Францию была обусловлена рядом политических, экономических, социокультурных причин: это и тесные связи, сформировавшиеся между Россией и Францией еще в XVIII в., и определенные условия жизни, которые традиционно привлекали мигрантов.

Обзор литературы. Проблеме русской эмиграции во Франции посвящено немало работ. Данная проблематика получила всестороннее изучение благодаря значительному количеству источников, в том числе личного происхождения: мемуаров, эпистолярного наследия, фоно- и фотоархивам и т.д., а также делопроизводственным документам, материалам СМИ и т.д. Среди основных тем, привлекающих внимание исследователей, можно назвать вопросы адаптации эмигрантов из России, изучение основных видов их деятельности, в том числе политической, экономической, культурной, общественной и т.д., анализ условий жизни и мн. др.

Одним из важных аспектов, связанных с изучением миграции, является вопрос о возможности адаптации к новым реалиям жизни в стране приема и, с другой стороны, о сохранении традиций собственной культуры, национальных особенностей, языка, религии и т.д. В этой связи особое место среди работ, посвященных истории миграции, занимают те, которые затрагивают гуманитарные и культурные аспекты, например, общественную, культурно-просветительскую деятельность эмигрантов, включавшую создание печатных органов, ассоциаций и объединений и, несомненно, учебных заведений (Ковалевский, 2005; Курамина, 2003; Раев, 2014). Подобная деятельность, с одной стороны, способствовала сохранению и распространению собственной

культуры и традиций, ее развитию среди следующих поколений мигрантов, а с другой – адаптации в новых условиях, включению в социальную среду принимающего мигрантов государства.

Методы. В статье использованы сравнительно-исторический и историко-антропологический методы, которые дали возможность провести анализ исторических источников, сделать теоретические обобщения, составить целостную картину деятельности русских школ во Франции, определить особенности учебных программ, цели и задачи подобного образования.

Исследование проблемы. Возникновение русских школ во Франции было тесно связано с деятельностью русских мигрантов послереволюционного периода, т.е. тех, кто выехал из России в 1917 – начале 1920-х гг. Однако и в настоящее время русские школы не только не прекратили свое существование, но и с успехом продолжают осуществлять важную просветительскую и социальную функции. Как отмечает Н.Ю. Степанов, «из всех стран русской эмиграции наиболее благоприятные условия для развития системы образования сложились во Франции» (Степанов...), что было связано и с многочисленностью эмигрантов, и особым отношением французского правительства, и выделением специальных средств для развития образовательной деятельности. Среди подобных школ можно назвать и русскую школу в Ницце (основана 1 октября 1925 г. А.И. Яхонтовым), и школу в Кэнси-су-Сенар (открыта 29 июня 1925 г. великой княгиней Ириной Павловной), а также русские отделения при французских средних учебных заведениях Парижа, Версаля и Ниццы (Ковалевский, 2005; Раев, 1994; Общественная мысль..., 2009; и др.). Целью всех подобных заведений было создание условий для детей русских эмигрантов получить образование в русской школе и совмещать его с французской программой. Так, учебный план русских школ был согласован с французским, что предполагало возможность

адаптации эмигрантов к системе обучения во Франции. Можно отметить, что подобные цели ставятся и в настоящее время, а русские школы переживают те же процессы, которые имеют место во французской системе образования, используют модели образования, принятые во Франции, принимают участие в общепольских дебатах по вопросам образования и воспитания детей.

Школьное образование во Франции – традиционная тема для общественно-политических дискуссий, которые включают в себя такие важные аспекты, как проблема равных возможностей, программы обучения, отношение между поколениями, в том числе адаптация различных групп мигрантов.

В ноябре 2003 г. во Франции прошли общенациональные дебаты, посвященные будущему системы образования в стране, в которых приняли участие около миллиона французов.

Можно отметить, что «школа постоянно находится в самом сердце общих дебатов, в которых участвуют самые широкие слои населения» (Республиканская школа..., 2004). Более того, школа в современной Франции играет ключевую роль в деле национального самоопределения, распространения культурных ценностей и традиций французского государства и общества. Данные аспекты, однако, не означают тотальной унификации системы образования и обеспечивают возможность развивать национальные школы, какими, в частности, являются школы русского языка. Подобные школы ставят перед собой важные задачи, среди которых можно назвать обучение языку, знакомство с национальной культурой, в том числе литературой, искусством, историей, а также способствуют более плавной адаптации детей мигрантов в систему образования Франции и интеграции во французское общество. Русские школы используют модели обучения, с успехом применяемые во Франции, например, «конструктивную» педагогику, разделяют согласное французской методике «первичное» и «фундаментальное» обучение. Младшие школьники получают воз-

возможность обучаться по «экспрессивной» педагогической модели, которая постепенно вытесняет во Франции «продуктивную» модель. В рамках «продуктивной» системы ребенка оценивают по его результатам, техническому успеху сделанной работы, способности к усилию и прилежности, в рамках же «экспрессивной» концепции обучения поощряют того ребенка, которому удастся применить свои способности «юного исследователя» и развить оригинальность и выражение личности (Тевенон, 2004). Школа, таким образом, нацелена на развитие способностей ребенка и создание «мотивирующей окружающей среды» (Тевенон, 2004), что заметным образом проявляется в том числе и в деятельности русских школ во Франции.

В школах Франции предусмотрено обучение иностранным языкам (которое начинается в последний год младшей школы), поэтому дополнительное образование, получаемое в национальной школе (например, русской), дает возможность уже с раннего возраста знакомить детей с культурой и традициями своей Родины. Русские школы во Франции довольно многочисленны и в настоящее время пользуются большой популярностью не только среди выходцев из России, но и представителей других национальностей, желающих расширить свой кругозор и познакомиться с иной культурной традицией. В этом смысле сеть русских школ во Франции можно сравнить с французскими школами за границей. Хотя французские колледжи, лицеи, школы составляют уникальную по размаху и географии систему образования, которая функционирует в более чем 130 странах мира, имеет давнюю и богатую историю и с успехом реализует свою первостепенную цель – распространение французского языка и культуры.

Обращаясь к проблеме становления и функционирования русских школ во Франции, необходимо обратиться к примерам подобных учреждений, число и популярность которых все больше возрастает. Этому в немалой степени способствуют и увеличивающийся интерес к российской

культуре, и совместные российско-французские проекты, проводимые на самом высоком правительственном уровне. Примером тому может служить 2010 г., объявленный годом России во Франции и Франции в России. Именно за этот год, помимо прочих проектов культурного, политического, экономического и научного сотрудничества, особый импульс получило развитие русских центров и школ во Франции. Так, в частности, 2 декабря 2010 г. состоялось торжественное открытие русской секции Международного лицея Сен-Жермен-ан-Ле в замке Аннемонт. В международных лицеях Страсбурга и Ниццы также были созданы русские секции, деятельность которых была направлена на распространение русского языка и культуры. Ученикам подобных секций предлагаются такие предметы, как история России, география, литература и, конечно же, русский язык.

Знаковым событием в рамках функционирования русских школ стало проведение 27–28 марта 2010 г. в Страсбурге Конгресса Ассоциации преподавателей русского языка во Франции, которая представляет более 300 учителей и преподавателей. В рамках Конгресса состоялась презентация учебного курса «Вояж по-русски: интенсивный курс русского языка в виде приключенческого романа», обсуждались вопросы функционирования русских школ, их взаимодействия с французской системой образования, повышения квалификации учителей и т.д.

В настоящее время во Франции функционируют русские школы различного типа – от воскресных до школ полного дня, следовательно, можно дифференцировать цели и задачи, которые ставят перед собой подобные учебные заведения.

Большую роль в объединении школ и координации их деятельности играет русско-французская ассоциация «Русский Альянс», созданная 8 ноября 2005 г. в Ницце и призванная обеспечить объединение русскоговорящих жителей Франции, а также распространение системы русских школ, языка, культуры, создание благоприятной атмосферы для

интеграции русских во Франции и т.д. На базе данной Ассоциации был также создан Русский центр двуязычного развития, ключевыми видами деятельности которого являются следующие: преподавание русского языка как родного русскоговорящим детям на базе русской школы «Солнышко»; координирование работы русских школ дополнительного образования юга Франции; русские встречи, вечера, пикники, спектакли; празднование традиционных русских праздников; участие в европейских проектах в области детского двуязычия; проведение стажировок и конференций по детскому билингвизму для коллег из других стран Европы (<http://www.alliancerusse...>) и т.д.

Среди известных русских школ во Франции можно назвать такие, как школа при Российском посольстве во Франции (является средней школой с углубленным изучением иностранных языков и ассоциированной школой ЮНЕСКО), Ecole Russe – Русская школа в Париже, «Алые паруса», «Жар-птица», «Апрелик», «Антошка», «Иветтик», «Лингварик» и многие другие (<http://maxime...>). Особой популярностью пользуется Школа русской словесности при Кафедральном соборе св. Николая в Ницце – знаковом центре русской эмиграции (www.slovesnost.fr).

Важно отметить, что русские школы предлагает не только изучение русского языка, но и образовательно-развивающие курсы, например: «Мир вокруг нас», «Русская культура», «Развитие речи и литературные чтения» (курсы школы «Жар-Птица»). А некоторые организации, такие как, например, «Матрешка», занимаются не только образовательной деятельностью, но и организуют собственный кукольный театр, гастрольные туры, фестивали, концерты и т.п.

Выводы. Русские школы несут важную миссию – прививают любовь и интерес к родному языку путем погружения в языковую среду, изучения культуры и традиций России. Родители, чей ребенок обучается в русской школе, в частности, отмечают, что благодаря занятиям дети быстрее

адаптируются в новых для себя условиях. Немаловажно и то, что к образовательной деятельности приглашаются высококвалифицированные специалисты, что помогает вывести русский язык за рамки домашнего и делает его полезным и интересным с интеллектуальной точки зрения. Так, среди прочих Русская гимназия в Париже ставит перед собой цель «сформировать у учеников сознательный билингвизм и сохранить русский язык в качестве одного из родных», а также «воспитать свободную, мыслящую, творческую, активную и ориентированную на успех личность с развитыми социальными навыками» (<http://russianguymnasium...>).

В целом русские школы во Франции при наличии особенностей в учебных планах объединяет следующее: признание необходимости ребенку в эмиграции изучать родной язык, а также способствовать процессу адаптации детей к условиям жизни за рубежом, в частности, во Франции. Более того, важной составляющей деятельности русских школ и образовательных центров является распространение русского языка и культуры во французском обществе, что в немалой степени способствуют развитию российско-французского культурного и гуманитарного взаимодействия, взаимному уважению, созданию атмосферы доверия и партнерства между Россией и Францией.

В этом смысле реализация задач, связанных с сохранением русского языка и культуры, тесно связана с вопросами успешной интеграции русскоязычных детей во французское общество, что помогает в получении не только среднего, но и высшего образования во Франции, а впоследствии дает возможность реализовать свой потенциал в любой языковой среде.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Гусефф К.* Русская эмиграция во Франции: социальная история (1920–1939 годы). – М., 2014.
2. *Ковалевский Е.П.* Краткие сведения о русском среднем образовании во Франции (1920–1925 гг.). – СПб, 2005.

3. *Курамина Н.В.* Высшая школа в зарубежной России. 1920–1930-е гг. – М., 2003.
4. Общественная мысль русского зарубежья: энциклопедия / отв.ред. В.В. Журавлев; отв. секр. А.В. Репников. – М., 2009.
5. *Раев М.* Россия за рубежом: история культуры русской эмиграции. 1919–1939. – М., 1994.
6. Республиканская школа по-французски // Label France. – 2004, апрель–июнь. – № 54. – С. 5.
7. *Степанов Н.Ю.* Система образования русской эмиграции во Франции в 1920–1930-е гг. – URL: <http://pstgu.ru/download/1279797906.stepanov.pdf> (дата обращения 05.09.2017).
8. *Тевенон Э.* Младшая школа: от ребенка к ученику // Label France. – 2004, апрель–июнь. – № 54. – С. 9.
9. URL: <http://www.alliancerusse.fr/index.php/ru/russ-ii-lijans/ss-ci-cija> (дата обращения: 05.09.2017).
10. URL: <http://maxime-and-co.com/item/langue-russe/pour-enfants> (дата обращения: 05.09.2017).
11. URL: www.slovesnost.fr (дата обращения: 05.09.2017).
12. URL: <http://russianguymnasium.com/o-centre/nashi-principi> (дата обращения: 05.09.2017).

REFERENCES

1. *Guseff K.* Russkaja jemigracija vo Francii: social'naja istorija (1920–1939 gody). [Russian emigration in France: social history (1920–1939 years)]. – М., 2014.
2. *Kovalevskij E.P.* Kratkie svedenija o russkom srednem obrazovanii vo Francii (1920–1925 gg.) [Brief information about the Russian secondary education in France (1920–1925)]. – SPb, 2005.
3. *Kuramina N.V.* Vysshaja shkola v zarubezhnoj Rossii. 1920–1930-e gg. [Graduate school in foreign Russia. 1920–1930]. – М., 2003.
4. Obshhestvennaja mysl' Russkogo zarubezh'ja: Jenciklopedija / otv. red. V.V. Zhuravlev; otv. sekr. A.V. Repnikov [The Social thought of Russian emigration: an encyclopedia / ed. by V.V. Zhuravlev; resp. sekr. A.V. Repnikov]. – М., 2009.
5. *Raev M.* Rossiija za rubezhom: istorija kul'tury russkoj jemigracii. 1919–1939. [Russia abroad: a cultural history of Russian emigration. 1919–1939]. – М., 1994.

6. Respublikanskaja shkola po-francuzski [Republican school in France] // Label France. – 2004, April–June. – № 54. – P. 5.

7. *Stepanov N.U.* Sistema obrazovanija ruskoj jemigracii vo Francii v 1920–1930-e gody [The education system of the Russian emigration in France in the 1920–1930-s]. – URL: <http://pstgu.ru/download/1279797906.stepanov.pdf> (accessed: 05.09.2017).

8. *Tevenon Je.* Mladshaja shkola: ot rebenka k ucheniku [Junior school: from child to student] // Label France. – 2004, April–June. – № 54. – P. 9.

9. URL: <http://www.alliancerusse.fr/index.php/ru/russ-ii-lijans/ss-ci-cija> (accessed: 05.09.2017).

10. URL: <http://maxime-and-co.com/item/langue-russe/pour-enfants> (accessed: 05.09.2017).

11. URL: Available at: www.slovesnost.fr (accessed: 05.09.2017).

12. URL: <http://russianguymnasium.com/o-centre/nashi-principi> (accessed: 05.09.2017).

ПОТЕНЦИАЛ СТРАН И РЕГИОНОВ МИРА С ПОЗИЦИИ ПРОДВИЖЕНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА И ОБРАЗОВАНИЯ НА РУССКОМ*

***В.Н. Холина, А.В. Должикова,
А.Р. Массарова, М.В. Потапенко***

*Российский университет дружбы народов
(Москва, Россия)*

Реализация образовательных программ на русском языке в зарубежных странах занимает приоритетное место во внешней политике РФ в сфере культуры. Выбор стран – массовых и потенциальных рынков для экспорта российского образования, в первую очередь, программ изучения русского языка – приоритетная научно-практическая задача, алгоритм и результаты

* Публикация подготовлена при поддержке Программы РУДН «5–100».

решения которой представлены в данной статье. Правильный выбор фокусных стран позволит максимально эффективно использовать ресурсы и получить максимальный эффект. Задача решалась с использованием методики многопризнаковой классификации для анализа больших массивов социально-экономических показателей по странам мира, а также трендов международной мобильности студентов. Выявлены основные факторы, влияющие на успешное продвижение русского языка и образования на русском, а также группы стран, различающиеся по потенциалу продвижения программ; предложены модели реализации маркетинговых стратегий.

Ключевые слова: русский язык, образование, многофакторный анализ, социально-экономическое развитие, геополитика.

**CAPACITY OF THE COUNTRIES
AND PARTS OF THE GLOBE
FOR PROMOTING THE RUSSIAN LANGUAGE
AND EDUCATION IN RUSSIAN***

***V.N. Kholina, A.V. Dolzhikova,
A.R. Massarova, M.V. Potapenko***

*Peoples' Friendship University of Russia
(Moscow, Russia)*

The implementation of educational programs in Russian in foreign countries takes pride of place in the RF foreign policy in the field of culture. The choice of countries – mass and prospective markets to export the Russian education, primarily the programs for the Russian language study – is a scientific and practical priority, so this article comes out with an algorithm and results of this task's solution. The judicious selection of the focus countries will maximize the use of resources to garner best possible effect. The task was solved using the multivariate classification technique to analyze large arrays of socio-

* This article was created and published with the assistance of the PFUR Program «5–100».

economic indicators for the countries of the world, as well as trends in international students mobility. We have revealed the major factors influencing the successful promotion of the Russian language and education in Russian, as well as groups of countries differing in their capacity to promote the said programs, and have come out with the models to implement the marketing strategies.

Key words: *Russian language, education, multivariate analysis, social and economic development, geopolitics.*

Введение. Постановка исследовательской задачи. Задача укрепления позиций русского языка за рубежом занимает приоритетное место во внешней политике РФ в сфере культуры. Институциональную основу этой политики составляют координированные действия МИД РФ, Министерства образования и науки РФ, Министерства культуры РФ, Федерального агентства по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству (Россотрудничество, 2017).

Значение продвижения русского языка в странах и регионах мира обусловлено тем, что степень его распространенности определяет возможности расширения предложения российских образовательных программ на русском языке как важнейшей сферы его применения. Экспорт российских образовательных услуг, в частности, продвижение дисциплин направления «Russian Studies», в рамках которых изучается широкий круг аспектов – от истории до современного социально-экономического развития РФ, является одним из важнейших элементов политики «мягкой силы» и способствует формированию международного положительного имиджа РФ.

Определение регионов и фокусных стран, в наибольшей степени отвечающих цели, заключающейся в продвижении русского языка, – важная практическая задача, решение которой позволит повысить результативность проводимых проектов и формировать наиболее продуктивные прог-

раммы с учетом выявленных экономических, политических и культурных особенностей (Россотрудничество, 2017).

Обзор литературы. Вопросам продвижения русского языка, практическим аспектам его преподавания за рубежом посвящено значительное число публикаций; их число особенно велико было в период реализации Федеральной целевой программы «Русский язык» в 2011–2015 гг. (Продвижение русского языка..., 2012; 2013). Особенно следует отметить работы, подготовленные Центром социального прогнозирования и маркетинга (Русский язык..., 2012), публикации специализированного издания «Русский язык за рубежом», исследования о положении русского языка и возможностях укрепления его позиций в отдельных странах мира (Иванова, 2012; Митрофанова, 2006; Толорая, 2012).

Ряд работ анализирует возможности продвижения русского языка через формирование позитивного образа страны за рубежом (Ардатова, 2015; Ниязова, 2012).

Однако систематических исследований по выявлению фокусных стран, основанных на достоверной статистической базе, которая позволила бы учесть факторы социально-экономического развития «принимающих» стран, пока не опубликовано.

«Готовность» стран мира к изучению и использованию русского языка и впоследствии образования на русском языке определяется как историческими, культурными и геополитическими факторами, степенью развития экономического и политического сотрудничества с РФ, так и уровнем их социально-экономического развития, образования и качеством жизни населения. Все эти факторы были оценены через систему макроэкономических показателей, дополненных экспертными оценками. Учет только политических факторов, как правило, негативно сказывается на перспективах долгосрочного сотрудничества и приводит к полной потере рынка при неожиданной смене правительств и геополитического курса. С другой стороны, учет исключительно экономических факторов

тоже не дает реальной картины, так как благоприятной «почвы» для реализации программ в выбранных странах может и не быть, так как перед экономикой страны могут стоять совсем другие задачи (например, ликвидация бедности и повышение доли грамотных, а не изучение русского языка).

Методы и подходы. Методологической основой работы стали классификационные парадигмы регионального развития, опубликованные в работах классиков экономической географии и регионалистики.

Использование математического аппарата для классификационных исследований в пространственной экономике началось с середины XX в. Широкую известность классификационные подходы к анализу регионального развития были использованы в работах Б. Берри (Berry, 1958), В. Бунге (Бунге, 1967), Т. Кшиша (Czyż, 1968), Л.В. Смирнягина (Смирнягин, 2005), В.Е. Шувалова (Шувалов, 2015).

Для решения поставленной задачи были выявлены страны с максимально сходными характеристиками по всему комплексу социально-экономических и геополитических показателей с использованием методики многопризнаковой классификации, алгоритм проведения которой следующий: выбор наиболее существенных признаков (показателей), выбор логической основы классификации (определение рангов «хороших», «средних» и «плохих» показателей), ранжирование показателей, комплексный анализ рангов показателей (Холина, 2015).

Особенно важен выбор комплекса количественных и качественных факторов, их ранжирование по степени значимости. Так, ключевыми показателями являются емкость образовательного рынка, оцениваемая через численность населения страны и численность населения в возрасте 0–24 года (основная целевая аудитория), уровень грамотности, относительный показатель государственных расходов на образование (на душу населения), индекс человеческого развития – интегральный показатель, отражающий основные характеристики по-

тенциала населения: уровень жизни, образованности, долголетие и ВВП на душу населения. Экспертно оценивались степень развития экономических, дипломатических отношений и культурно-исторических связей с РФ.

Количественно оценивались также такие показатели, как доля городского населения, доступность Интернета (число пользователей Интернета на 100 чел. для выявления возможностей проведения обучения дистанционно), доля населения, живущая менее чем на 1,9 дол. США (международный порог бедности). Значимость данного показателя для исследования высока, так как бедность тесно коррелирована с другими проблемами, такими как высокая смертность, отсутствие начального образования, недоедание, ограниченный доступ к воде и санитарии. Очевидно, что при высокой доле населения с доходом ниже международного порога бедности попытки распространения русского языка в стране, скорее всего, будут непродуктивны, даже если эта страна входит в систему геополитических приоритетов РФ.

На основе этих показателей была составлена многопризнаковая классификация стран регионов мира – Европы, Азии, Латинской Америки, Африки. Выделены группы стран с высоким, средним и ниже среднего потенциалом продвижения русского языка, а также группа стран с особым статусом, потенциал которых существенно зависит от изменения геополитической обстановки.

Следует отметить, что использование методики микро-географического анализа для изучения перспектив продвижения русского языка и образования на русском проводится впервые.

Результаты. По результатам анализа были выделены группы стран с высоким, средним и ниже среднего потенциалом продвижения русского языка, а также группа стран с особым статусом, в которую вошли страны, отношения с которыми подвержены резким колебаниям из-за изменения международной геополитической обстановки (табл. 1).

Таблица 1

**Классификация стран мира
по потенциалу продвижения русского языка, 2016 г.**

Регион	Субрегион	Страна
СТРАНЫ С ВЫСОКИМ ПОТЕНЦИАЛОМ ПРОДВИЖЕНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА		
Европа	Восточная Европа	Белоруссия, Болгария, Польша
	Западная Европа	Германия
	Северная Европа	Эстония, Латвия, Литва, Финляндия
Азия	Центральная Азия	Казахстан, Туркмения, Узбекистан, Таджикистан, Киргизия
	Западная Азия	Азербайджан, Армения, Израиль
	Восточная Азия	Китай, Монголия, Республика Корея
	Южная Азия	Индия
Латинская Америка	Южная Америка	Аргентина, Бразилия, Чили, Венесуэла
	Центральная Америка	Мексика
	Карибский бассейн	Куба
Африка	Южная Африка	ЮАР
	Центральная Африка	Ангола
	Восточная Африка	Кения, Эфиопия, Руанда
	Западная Африка	Нигерия
СТРАНЫ СО СРЕДНИМ ПОТЕНЦИАЛОМ ПРОДВИЖЕНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА		
Европа	Западная Европа	Франция, Испания, Италия
	Южная Европа	Хорватия, Греция, Сербия, Чехия, Словения, Венгрия, Румыния, Словакия
Азия	Западная Азия	Грузия, Оман, Катар, Кувейт, Саудовская Аравия, Бахрейн, Иордания, Кипр, ОАЭ
	Юго-Восточная Азия	Вьетнам, Малайзия
Латинская Америка	Южная Америка	Колумбия, Перу, Уругвай, Эквадор, Боливия, Парагвай
	Центральная Америка	Коста-Рика, Панама

Регион	Субрегион	Страна
	Карибский бассейн	Доминиканская Республика
Африка	Северная Африка	Судан
	Центральная Африка	Республика Конго
	Восточная Африка	Замбия, Танзания
	Западная Африка	Гана, Кот-д'Ивуар, Сенегал
СТРАНЫ С ПОТЕНЦИАЛОМ ПРОДВИЖЕНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА НИЖЕ СРЕДНЕГО		
Азия	Западная Азия	Ирак, Иран, Йемен, Ливан
	Восточная и Юго-Восточная Азия	Япония, Мьянма
Латинская Америка	Южная Америка	Суринам, Гайана
	Центральная Америка	Гватемала, Гондурас, Никарагуа, Сальвадор
	Карибский бассейн	Гаити, Ямайка
Африка	Южная Африка	Намибия, Ботсвана
	Центральная Африка	Камерун, Габон, Экваториальная Гвинея, ЦАР
	Восточная Африка	Маврикий, Сейшельские острова, Зимбабве, Мадагаскар, Уганда, Руанда, Мозамбик, Сомали
	Западная Африка	Кабо-Верде, Мали, Гамбия, Гвинея-Бисау, Того, Бенин
СТРАНЫ С ОСОБЫМ СТАТУСОМ		
Северная Америка	–	США, Канада
Европа	Восточная Европа	Украина, Молдова
Азия	Западная Азия	Грузия, Турция, Сирия, Палестина

Источник: составлено авторами.

Таким образом, страны, набравшие минимальное количество баллов, были отнесены к первой группе и представляют собой ключевой эшелон для распространения образовательных программ на русском языке. Промежуточные

эшелоны, соответственно, имеют возможности выше среднего (вторая группа) и ниже среднего (третья группа), а в четвертую группу вошли страны с особым статусом.

Европа. После распада СССР и резкого ослабления экономических связей России с восточноевропейскими государствами и переориентации их на политическое, экономическое, научно-техническое и культурное сотрудничество с ЕС и США престиж русского языка и его практическая значимость резко снизились, значительно сократилось и число активно владеющих им или изучающих его. Если в 1990 г. в восточноевропейских странах насчитывалось 44 млн человек, знавших русский язык, то спустя 15 лет их осталось 19 млн, причем активно владевших русским языком – не более 1/3 от этого числа (Арефьев, 2013). Тем не менее потенциал для продвижения русского языка в странах Европы существует, русскоязычная диаспора присутствует во всех странах региона, сохраняется и значимость исторических связей.

Количество владеющих русским языком в Германии максимально среди всех зарубежных стран (6 млн чел., в том числе более 3 млн – выходцы из СССР). Большая часть коренного населения ФРГ, знающего русский язык, проживает на востоке страны (бывшая ГДР), где обучение русскому языку являлось обязательным в средней школе и было широко распространено в вузах.

Азия. Страны СНГ занимают ключевое положение среди приоритетных стран для реализации программ по русскому языку: это массовый рынок, большинство жителей знают и говорят на русском языке, страны имеют схожие системы образования, российское образование традиционно считается престижным.

В *Израиле* русскоговорящее население составляет значительную долю – 1,2 млн чел (15% населения страны), однако в стране нет ни одного русскоязычного СМИ, которое бы занимало лояльную или нейтральную позицию по отношению к России.

В *Китае* специалисты, владеющие русским языком, становятся все более востребованными, и это вполне очевидно, учитывая огромное количество фирм, поставляющих свою продукцию в Россию.

В *Индии* с каждым годом повышается потребность в программах по изучению русского языка.

Важный импульс развитию гуманитарного сотрудничества между Россией и *Республикой Корея* придало подписание межправительственных соглашений об учреждении культурных центров и взаимной отмене виз для краткосрочных поездок.

Монголия ныне является важной составной частью восточного вектора внешней политики РФ, включена в число государств, где планируется реализация проектов федеральной программы для поддержания изучения русского языка за рубежом (в 2010 г. Монголия находилась на 8-м месте в мире по числу граждан, владеющих русским языком за пределами России – 1,2 млн чел.) (Арефьев, 2013).

Латинская Америка. В группу стран с высоким потенциалом для продвижения русского языка вошли многонаселенные (ключевые) страны региона, которые характеризуются высокими и средними показателями развития образования, интенсивно развивающимся научно-техническим и культурным сотрудничеством с Россией: *Бразилия, Аргентина, Мексика, Венесуэла, Чили*. Эти страны могут быть рассмотрены как субрегиональные центры изучения русского языка и продвижения образовательных программ на русском языке. Также в эту группу входит *Куба*, которая долгое время находилась в сфере геополитического влияния СССР.

Африка. В период 1960–1980-х гг. наша страна активно поддерживала национально-освободительное движение в регионе, вовлекала освободившиеся от колониальной зависимости государства в сферу своих геополитических интересов, предоставляла возможность получения бесплатного

высшего образования. После 1990-х гг. влияние ослабло, в то же время выросли инвестиции и помощь развитию со стороны западных стран и Китая. 34 страны Африки относятся к категории «наименее развитых» из-за низких доходов, низкого уровня и качества жизни, низкого развития человеческого потенциала. Все это является лимитирующими факторами продвижения русского языка. «Проводниками» русского языка являются выпускники российских вузов, занимающие видные посты в государственном аппарате и системе образования.

В странах, вошедших в группу с высоким потенциалом продвижения русского языка, активно работают представительства Россотрудничества, на базе которых проводятся курсы русского языка, их потребители – молодежь, для которой главным стимулом получения языковых знаний и основ страноведения является желание учиться в российских вузах.

Группа стран с особым статусом характеризуется значительным потенциалом, но вследствие быстро меняющейся геополитической обстановки их нельзя рассматривать как приоритетные при формировании проектов по продвижению русского языка.

Статус русского языка в *Украине* – один из вопросов, приведших к критической национальной ситуации и кризису в сотрудничестве между Россией и Украиной. До начала эскалации напряженности между странами на русском языке предпочитали общаться 83% граждан Украины, при том что количество школ с обучением на русском языке сократилось (с 50% от общего числа в 1992 г. до 5,9% в 2012 г.). Очевидно, что в современных условиях ситуация все более ухудшается.

Русский язык в *Молдавии* после принятия закона о языке в 1989 г. и перевода письменности с кириллицы на латиницу утратил государственный статус, но сохранил статус языка межнационального общения, хотя его позиции стремительно ухудшаются (Арефьев, 2012).

Рынок *Абхазии* и *Южной Осетии* также открыт для продвижения русского языка, который там весьма востребован.

До 2015 г., когда дипломатические отношения фактически были приостановлены, наиболее благоприятным сочетанием факторов среди всех стран Ближнего Востока обладала *Турция* – вторая по величине экономика региона, вторая по численности населения страна с одним из самых высоких в регионе уровнем грамотности и распространения Интернета.

Египет, несмотря на значительные масштабы (страна занимает первое место в регионе по численности населения, второе место по числу интернет-пользователей, четвертое место в регионе по объему экономики), отличается низкими подушевыми показателями экономического развития, большой долей бедного населения. Перспективы для продвижения русского языка в стране хорошие при достижении консенсуса в вопросах обеспечения безопасности и возобновления потока туристов из России.

Реализация программ по обучению русского языка в *Сирии* и *Палестине* из-за продолжающихся на их территориях вооруженных конфликтов затруднительна. В то же время в 2014 г. Министерство образования Сирии ввело обязательное изучение в средних школах страны русского в качестве второго иностранного языка.

Несмотря на антироссийскую пропаганду, университеты стран *Северной Америки* лидируют по количеству программ «Russian Studies» – изучение истории, экономики, политики и культуры России, русского языка. Кроме того, русская диаспора в этих странах многочисленна (особенно в США).

Целевая аудитория представлена тремя основными категориями. Главной целевой аудиторией по изучению русского языка являются школьники (преимущественно учащиеся средних и старших классов) и студенты вузов. Они могут быть заинтересованы в получении дальнейшего обра-

зования в России, трудоустройстве в российских компаниях или в компаниях, сотрудничающих с РФ. Для этой категории максимально востребованной формой реализации программ может стать создание центров обучения русскому языку при ведущих университетах, создание совместных магистерских программ, развитие дистанционного обучения. Важной составляющей для продвижения русского языка в приоритетных странах должна стать активизация работы СМИ, в том числе русскоязычных, пропагандирующих положительный образ России.

Важнейшей целевой аудиторией представляются мигранты из России. При формировании программ продвижения русского языка необходимо дифференцировать русскоязычных граждан и их детей (мигранты в первом поколении) и резидентов зарубежных стран с этническими русскими корнями (второе и третье поколения). Дети, общаясь в основном с иностранными сверстниками, быстро начинают терять родной язык. Ключевое значение имеет создание русских школ с обучением на русском языке с 1-го класса по программам, утвержденным в Министерстве образования РФ, и с ориентацией на обучение в российских вузах. Реализация программ дополнительного образования – сетевых и заочных школ русского языка для детей из семей иммигрантов – может стать важным фактором его продвижения. Потенциально востребованной формой реализации программ может стать организация детских летних лагерей. Событийные мероприятия (выставки русских художников, лекции ученых, дни русского языка и русской культуры) формируют интерес и востребованность русского языка.

Изучение русского языка важно для сотрудников иностранных компаний, развивающих бизнес в РФ. Спрос на русскоговорящих специалистов в области туризма, продажи недвижимости и т.д. вызывает стремление к изучению русского языка и необходимость в организации соответствующих курсов.

Распространение программы «Russian Studies». По результатам анализа сайтов 400 университетов (рейтинг «ТОП-400» QS World University Rankings) были выявлены страны с наибольшим интересом к программам «Russian Studies»:

- 1) изучение русского языка и литературы;
- 2) сочетание изучения России и славянских или европейских стран;
- 3) сочетание русского языка с другими языками;
- 4) комплексные программы «Russian Studies».

В 32 из 45 стран, в которых базируются университеты из рейтинга «ТОП-400» QS World University Rankings, хотя бы в одном вузе обучают по направлению «Russian Studies». Анализ показал, что максимальный интерес к дисциплинам проявляют вузы Европы и Северной Америки (QS World University Rankings «ТОП-400» 2015/2016) (рис. 1).

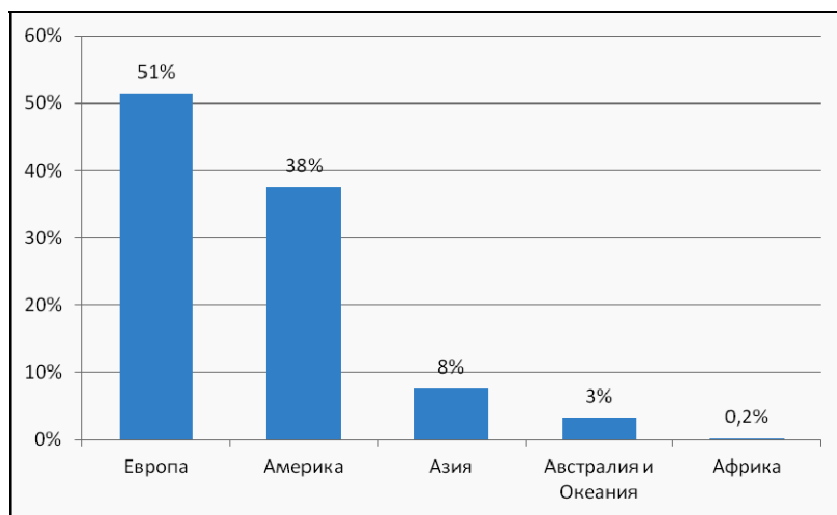

Рис. 1. Рейтинг регионов по количеству программ «Russian Studies», вошедших в рейтинг «ТОП-400», %

Источник: составлено автором на основе данных QS World University Rankings и сайтов университетов, 2015/2016. – URL: <http://www.topuniversities.com> (дата обращения: 01.06.16).

Наибольшее количество программ в Европе – 271. Программы есть в таких странах, как Австрия, Бельгия, Великобритания, Германия, Греция, Дания, Испания, Италия, Нидерланды, Норвегия, Финляндия, Франция, Чехия, Швейцария, Швеция, Эстония. Абсолютным лидером является Великобритания, где расположены самые престижные университеты мира: здесь насчитывается 213 программ.

На втором месте по количеству программ (198) Америка. Наибольшее количество программ приходится на США (174), Канаду (23), 1 программа – в Бразилии.

С большим отрывом на третьем месте Азия – 40 программ (Израиль, Казахстан, Китай, Республика Корея, Саудовская Аравия, Сянган (САР Китая), Япония). Наибольшее количество программ в Китае – 19. В Японии, Сянгане (САР Китая) и Республике Корея – 5–6 программ. В Австралии и Океании всего 17 программ, из которых в Австралии – 13, Новой Зеландии – 4.

Сотрудничество с ключевыми университетами этих стран, межвузовские академические обмены, программы двойных дипломов и создание сетевых университетов будут способствовать укреплению интереса к изучению России, невзирая на геополитические разногласия между странами.

Заключение. Важная составляющая успешной реализации проводимых проектов в области формирования позитивного имиджа России за рубежом, в том числе продвижения русского языка и образования на русском, – выбор ключевых стран через комплексную оценку их социально-экономического развития и геополитического положения.

Проведенный анализ позволил определить основные факторы, способствующие достижению поставленных целей с максимальной эффективностью или, напротив, оказывающие сдерживающее влияние и создающие риски. На основе этих факторов были выявлены страны и регионы, являющиеся приоритетными для реализации программ изучения русского языка.

Важным результатом исследования стало определение потенциально востребованных форм реализации программ обучения русскому языку и способов привлечения интереса к русскому языку в трех выявленных категориях целевой аудитории (учащиеся средних и старших классов и студенты вузов); мигранты из России; сотрудники компаний, ведущих бизнес в РФ. Очевидно, что наилучшие результаты (численность привлеченных на программы обучения) покажут проекты, основанные на уже имеющейся базе.

В результате исследования были выявлены приоритетные страны для сотрудничества и продвижения программ «Russian Studies» – Великобритания, США, Германия, Канада и Китай. Основными каналами продвижения программ были выявлены вузы-партнеры, создание программ двойных дипломов и сетевые университеты.

В условиях сложной современной геополитической обстановки важнейшим приоритетом становится повышение уровня качества российского образования, формирование позитивного имиджа и позиционирование России как центра, экспортирующего образовательные услуги высокого качества.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Ардатова Е.В.* Продвижение позитивного образа страны в современных учебниках по русскому языку для иностранцев как составляющая «мягкой силы» России // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2015. – № 7-1. – С. 222–226.

2. *Арефьев А.Л.* Русский язык на рубеже XX–XXI в. – М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2012. – 482 с.

3. *Арефьев А.* Сжимающееся русскоязычие // Демоскоп. – 2013, 14–27 октября. – № 571-572. – URL: demoscope.ru/weekly/2013/0571/demoscope571.pdf (дата обращения: 04.05.2016).

4. *Арефьев А.* Сколько людей говорят и будут говорить по-русски? // Демоскоп Weekly: электронная версия бюллетеня «Население и общество». – М.: Центр демографии и экологии чело-

века Института народнохозяйственного прогнозирования РАН, 2013. – URL: <http://demoscope.ru/weekly/2013/0571/tema01.php><http://www.demoscope.ru/weekly/2006/0251/tema02.php> (дата обращения: 04.05.2016).

5. *Бунге В.* Теоретическая география. – М.: Прогресс, 1967.

6. *Иванова О.Ю.* Мероприятия по продвижению русского языка и российского образования во Вьетнаме // Русский язык за рубежом. – М.: Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, 2012. – № 2. – С. 126–127.

7. *Митрофанова Э.В.* Деятельность Росзарубежцентра по поддержке и продвижению русского языка за рубежом // Русский язык за рубежом. – М.: Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, 2006. – № 5. – С. 4–8.

8. *Ниязова Г.Ю.* Политическая деятельность Российской Федерации по продвижению и укреплению позиций русского языка на постсоветском пространстве // Вестник Академии права и управления. – 2012. – № 26. – С. 136–143.

9. Продвижение русского языка и российского образования за рубежом // Сборник материалов по итогам проведения программы «Продвижение русского языка и российского образования за рубежом» в рамках Федеральной целевой программы «Русский язык» на 2011–2015 гг. – М.: НО «Фонд развития социальных инициатив “Новые перспективы”», 2012. – С. 82–90.

10. Русский язык в мире / Министерство иностранных дел Российской Федерации: доклад. – URL: http://archive.mid.ru/Vgr_4.nsf/arh/B6BE784B3E2ABD1343256DF8003AC21C (дата обращения: 04.05.2016).

11. Россотрудничество: Официальный сайт. – URL: <http://rs.gov.ru> (дата обращения: 04.05.2016).

12. *Смирнягин Л.В.* Узловые вопросы районирования // Известия Российской академии наук, серия географическая. – 2005. – № 1. – С. 5–16.

13. *Толорая Н.* Русский язык и российская культура в Корее: опыт распространения // Русский язык за рубежом. – М.: Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, 2012. – № 2. – С. 86–89.

14. *Холина В.Н.* География. Углубленный уровень. – Ч. 1. – М.: Дрофа, 2015. – 320 с.

15. Шувалов В.Е. Районирование в российской социально-экономической географии: современное состояние и направления развития // Региональные исследования. – 2015. – № 3 (49). – С. 19–30.

16. Berry B.J.L. A note concerning methods of classification // Annals of the Association of American Geographers. – 1958. – № 48. – P. 300–303.

17. Czyż T. The Application of Multifactor Analysis in Economic Regionalization // Geographia Polonica. – 1968. – Vol. 15. – P. 115–134.

18. QS World University Rankings «TOP-400». 2015/2016. – URL: <http://www.topuniversities.com> (дата обращения: 04.05.2017).

19. World Development Indicators // World Bank. – URL: <http://databank.worldbank.org/data/reports.aspx?source=world-development-indicators> (дата обращения: 04.05.2017).

REFERENCES

1. Ardatova E.V. Prodvizhenie pozitivnogo obraza strany v sovremennykh uchebnikakh po russkomu yazyku dlya inostrantsev kak sostavlyayushchaya «myagkoi sily» Rossii [Promotion of country's positive image in modern textbooks on Russian language for foreigners as part of «soft power» of Russia] // Aktualnye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk [Actual problems humanities and natural sciences]. – 2015. – № 7-1. – S. 222–226 (in Russ).

2. Aref'ev A. Russkii yazyk na rubezhe XX–XXI v. – M.: Centr social'nogo prognozirovaniya i marketinga, 2012. – 482 s. (in Russ).

3. Aref'ev A. Szhimayusheesya russkoyazychie // Demoscope. – 2013, 14–27 oct. – № 571–572. – URL: demoscope.ru/weekly/2013/0571/demoscope571.pdf (in Russ).

4. Aref'ev A. Skol'ko lyudei govoryat i budut govorit' po-russki? // Demoskop Weekly: elektronnyaya versiya byulletenya «Naselenie i obshchestvo». – M.: Centr demografii i ekologii cheloveka Instituta narodnohozyaistvennogo prognozirovaniya RAN, 2013. – URL: <http://demoscope.ru/weekly/2013/0571/tema01.php><http://www.demoscope.ru/weekly/2006/0251/tema02.php> (data obrasheniya: 04.05.2016) (in Russ).

5. Berry B.J.L. A note concerning methods of classification // Annals of the Association of American Geographers. – 1958. – № 48. – P. 300–303.

6. *Bunge V.* Teoreticheskaya geografiya [Theoretical geography]. – М.: Progress, 1967. – 281 s.

7. *Czyż T.* The Application of Multifactor Analysis in Economic Regionalization // *Geographia Polonica*. – 1968. – Vol. 15. – P. 115–134.

8. *Ivanova O.* Meropriyatiya po prodvizheniyu russkogo yazyka i rossiiskogo obrazovaniya vo Vetname [Activities for promoting Russian language and Russian education in Vietnam] // *Russkii yazyk za rubezhom* [Russian language abroad]. – М.: Gosudarstvennyi institut russkogo yazyka im. A.S. Pushkina, 2012. – № 2. – S. 126–127 (in Russ).

9. *Kholina V.N.* Geografiya. Uglublenny uroven. – Chast 1 [Geography. Advanced level. – Part 1]. – М.: Drofa, 2015. – 320 s. (in Russ).

10. *Mitrofanova E.V.* Deyatelnost' Roszarubezh-tsentra po podderzhke i prodvizheniyu russkogo yazyka za rubezhom [Roszarubezh-tsentr activities in supporting and promoting Russian language abroad] // *Russkii yazyk za rubezhom* [Russian language abroad]. – М.: Gosudarstvennyi institut russkogo yazyka im. A.S. Pushkina, 2006. – № 5. – S. 4–8 (in Russ).

11. *Niyazova G.* Politicheskaya deyatelnost Rossiiskoi Federatsii po prodvizheniyu i ukrepleniyu pozitsii russkogo yazyka na postsovet-skom prostranstve [Political activities of the Russian Federation on promoting and strengthening the position of Russian language in the post-Soviet space] // *Vestnik Akademii prava i upravleniya* [Journal of the Academy of Law and Management]. – 2012. – № 26. – S. 136–143 (in Russ).

12. Prodvizhenie russkogo yazyka i rossiiskogo obrazovaniya za rubezhom [Promotion of Russian language and Russian education abroad] // *Sbornik materialov po itogam provedeniya programmy «Prodvizhenie russkogo yazyka i rossiiskogo obrazovaniya za rubezhom» v ramkakh Federalnoi tselevoi programmy «Russkii yazyk» na 2011–2015* [Collection of materials on the results of the program «Promotion of Russian language and Russian education abroad» within the federal target program «Russian Language» in 2011–2015]. – М.: NO «Fond razvitiya sotsial'nykh initsiativ “Novye perspektivy”», 2012. – 82 s. (in Russ).

13. QS World University Rankings TOP-400 2015/16. – URL: <http://www.topuniversities.com> (дата обращения: 04.05.2017).

14. Rossotrudnichestvo: Ofitsialnyiy sayt [Rossotrudnichestvo: official website]. – URL: <http://rs.gov.ru> (in Russ).

15. Russkii yazyk v mire // Ministerstvo inostrannyh del Rossiiskoi Federacii: doklad. – URL: http://archive.mid.ru/Brp_4.nsf/arh/B6BE784B3E2ABD1343256DF8003AC21C (data obrasheniya: 04.05.2016) (in Russ).

16. *Shuvalov V.E.* Rayonirovanie v rossiyskoy sotsialno-economiceskoy geografii: sovremennoe sostoyanie i napravleniya razvitiya [Regionalization in the Russian socio-economic geography: the current state and development trends] // Regionalnie issledovaniya [Regional Studies]. – 2015. – № 3 (49). – S. 19–30 (in Russ).

17. *Smirnyagin L.V.* Uzlovyie voprosyi rayonirovaniya [Key issues of regionalization] // Izvestiya Rossiyskoy akademii nauk, seriya geograficheskaya [Izvestiya of Russian Academy of Sciences. Series: Geography]. – 2005. – № 1. – S. 5–16 (in Russ).

18. *Toloraya N.* Russkiy yazyk i rossiyskaya kultura v Koree: opyt rasprostraneniya [Russian language and Russian culture in Korea: experience of distribution] // Russkii yazyk za rubezhom [Russian language abroad]. – M.: Gosudarstvennyy institut russkogo yazyka im. A.S. Pushkina, 2012. – № 2. – S. 86–89 (in Russ).

19. World Development Indicators // World Bank. – URL: <http://databank.worldbank.org/data/reports.aspx?source=world-development-indicators> (data obrasheniya: 04.05.2017).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Букалерева Людмила Александровна, доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Российского университета дружбы народов

116178, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

E-mail: bukalerova_la@rudn.university

Тел.: +7 (495) 434-41-12, +7 (903) 540-66-78

eLibrary SPIN-код: 9426-2061

ID в SCOPUS: 56114425000

Быстряков Александр Яковлевич, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой «Финансы и кредит» Российского университета дружбы народов

117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

E-mail: bstal@yandex.ru

Тел.: +7 (926) 017-96-00

eLibrary SPIN-код: 283974

ID в SCOPUS: 44460990200

Григорьева Елена Михайловна, кандидат экономических наук, доцент, заместитель декана экономического факультета по научной работе Российского университета дружбы народов

117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

E-mail: aroooveo@yandex.ru

Тел.: +7 (963) 971-45-98

eLibrary SPIN-код: 6055-2720

ID в SCOPUS: 57190753380

Должикова Анжела Викторовна, кандидат химических наук, проректор по дополнительному образованию Российского университета дружбы народов

116178, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

E-mail: dolzhikova_av@rudn.university

Тел.: +7 (495) 434-66-41

ID в SCOPUS: 56534010900

Леденева Виктория Юрьевна, доктор социологических наук, доцент, заведующая кафедрой конфликтологии и миграционной безопасности Института права и национальной безопасности Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

119571, г. Москва, пр-т Вернадского, д. 84

E-mail: Vy.ledeneva@yandex.ru

Тел.: +7 (499) 956-06-29, +7 (903) 527-28-05

Линькова Елена Валентиновна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Российского университета дружбы народов

117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10-2

E-mail: e.v.linkova@yandex.ru

Массарова Алена Рамильевна, ассистент кафедры региональной экономики и географии экономического факультета Российского университета дружбы народов

116178, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

E-mail: massarova_ar@pfur.ru

Тел.: +7 (917) 565-36-73

eLibrary SPIN-код: 1724-6141

ORCID: 0000-0002-9470-0037

Мосейкина Марина Николаевна, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории России Российского университета дружбы народов

116178, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

E-mail: moseykina_mn@rudn_university

eLibrary SPIN-код: 3091-0370

ID в Scopus: 36140718800

Пономаренко Елена Васильевна, доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой политэкономии Российского

университета дружбы народов, директор Российско-французского центра ИГСУ РАНХИГС

117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

E-mail: elponomarenko@yandex.ru

Тел.: +7 (926) 196-44-63

eLibrary SPIN-код: 7996-5510

ORCID: 0000-0001-8527-6003

ID в SCOPUS: 57194554522

Потапенко Мария Владимировна, кандидат экономических наук, ассистент кафедры региональной экономики и географии Российского университета дружбы народов

117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

eLibrary SPIN-код: 4433-8817

ORCID: 0000-0002-4580-9327

Ромашова Татьяна Владимировна, кандидат географических наук, доцент кафедры географии геолого-географического факультета Национального исследовательского Томского государственного университета

634050, г. Томск, пр. Ленина, д. 36

E-mail: romtvtom@rambler.ru

Ромашова Анастасия Георгиевна, магистрант Болонского университета (Università di Bologna) (Италия)

47921, Italia, Rimini, Santa Chiara st., 40

E-mail: ronastik@rambler.ru

Рязанцев Сергей Васильевич, доктор экономических наук, профессор, руководитель Центра социальной демографии Института социально-политических исследований РАН, профессор кафедры МЭО Российского университета дружбы народов, заведующий кафедрой демографической и миграционной политики МГИМО (Университет) МИД России, член-корреспондент РАН

Институт социально-политических исследований РАН: 119333, Москва, ул. Фотиевой, 6, к. 1

Российский университет дружбы народов: 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

E-mail: riazan@mail.ru
РИНЦ Author ID: 77673
eLibrary SPIN-код: 5112-6604
ID в SCOPUS: 22136228700
Researcher ID: F-7205-2014
ORCID ID: 0000-0001-5306-8875

Савенкова Елена Викторовна, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры «Финансы и кредит» Российского университета дружбы народов
117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6
E-mail: savenkova.rudn@mail.ru
Тел.: +7 (903) 974-96-58
eLibrary SPIN-код: 9083-6539
ID в SCOPUS: 57190004814

Семерьянова Нина Анатольевна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры «Общепрофессиональные и специальные дисциплины по юриспруденции» ЮУрГУ (НИУ), филиал в г. Нижневартовске
628609, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, г. Нижневартовск, ул. Мира, д. 9
E-mail: nina_777s@mail.ru
Тел.: +7 (922) 435-53-40
eLibrary SPIN-код: 3057-0208
ORCID: 0000-0001-5428-8714

Султанова Муслима Каримджоновна, кандидат экономических наук, доцент кафедры финансов, бухгалтерского учета и налогообложения Московского государственного гуманитарно-экономического университета
107150, Россия, Москва, ул. Лосиноостровская, д. 49
E-mail: dartmiz@mail.ru
Тел.: +7 (926) 521-44-55

Султанова Шахноза Шокиржоновна, аспирант Российского университета дружбы народов
117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6
E-mail: shahnozia@gmail.com
Тел.: +7 (926) 521-44-53

Сумачев Алексей Витальевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и уголовного процесса Югорского государственного университета
628012, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, г. Ханты-Мансийск, ул. Чехова, д. 16, корп. 4, каб. 210
E-mail: alekssumachev@mail.ru; EMAIL@ugrasu.ru
Тел.: +7 (3467) 357-530

Трубейкой Александр Александрович, Президент ассоциации «Франко-российский диалог»
75008, Франция, Париж, авеню Монтевь, д. 41
E-mail: a.troubetzkoï@Icloud.com; troubetzkoï@gmail.com
Тел.: +33 (0) 607-74-19-95

Холина Вероника Николаевна, кандидат географических наук, доцент, заведующая кафедрой региональной экономики и географии экономического факультета Российского университета дружбы народов
116178, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6
E-mail: kholina_vn@pfur.ru
eLibrary SPIN-код: 5021-7870
ORCID: 0000-0003-2565-6244
ID в SCOPUS: 55650366800

Чудиновских Ольга Сергеевна, кандидат экономических наук, и.о. заведующего лабораторией экономики народонаселения и демографии экономического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова
119991, ГСП-1, Россия, Москва, Ленинские горы, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, 3-й новый учебный корпус, экономический факультет
E-mail: olga@econ.msu.ru, migrstat@yandex.ru
Тел.: +7 (916) 674-40-29
eLibrary SPIN-код: 1398-5931
ORCID: 0000-0003-3033-7117
Researcher ID: L-1970-2015

Galactéros Caroline, docteur en science politique, directeur de la société de conseil PLANETING

France, Paris

E-mail: cgl@planeting.org

Loeffelholz Hans Dietrich von, Ex-Chief Economist and Head of Economic Research at the Federal Office for Migration and Refugees (in German acronyms: BAMF), Nuremberg, taught as Lecturer with the Universities of Bochum and Munich

45289, Essen, Germany, Haverkamp, 21a

E-mail: hdvloeffelholz@gmx.de

Wihtol de Wenden Catherine, directrice de recherche CNRS, senior research CNRS, Centre de Recherches Internationales

75006 Paris, France, rue Jacob, 56

E-mail: catherine.wihtoldewenden@sciencespo.fr

Téléphone: +3-315-871-70-57

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
Galactéros C. Les enjeux de Souveraineté Dans un Contexte de Diversité Linguistique, Culturelle et Confessionnelle	7
Трубецкой А.А. Миграционная проблема – ошибка Запада	16
Wihtol de Wenden C. L'Europe et la crise de l'accueil des réfugiés	22

Раздел 1

ПРАВОО РЕГУЛИРОВАНИЕ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ

Семерьянова Н.А. Организационно-правовая деятельность муниципальных органов по адаптации мигрантов (на примере г. Нижневартовска Ханты-Мансийского Автономного округа – Югры)	38
Сумачев А.В. Миграция и ассимиляция: обычное право в системе профилактики правонарушений мигрантов	51
Чудиновских О.С. Регулирование международной миграции и получения гражданства в россии: новые идеи и старые проблемы	64

Раздел 2

МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ И ПОЛИТИКА: СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ПРОБЛЕМЫ

Быстряков А.Я., Григорьева Е.М., Савенкова Е.В. Положение высококвалифицированной иммиграции на рынке труда в России	90
Леденева В.Ю. Отношение российских граждан к миграционной ситуации в стране: социологическое измерение ...	108
Пономаренко Е.В. Современная миграция в ЕС. Особенности интеллектуальной миграции и мобильности	121

Ромашова Т.В., Ромашова А.Г. Адаптационная модель иммиграционной политики Франции в XXI веке	140
Рязанцев С.В. Новые подходы к совершенствованию миграционной политики России	159
Dietrich von Loeffelholz Н. Importance of the Economy and Labor Markets for the Managing of Immigration and Migrant Integration – Approaches and Experiences in Germany and the EU	177
Султанова М.К., Султанова Ш.Ш. Финансово-экономические аспекты трансграничных денежных потоков, связанных с миграцией	199

Раздел 3

ИНТЕГРАЦИЯ И АДАПТАЦИЯ МИГРАНТОВ: ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ И ЯЗЫКОВОЙ АСПЕКТЫ

Должикова А.В., Букалерева Л.А. Интеграция детей мигрантов в образовательную среду Московского региона ...	215
Должикова А.В., Мосейкина М.Н. Эволюция экзаменационных тестов по истории и основам законодательства РФ в контексте изменения отношения в российском обществе к интеграционному экзамену для мигрантов	231
Линькова Е.В. Школы русского языка во Франции как средство адаптации мигрантов и распространения русского языка и культуры	251
Холина В.Н., Должикова А.В., Массарова А.Р., Потапенко М.В. Потенциал стран и регионов мира с позиции продвижения русского языка и образования на русском ...	261
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	281

Научное издание

**ВЛИЯНИЕ
МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ
НА РАСПРОСТРАНЕНИЕ
РУССКОГО ЯЗЫКА В МИРЕ**

**Сборник тезисов и статей
участников Международного конгресса**

Париж, 7–10 июня 2017 г.

Технический редактор *Н.А. Ясько*
Компьютерная верстка *Н.В. Малаховская*
Дизайн обложки *Ю.Н. Ефремова*

Подписано в печать 05.10.2017. Формат 60×84/16
Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура Таймс
Усл. печ. л. 16,5. Тираж 1000 экз. Заказ 1563

Российский университет дружбы народов
115419, ГСП-1, г. Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Типография РУДН
115419, ГСП-1, г. Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Тел.: (495) 952-04-41

Для заметок

Для заметок
